

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

Тезисы докладов научной конференции
(Москва, 16 апреля 2012 г.)

Подписано в печать 03.04.2012.
Формат 60x90¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,75. Тираж 150. Заказ № 173

Издательский дом «Ключ-С»
Москва, Малый Каретный переулок, д. 11

Отпечатано в Издательском центре ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, ул. Моховая, 11.

Москва
ИД «Ключ-С»
2012

УДК [008+32/34+8/9](5/6)(06)
ББК 71(5+6)+63.3(5+6)+66/67(5+6)+81(5+6)
Л75

*Утверждено к печати Ученым советом
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Ответственные редакторы:
профессор *М.С. Мейер*,
профессор *Л.В. Гевелинг*

Л75 **Ломоносовские чтения. Востоковедение** : тезисы докладов научной конференции (Москва, 16 апреля, 2012 г.) / Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки ; [отв. ред. М. С. Мейер, Л. В. Гевелинг]. – Москва : Ключ-С, 2012. – 254 с.
ISBN 978-5-93136-173-4

Предлагаемое издание представляет собой сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и Института востоковедения РАН, подготовленных для научной конференции «Ломоносовские чтения. Востоковедение» (Москва, 2012).

Тезисы печатаются в авторской редакции и с одобрения заведующих соответствующими кафедрами и руководителей подсекций.

УДК [008+32/34+8/9](5/6)(06)
ББК 71(5+6)+63.3(5+6)+66/67(5+6)+81(5+6)

СОДЕРЖАНИЕ

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Грачёв М.В.

Представления об идеальном государе в эпоху Хэйан (794-1185).12

Ульянов М.Ю.

Кем создавались хроники в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.)?14

Хазизова К.В.

Роль и место петиций во внутривластной борьбе в Корё в период правления дома Чхве (конец XII – середина XIII вв.)17

Новая и Новейшая история стран Востока

Новакова О.В.

О некоторых проблемах современного развития Вьетнама: вызовы XXI в. и поиск национальной идентичности19

Симонова-Гудзенко Е.К.

Японские острова на японских и европейских картах XIV–XVI вв.22

Кутовая Е.А.

К вопросу о создании механизма безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе24

Арешидзе Л.Г.

Современный государственный японский национализм.....26

<i>Фурсов К.А.</i> Этапы вызревания сикхского княжества в недрах Могольского султаната.....	28
<i>Шлыков П.В.</i> Трансформация политической системы Турции под властью Партии справедливости и развития.....	30
<i>Олюнин С.В.</i> Хатай: власть, национальный миф, память	33
<i>Филимонова А.Л.</i> Роль Верховного суда в политической жизни Пакистана в начале XXI в.....	35
<i>Литвинцева Е.Я.</i> Феминистские движения в общественно-политической жизни современной Индии.....	37
<i>Сафронова А.Л.</i> Идейно-культурное наследие буддизма в современном индийском обществе.....	39
Языкознание	
<i>Бакланова Е.А.</i> Морфемизация иноязычных словообразовательных элементов в тагальском языке (на материале испанизмов и англицизмов).....	43
<i>Долотин К.И.</i> Оценка эмоциональной напряженности диктора при озвучивании текста с разной коммуникативной установкой (на материале русского, корейского, китайского и японского языков).....	46
<i>Иванов В.Б.</i> Ударение в иранских языках	49
<i>Софронов М.В.</i> Китайская транскрипция в реконструкции фонетики тангутского языка	51
<i>Худяков Д.</i> Диакритика в восточноазиатских письменностях.....	54

кой конкурентной борьбе (как на внутреннем, так и на внешнем рынке), дают возможность более гибкого регулирования цен на свою продукцию и т.д. Состояние инвестиционной деятельности в стране характеризует динамика многих показателей. По оценке Межгосударственного статистического комитета СНГ активизация инвестиционной деятельности в стране характеризуется показателем динамики инвестиции в основной капитал (Рисунок 2.) Динамика вложений в экономику в значительно опережает темпы экономического роста в Казахстане. Среднегодовые темпы роста инвестиции за период с 1996 г. по 2000 г. составляют с 23 процента, что значительно выше темпов прироста ВВП за этот период. Данные показатели в определенной мере характеризуют и эффективность использования инвестиций. Так, если темпы роста этих показателей опережают темпы роста инвестиций, то это явный признак повышения эффективности использования инвестиций и наоборот. Анализ статистических данных за ряд лет свидетельствует о том, что все еще преобладают экстенсивные факторы.

Рисунок 2 – Прирост инвестиции в основной капитал в Казахстане

В этих условиях переход экономики Казахстана на инновационный путь развития представляется как единственно правильный выход. Неоспоримость использования инноваций как основы достижения стратегического конкурентного преимущества компании не требует особых доказательств.

<i>Громова А.В.</i> Диалекты Фарса	56
<i>Щека Ю.В.</i> Огласовка показателя аориста в поэме Шеаяда Хамзы «Юсуф и Зулейха»	59
<i>Порхомовский М.В.</i> Апеллятивизация в турецком языке	61
<i>Панина Е.В.</i> Тексты СМИ на хинди как источник пополнения лексического запаса	62
<i>Никишина И.Ю.</i> Особенности вербализации концепта anger в современной художественной литературе на английском языке	63
<i>Басова С.В.</i> Образы исламистов в романах Халеда Хоссейни «Бегущий за ветром» и Джона Апдайка «Террорист»	65
<i>Быкова С.А.</i> Загадка диалектального сходства северо-востока Хонсю и юга Японского архипелага	67
<i>Крнета Н.</i> О различиях в мужской и женской речи в японском языке в жанре телевизионного интервью	69
<i>Румак Н.Г.</i> Ономатопозитические слова как семантический компонент значения глаголов вращения	71
<i>Бессонова Е.Ю.</i> О стилеобразующем иероглифе стиля соробунтай	73
<i>Стругова Е.В.</i> Еще раз о переводе реалий	75
<i>Нечаева Л.Т.</i> Употребление суффикса ぶり в современном японском языке	78

Литературоведение

<i>Акимушкина Е.О.</i> Основные принципы организации системы персонажей в маснави М.А. Фанаи «Достойный конец» (XIX вв.).....	81
<i>Стрелкова Г.В.</i> Цветочная символика в современной прозе хинди.....	83
<i>Софронова Л.В.</i> О соотношении массового и элитарного в творчестве турецкой писательницы Элиф Шафак.....	85
<i>Оганова Е.А.</i> О роли мифа в современной турецкой драматургии	88
<i>Рейснер М.Л.</i> Роль лирических вставок в персидском любовно-романическом эпосе XI–XIII вв.: от темы к форме.....	91
<i>Семененко И.И.</i> Периодичность в ритмическом строении древнекитайской философской прозы.....	93
<i>Стеженская Л.В.</i> Методология исследования литературы в средневековом китайском трактате «Вэнь синь дяо лун» (V–VI вв.).....	95
<i>Гурия А.Г.</i> Развитие психологизма в рассказах Премчанда.....	98
<i>Кузнецова Ю.А.</i> Динамика развития экспериментального театра в Китае в последние 20 лет XX века.....	99
<i>Кукушкина Е.С.</i> Жанровые и художественные особенности аллегорической прозы Малайзии.....	101
<i>Осипова К.Т.</i> Искусство быть идеальным сотрапезником (на материалах трактатов IX–XIV вв.).....	103

ет 23 страны Европы, в их числе Словакия, Беларусь, Болгария, Сербия, Хорватия, Словения, Люксембург, Кипр и др. Страна приближается к уровню ВВП Венгрии, Ирландии, Финляндии. Согласно классификации Всемирного банка, Казахстан вошел в группу стран с уровнем доходов выше среднего. Как известно, в мировой практике используется классификация М. Портера, ранжирующая страны в зависимости от уровня ВВП на душу населения (долларов США): стадия 1- зависимости от основных факторов < 2 000; переходная стадия с 1-й на 2-ю – 2 000–3 000; стадия 2 – ориентированность на эффективность – 3 000–9 000; переходная стадия со 2-й на 3-ю 9000–17 000; стадия 3 – ориентированность на инновации > 17000. По итогам 2011 года ВВП на душу населения в Казахстане составил около 11,3 тысяч долларов. В целом, по методологии проф. Портера, Казахстан находится на втором этапе развития, который характеризуется большими инвестиционными потребностями. Напомним, что в 1993 году ВВП на душу населения Казахстана составлял 700 долларов. Инвестиции на макроуровне являются основой для осуществления политики расширенного воспроизводства, структурной перестройки производительного сектора и сбалансированного развития всех отраслей экономики, внедрения инноваций. Инвестиции на микроуровне необходимы для расширения и развития производства, повышения его технического уровня, снижения морального и физического износа основных фондов, повышения качества и конкурентоспособности продукции, а также уменьшения экологического воздействия на окружающую среду.

Для экономики Казахстана, которая приступила к широкомасштабной реализации программы индустриально-инновационного развития, инвестиции необходимы, прежде всего, для существенной социально-экономической модернизации практически всех аспектов жизнедеятельности. В конечном счете, именно инвестиции определяют рост экономики. Увеличение реального капитала общества (приобретение машин, оборудования, модернизация и строительство зданий, инженерных сооружений) повышает производственный потенциал экономики. Инвестиции в производство, в новые технологии помогают выжить в жест-

Турежанов С.У., Сыздыкова А.Б.

Становление инновационного предпринимательства в Казахстане

Анализ итогов развития Казахстана на протяжении последних десяти лет позволяет сделать выводы о том, что в стране достигнуты основные макроэкономические цели социально-экономического развития, намеченные в начале реализации программы индустриально-инновационного развития. Общие контуры этой программы выражались в создании адекватной рыночной экономике институтов государственного управления, укреплении финансового сектора, в создании современной материально-технической базы, привлечении инвестиций и инновации, формировании соответствующей целям и приоритетам развития экономики налоговой и бюджетной системы. Наиболее универсальным индикатором экономического развития является показатель темпов экономического роста. Сравнение уровня и динамики роста ВВП за последнее десятилетие свидетельствует о достаточно устойчивой динамике развития экономики страны. Так, если усредненные темпы экономического роста на стартовом этапе развития суверенной экономики (с 1996–2000 гг.) составляли 2,56% в год, то с 2001 г. по 2010 г. темпы экономического роста, с учетом спада в период первого витка мирового экономического кризиса, сложились на уровне среднегодовых значений в 8,3 процента, что свидетельствует о наличии относительно устойчивых тенденции в экономике республики (Рисунок 1).

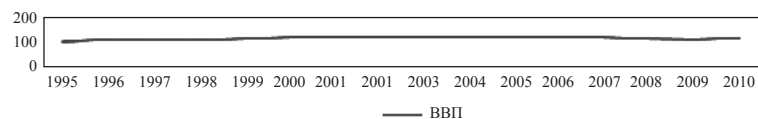

Рисунок 1 – Темпы экономического роста в Казахстане

Казахстан по объему ВВП занимает 54-е место в мире, на него приходится более 53% всего ВВП стран Среднеазиатского региона. В настоящее время по этому показателю Казахстан опережа-

<i>Репенковой М.М.</i> Модели мира в реализме, модернизме, постмодернизме	105
<i>Семенюк М.В.</i> Трансформация реализма в творчестве Ван Аньи	108
Африканистика	
<i>Громова Н.В.</i> Первый опыт университетского преподавания языка суахили	110
<i>Порхомовский В.Я.</i> Формирование канонического текста в младописьменном языке	112
<i>Кравченко С.Л.</i> К вопросу о редупликации в амхарском языке	114
<i>Урб М.Р.</i> Роль языка макуа в современной языковой ситуации Мозамбика.....	117
<i>Суетина Ю.Г.</i> О некоторых инновациях в словообразовании хауса	119
<i>Федорова Н.Г.</i> Рубрика «Maoni yetu» в газетных текстах языка суахили	121
<i>Дорохина М.О.</i> О языке рекламных текстов в странах Восточной Африки.....	122
<i>Рыкова Е.Ю.</i> К вопросу о формировании терминологии в языке суахили (политические метафоры).....	124
<i>Каплун М.И., Суетина Ю.Г., Вихрова А.Ю.</i> Типология соотношения «тон-интонация» в йоруба, хауса и китайском языке.....	127
Экономика стран Азии и Африки	
<i>Гельбрас В.</i> Китай: импорт и экспорт капитала	129
<i>Фридман Л.А.</i> Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в 2008–2011 гг.....	131

<i>Карамурзов Р.Б.</i> Динамика номинальной и реальной заработной платы в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.).....	134
<i>Бойцов В.В.</i> Географические, этнические и исторические факторы экономического развития стран юговосточноазиатского региона	136
<i>Ежов Г.П.</i> Экономика Ирана и санкции США.....	138
<i>Мельянцева В.А.</i> Страны БРИК: догоняющее развитие, международная конкурентоспособность и эффективность роста.....	140
<i>Лешаков П.С.</i> Современное состояние и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР	143
<i>Цветкова Н.Н.</i> ТНК и прямые иностранные инвестиции в странах Востока: последние тенденции	145
<i>Кульнева П.В.</i> Проблема контроля качества при производстве в Китае и опыт ее решения японскими компаниями.....	146
Религия стран Азии и Африки: история и современность	
<i>Шлыков В.И.</i> Исламистская «Партия справедливости и развития» и СМИ в Турции.....	149
<i>Орлов В.В.</i> Духовно-культурная адаптация алимского корпуса Марокко к европейскому опыту реформ (XIX в.).....	154
<i>Жантиев Д.Р.</i> Алавитская община Сирии на фоне революционных событий.....	156
<i>Шлыков П.В.</i> Исламистские движения в Турции в 1990-е и 2000-е гг.: география и динамика распространения.....	158

организованных преступных группировок. Администрация, политические партии, религиозные объединения воздерживаются от комментариев по данным событиям.

Политологи, представители НПО, СМИ высказывают иную точку зрения по поводу сложившейся ситуации. Ряд казахстанских политологов склоняется к тому, что данные события имеют религиозную основу. Местные жители этих районов подтверждают причастность к произошедшему религиозных экстремистов. В частности, по рассказам жителей пос. Шубарши, участники являлись членами хорошо известной в Темирском районе салафитской общины. Казахстанский политолог Д. Сагпаев утверждает: «Официальная информация не всегда полностью отражает реалии. Похоже, ситуация выходит из-под контроля властей...». По мнению ряда экспертов, эти события могли быть связаны с движением Талибан. Известно, что 18 мая 2011 г. маджлис Парламента РК одобрил ратификацию соглашения с НАТО об участии Казахстана в международной коалиции в Афганистане. В ответ талибы распространило заявление, в котором предупреждали Казахстан о том, что решение отправить войска в поддержку контингента НАТО в Афганистане будет иметь тяжелые последствия, так как противоречит интересам всех стран региона.

На территории Казахстана действительно можно наблюдать активизацию таких организаций. В 2003 г. из Караганды были депортированы эмиссары (граждане Республики Кыргызстан) пакистанской организации «Таблиги Джамаат». В декабре 2007 г. в Караганде состоялся уголовный процесс над 30 лидерами казахстанского отделения запрещенной в республике партии «Хизб ат-тахрир ал-ислами». После активных действий правоохранительных органов 167 членов этой партии вышли из нее, сдали всю нелегальную литературу. Но в 2010 г. вновь состоялся суд над 6 членами этой организации. И это не единичные факты. Таким образом, налицо возрастание роли исламского фактора и борьбы за влияние на казахстанское общество исламских организаций всех направлений и толков. И игнорирование этих проблем может привести к дестабилизирующим последствиям в будущем.

го пространства после крушения коммунистической идеологии, привел к росту интереса к исламу. По данным Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК) в республике к концу первого десятилетия 2000-х гг. проживало около 9 млн. мусульман, что составляло 67% населения. Из 2337 мусульманских объединений, действующих в Казахстане, 2334 суннитского, 3 – шиитского толков. В 2011 г. ДУМК называло еще более значительную цифру – 10 млн. мусульман, среди которых представители 24 наций, в общей сложности составляющих 70% населения республики (по мнению исследователя Я. Трофимова эти цифры сильно завышены). Сегодня на территории Казахстана в общей сложности функционирует более 5 тыс. мечетей и ведется их активное строительство во многих регионах страны. Зная религиозную повседневность изнутри, нельзя не согласиться с рядом экспертов считающих, что приверженность исламу в Казахстане несколько завышена. Не исключено, что на религиозную статистику повлиял процесс вхождения Республики Казахстан в 1995 г. в Организацию Исламская Конференция и председательство в ней в 2011 г. Но невозможно не констатировать тот факт, что число мусульман в стране действительно резко возросло, как и количество мечетей. Для сравнения: по данным на 1 января 1991 г. в Казахстане было зафиксировано 134 мечети, в начале 2010 г. их стало 2267, сейчас – около 5 тысяч.

На общем фоне «исламского возрождения» стала наблюдаться тенденция распространения радикальных течений ислама, представляющих реальную угрозу религиозного экстремизма. И сегодня данная проблема одна из самых серьезных. Трагические события лета 2011 г. в Актюбинской, Атырауской и Мангистауской областях подтверждают деятельность различных радикальных организаций в Казахстане. В июле 2011 г. в окрестностях села Шубарши Актюбинской области произошли события, приведшие к локальным столкновениям и гибели людей. Официальные власти в лице правоохранительных органов РК дают крайне скупые комментарии по поводу произошедшего, отмечая, что случившееся не имеет религиозную подоплеку. Представители таких структур как МВД, КНБ и Генеральная прокуратура РК утверждают, что лица, совершившие данные преступления, являются членами

<i>Захарьин А.Б.</i> Ислам в Китае. Религия и власть.....	163
<i>Запрометова О.М.</i> Мессианские чаяния иудаизма поздней античности	166
<i>Захарьин Б.А.</i> Религиозно-мифологические основания концепций «воздержание» и «ненасилие» в учении М.К. Ганди	168
<i>Хохлова Л.В.</i> Алфавит как символ конфессиональной самоидентификации в Северной Индии	169
<i>Бочковская А.В.</i> Община равидаси на пути конструирования идентичности (о главном паломническом центре в Бенаресе).....	172
<i>Стрелкова Г.В.</i> Джайнизм и творчество Джайнендры Кумара.....	174
<i>Филимонова А.Л.</i> Религиозный фактор в движении за раздел пакистанского Панджаба	176
<i>Литвинцева Е.</i> Индуистские представления о женщине в трактовке феминистских движений в современной Индии.....	178
<i>Башелешвили Л.О.</i> Домостроительство молитвы. Грузинская традиция.	179
<i>Таварткиладзе Д.Т.</i> Православная Церковь и воинская повинность в Грузии XVI–XVII вв.....	182
<i>Якушев М.М.</i> Российская миссия в Константинополе и русские паломники в начале XIX в.....	186
<i>Копоть Е.М.</i> Антиохия или Иерусалим: проблема русского присутствия на православном Востоке	189

Экология культуры Востока*Латина З.Г.*

Экологические истоки востоковедения будущего 191

*Ремарчук В.В.*О «Русском походе 1812 года» императора Наполеона
в «Записках о разном» вьетнамского современника
(культурологический аспект) 194*Ключников С.Ю.*Место интуиции и воображения в процессе преподавания
востоковедения 196*Садокова А.Р.*

Мотив запрета в японских храмовых легендах о колоколах 198

*Бессонова Е.Ю.*Регламентация как ментальный фактор коммуникации
японцев на материале японских эпистолярных текстов 200*Семененко И.И.*

Антиобывательский ригоризм Мэнцзы 202

*Кудряшова А.В.*Новаторство и традиции в творчестве японского художника
Такэхиса Юмэджи 204*Машикина О.А.*

Столкновение приоритетов в сфере образования КНР 207

*Багратион-Мухранели И.Л.*Русский Кавказ и американский Юг – формирование
литературного мифа 208*Ермаков К.В.*Образ Чон Дасана (1762–1836) в романе корейской писательницы
Хан Мусук (1918–1993) «Встреча» 213**Круглый стол на тему «Деструкция политической власти»***Гевелинг Л.В.*Деструкция политической власти в современном мире:
коррупция и организованное насилие 216

гибший в неравной борьбе с татарами: «Князь Темрюк с несколькими кабардинскими князьями дал присягу в верности русскому царю Ивану Васильевичу и обязался помогать ему в войнах с султаном и Тавридой (Крымским ханством – Дж. Р.) ... Крымский хан Девлет-Гирей II узнав об этом собрал войско с намерением совершенно истребить кабардинцев... Князь Темрюк Идаров собрав многочисленное войско из кабардинцев и других адыгейских племен» встретил неприятеля «близ Тамани». «Кабардинцы хотя и не разбили неприятеля, но своим упорным мужеством лишили его надежды победить их», вследствие чего хан был вынужден двинуться на Россию. Однако сам князь был тяжело ранен. «По выздоровлении своем князь Темрюк немедленно собрал кабардинцев и спешил на помощь к царю русскому... Таким-то образом князь Темрюк много раз помогал России; по возвращении своем на родину этот добрый, храбрый и лучший из всех князей наших умер от разболевшейся старой раны».

Ногмов создает новый образ Идарова – верного союзника Ивана Грозного, погибшего в неравной борьбе с татарами. Адыгские просветители XIX – начала XX в. (С. Хан-Гирей, А. Мисостов, В. Кудашев и др.) обращавшиеся к этой теме апеллировали уже непосредственно к ногмовскому образу Темрюка Идарова, наполняя его новыми деталями.

*Сактаганова З.Г.***Ислам в Казахстане на современном этапе:
проблемы и суждения**

После развала СССР в начале 1990-х гг. в странах Центральной Азии, и Казахстане в том числе, стал активизировался процесс, именуемый в литературе «исламским возрождением». Практически все тюркское население Республики Казахстан считает себя мусульманами (казахи, татары, узбеки, турки, башкиры и т. д.), кроме того, возрастает число приверженцев ислама за счет представителей других этносов (чеченцы, ингуши, уйгуры, дунгане, азербайджанцы и др.), в том числе славянских. Духовный и нравственный кризис, который прошли все государства постсоветско-

хейского народа» Ш. Ногмова, написанной под большим влиянием «Истории государства российского» Н. М. Карамзина.

Ногмов создает совершенно новый образ Идарова, практически никак не связанный с адыгской традицией. Интересно, что даже имя этого князя – *Темгрюк*, он меняет на *Темрюк*, вслед за Карамзиным. Юность князя Темгрюка списана Ногмовым с образа русского князя Святослава, созданного Карамзиным. «Сей Князь (*Святослав – Дж. Р.*), возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностью отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского... Собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле... Суровую жизнью он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях... не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был военачальник, таковы и воины», – Н. М. Карамзин. «Душа его (*Темгрюка – Дж. Р.*) пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыгейского народа... Он собрал многочисленное войско, и юное его сердце рвалось с нетерпением на поле брани... Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Каков был предводитель, таково было и войско», – Ш. Ногмов. Темгрюк, вслед за Святославом, наделяется рыцарскими манерами: «Князь не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: иду на вас. В эти времена варварства, гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа» (Ногмов); «Святослав не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: иду на вас! В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести» (Карамзин).

Однако наиболее существенная трансформация образа Темрюка обнаруживается в ногмовской версии военно-дипломатических отношений кабардинского князя и русского царя. Верховный князь Кабарды теперь предстает как верный союзник России, по-

Круглый стол «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

- Сыздыкова Ж.С.*
Великий шелковый путь и Центральная Азия220
- Насилов Д.М.*
Миноритарные языки в образовательном пространстве России.....223
- Кораев Т.К.*
Каспийские походы русов в контексте политической ситуации на Юго-Восточном Кавказе в первой половине 10 в.224
- Кулешова Н.С.*
Ментальность и национальный характер в отечественном социально-гуманитарном знании.....226
- Фурсов К.А.*
Соотношение геополитических и экономических причин экспансии России и Британии в Центральной Азии228
- Ганич А.А.*
Закавказский муфтий Гусейн-эфенди Гаибов: личность и эпоха.230
- Кадырбаев А.Ш.*
От Каракорума до Ханбалыка: русские в Монголии и Китае в эпоху Чингиз-хана и его первых наследников. XIII–XIV вв.233
- Исмаилова Л.Г.*
Культура средневекового Азербайджана.....237
- Джагацпанян Е.Д.*
Нерсес Шнорали – энциклопедист и экуменист средневековья239
- Ахмедов А.А.*
Национальные дискурсы на Кавказе: угроза конфликтов.....241
- Рахаев Дж.Я.*
Образ Темгрюка Идарова: адыгская традиция и интерпретация Шоры Ногмова245
- Сактаганова З.Г.*
Ислам в Казахстане на современном этапе: проблемы и суждения....247
- Турезжанов С.У., Сыздыкова А.Б.*
Становление инновационного предпринимательства в Казахстане.....250

Рахаев Дж. Я.

Образ Темгрюка Идарова: адыгская традиция и интерпретация Шоры Ногмова

В середине XVI века Верховный князь Кабарды Темгрюк Идаров, владения которого располагались в низовьях Терека, теснимый своими соседями – шамхалом Тарковским, ногайскими мурзами и кабардинскими князьями, направил ко двору царя Ивана IV посольство с просьбой о помощи и предложением содействия в налаживании дипломатических отношений с царствами Грузии. Русский царь, заинтересованный в активизации восточной политики, откликнулся на эту просьбу: к Темгрюку было направлено войско, на границе его владения построена крепость Терки. Со своей стороны, кабардинский князь направил в Москву, почетными аманатами, двух сыновей, а дочь Гуашаней (в крещении Мария) выдал замуж за Ивана IV. С помощью русских войск Идаров на короткий период сумел укрепить свое положение в регионе. В это время, один из сыновей Темгрюка, попав в опалу, был казнен. Идаров, узнав о судьбе своего сына, фактически разрывает вои отношения с царем и принимает участие в походе крымского хана Девлет-Гирея II, знаменитом сожжением Москвы. Оставшись без союзника, Темгрюк оказывается в крайне стеснительном положении и вскоре, в сражении с ногайскими мурзами, погибает.

В XVI – начале XIX века Идаровичи, потомки князя Темгрюка, в своих грамотах российским государям неоднократно упоминали его имя как пример преданного служения интересам России. Инкорпорированные в русскую аристократию многочисленные и влиятельные Черкасские, выходцы из Кабарды, поддерживали эти представления. Примечательно, что в кабардинском фольклоре, сравнительно подробно сохранившем предания о делах многих кабардинских князей и воинов, в том числе и противников Идарова, имя Темгрюка нигде не встречается. В начале XIX века, с включением Кабарды в состав России, возникла объективная потребность осмысления многовекового опыта русско-кабардинских отношений. Первой попыткой такого рода явилась «История ады-

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Грачёв М. В.

Представления об идеальном государе в эпоху Хэйан (794-1185).

Творцы ранней японской государственности оказались перед труднейшей и многосложной задачей создания высокоцентрализованного в китайском понимании государства при сохранении собственных традиций общественной жизни. В рамках такого компромиссного варианта происходило становление концепции власти, которая должна была быть социально ориентирована, рационалистична и основываться на интересах правящей элиты.

Несокрушимость принципа верховной власти правителя при первостепенном осмыслении социально-политического статуса, способствовали формированию совокупности характеристик, которые определяли сущностное наполнение понятия «государь» (яп. *тэнно*) – одного из важнейших для официальной идеологии.

В IX в. получают распространение представления о «мудром правителе» (яп. *сэйдай*). «Идеальный государь» мыслится как «совершенномудрый правитель», власть которого основывалась не только на божественном происхождении и праве непрерываемого наследования властительного трона, но и его прозорливости, а также великодушии по отношению к подданным. Согласно концепции *сэйдай*, правитель, обладая способностью проникать в хитросплетения любых замыслов и проявляя чрезвычайную осмотрительность, приумножал свою мудрость и подавал под-

Эту конкуренцию можно назвать борьбой за магистрали развития, то есть борьбой за выбор. В Грузии и Азербайджане это может быть борьба между ориентацией на традиционализм и ориентацией на светский вестернизированный этатический национализм, в Чечне – борьба власти с антироссийскими векторами.

У власти есть свой заказ на национальный дискурс, и она стремится маргинализировать конкурентов, но масштаб, компетентность и эффективность её усилий зависят от того, насколько и какую национальную идеологию она исповедует сама. Так мы видим вторую после межнациональной конфликтогенную тенденцию в развитии национальных дискурсов на Кавказе – внутринациональную.

Внутринациональный конфликт требует паритета активности носителей различных векторов одного национального дискурса. Ярче всего этот паритет и соответственно масштаб такого конфликта наблюдаются на чеченском примере. Тут критерий отношения к России и различия в религиозных предпочтениях служат гранью между сторонниками того или иного исторического пути чеченской нации. При этом существует ещё одна сторона вопроса: дискурс чеченской нации у лояльных российской власти лидеров Чечни необязательно может быть сопряжен с выбором в пользу этнофедерализма. Но он однозначно связан с представлением о своем этносе как об автономном политическом субъекте мировой истории. Бесконфликтное сосуществование такого подхода в массовом сознании чеченцев с развиваемым российским руководством концептом превалирования российской гражданской идентичности над религиозной и этнической требует определённых концептуальных усилий.

данным примеры великого преобразования. Его поступки – образец для всей страны, а молва о его деяниях должна была передаваться последующим поколениям. Он обязан воплощать идеал сыновней почтительности и демонстрировать благорасположение к преданным подданным.

Самыми действенными силами, благодаря которым в государстве устанавливается мир, провозглашались: священная грозность правителя (яп. *и*), преобразующая сила государя (яп. *сэйка*) и его добродетель (яп. *токука*). Дабы сохранить мир, вся власть должна оставаться в руках правителя. Гармоничное взаимодействие этих сил являлось гарантом особых магико-космологических способностей государя.

Однако японское государство явило пример разительного отличия от того образца, который с невообразимой настойчивостью постулировался официальной идеологией. Реалии японского общества не соответствовали идеалам, нашедшим отражение в законодательных сводах. На протяжении IX–X вв. разрабатывается жизнеспособная модель политического устройства со всеми присутствующими ей компонентами, главенствующая роль среди которых по праву отводилась представлениям о верховной власти.

Образ государя в японских источниках периода Хэйан неоднозначен. С одной стороны, речь идет об идеализированном правителе, а с другой – реальном императоре. Иногда они переплетаются и существуют параллельно, но в большинстве случаев противостоят друг другу. Это два различных образа, которые весьма затруднительно рассматривать в совокупности.

Идеальный правитель все свои помыслы и действия должен был направлять на государственное благо. Будучи «освобожденным от радости и печали» при ведении государственных дел, государю полагалось быть твердым в намерении поддерживать начинания, направленные на достижение благих целей. Иными словами концепция «мудрого правителя» предполагала самое деятельное участие государя в политической жизни страны.

В реальности «политическая активность» государя зависела от целой совокупности факторов. История периода Хэйан знает неединичные примеры деятельных и властных правителей. Однако в целом происходит минимизация властных функций *тэнно*

непосредственно связанная с процессом его сакрализации. Сохранилось немало свидетельств «священного одиночества» правителей. Согласно традиции в процессе интронизации наследник престола приобретал «душу божества», которая вплоть до отречения (или смерти) государя пребывала в его человеческом теле. По этой причине государи воспринимали себя существами совершенно иного порядка. Только правитель, обладая божественной сущностью, располагал безграничной ответственностью за гармонию в мире и не один подданный не мог сравниться с ним. В том следует искать причины «затворнического» образа жизни некоторых хэйанских государей и намеренное отдаление от политической сферы общественной жизни с сохранением своих сакральных функций.

Ульянов М.Ю.

Кем создавались хроники в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.)?

0. Перевод на русский язык первых пяти глав *Чунь цю Цзо чжуань* («Комментарии Цзо к «Веснам и осеням»») позволил вернуться к теме анализа текста этого памятника как источника по различным аспектам истории Древнего Китая. Одним из важнейших является изучение особенностей фиксации исторической памяти, прежде всего ведения «хроник». Попытаемся установить, кем они создавались.

0.1. Судя по надписям на бронзовых сосудах, еще в период Западное Чжоу (1027–771 гг. до н. э.) существовал ряд должностей, в название которых входило слово *ши* 史. В работах китайских специалистов все они относятся к числу «историографов» (совр. кит. *шигуань* 史官). Так ли это?

0.2. Таких должностей сравнительно много. В период Чуньцю это: *чжуши* 祝史, *нэйши* 内史, *даши* 大史, *цзоши* 左史, *наньши* 南史, *вайши* 外史, *шиши* 筮史 и *ши* 史 (всего в *Цзо чжуань* 68 упоминаний). Уточним круг их обязанностей и выявим тех из них, кто был связан с традицией создания хроник.

нальное сознание базируется на искусственно сформулированных концептах, опирающихся на пропагандистский инструментарий. Содержание концептов одинаково, похоже, по всему миру: некая общность как исторический субъект с актуальной политической волей, объединяемая общей историей – как правило трагической и обязательно с наличием если не государственной традиции, то цивилизационно-культурной уникальности, – а также общими вызовами в настоящем.

Спецификой Кавказского региона является тот факт, что здесь национальная идентичность сопряжена с этнокультурной. Поэтому здесь национальные дискурсы, вне зависимости от внешнего антуража, воспринимаются и являются этническим национализмом, что в силу содержания этих дискурсов, ведет к актуальным и потенциальным межэтническим и межгосударственным конфликтам. В России, в отличие от Запада или, например, Турции, системной работы – по крайней мере, результаты которой были бы доступны широкой общественности – по изучению этого чрезвычайно конфликтогенного фактора в Кавказском регионе не ведется. Но о том, какая мощная база для конфликтов уже в ближайшем будущем закладывается в сознание как южно-, так и северо-кавказской молодежи, можно судить и по отдельным исследованиям (например, мониторинг антироссийских концептов и «образов врага» в содержании школьных и ВУзовских учебников истории в странах СНГ, проводимый Фондом «Государственный клуб», или исследования В. А. Шнирельмана).

Возможность для успешного внедрения национальных концептов в массовое сознание зависит от получаемых в распоряжение ресурсов и инфраструктуры. Союз с властью, а тем более её заказ – это шанс для того или иного национального дискурса охватить и определенным образом актуализировать сознание большого количества людей, так как в современных условиях информационная среда может быть едина для целых стран и народов, даже дисперсных. Однако в тех же современных условиях воздействие на массовое сознание может эффективно оказываться и помимо власти. На сегодняшнем Кавказе это ведет к конкуренции внутри национальных дискурсов.

у большей части народов. С падением советского строя эта идентичность оказалась предоставлена сама себе. То есть, она оказалась предоставлена властным и интеллектуальным кругам, как местным, так и сторонним.

Последние два десятилетия национальная идентичность народов как Южного, так и Северного Кавказа по ряду существенных признаков развивается по вполне уже известному в мировой практике сценарию и по схожим лекалам. Хотя налицо имеющая большое значение разница в этатических реалиях – титульные нации закавказских государств и субъекты «многонационального народа Российской Федерации» – процессы конструирования и актуализации национального сознания идентичны по своему концептуальному содержанию, подходам и, соответственно, возникающим проблемам.

Некоторое различие пожалуй наблюдается лишь в распределении функций среди властных и интеллектуальных элит (представители последних на современном Кавказе, как показывают примеры Звиада Гамсахурдиа, Левона Тер-Петросяна, Владислава Ардзинба, в критические моменты истории могут становиться не только политическими, но и государственными лидерами).

Если в независимых государствах Закавказья – с точки зрения описываемых явлений мы можем отнести к ним и Абхазию – власть как использует производимые местными и «со стороны» интеллектуалами и прикладными профессионалами национальные дискурсы, так и заказывает их, то в республиках Северного Кавказа власть скорее следует в кильватере процессов развития национальной идентичности, оказываясь между Сциллой и Харибдой этнического и государственного национализма. Исключение на российском Кавказе составляют, на наш взгляд, Чечня и Осетия (которую в данном контексте целесообразно рассматривать совокупно – как Южную, так и Северную): здесь ситуация выглядит аналогично закавказской, хотя возможно в Осетии это менее очевидно, чем в Чечне.

Технологическую терминологию – «конструирование», «продукт», «заказ» и т. д. – а также понятие «дискурс» к процессам формирования и актуализации национального сознания применяют по понятным причинам: в отличие от этничности, нацио-

1. *Чжуши* 祝史 являлись старшими жрецами (14 упоминаний; 20,6%). Их основная задача заключалась в принесении жертв и в выполнении религиозных церемоний. Им также поручалось написание текста клятв (*цзай шу* 載書), которые произносились правителями царств во время заключения союзов (ц-во Лу, 469 г.). Вместе с ними упоминается еще несколько категорий жречества: по статусу после *чжуши* следовали *цзун* 宗 (или *цзунжэнь* 宗人), в царстве Лу зафиксирована жреческая должность *чжуцзун* 祝宗 (2 упоминания); а также известны слепые жрецы *гу* 瞽 – исполнители ритуальной музыки, од и гимнов.

2. *Нэйши* 内史 «секретари дворцовой канцелярии» (упомянуты 9 раз – 13,2%; 8 в чжоуском домене вана, 1 в царстве Цзинь). Они подчинялись «начальнику канцелярии» правителя (*иньши* 尹氏) и относились к числу высших должностных лиц царства. В их обязанности входило составление текстов повелений, связанных с инвеститурой, назначениями и т. п., они выполняли посольские функции.

Итак, *нэйши* служили при дворе правителей царств, *чжуши* – при поминальном храме их предков. В круг их обязанностей составление хроник не входило, первые являлись представителями верхушки бюрократии, вторые – духовенства.

3. *Вайши* 外史 (упомянут 1 раз – 1,5%). В Лу это лицо, ответственное за хранение текстов клятв, которые приносили государю этого царства подвластные ему правители отдельных владений.

4. Поскольку в *Цзо чжуань* упомянуты и просто *ши* 史, то потребовалось выяснить, в каких случаях под этим словом подразумевалась отдельная должность, а в каких нечто иное. Анализ показал, что *ши* могло использоваться в различных значениях:

4.1. Как название категории жрецов, основная обязанность которых заключалась в толковании результатов гаданий, а также чтении молитв и участие в жертвоприношениях (14 упоминаний – 20,6%), поэтому будем называть их жрецами «интерпретаторами гаданий» (в памятнике один раз упоминается должность *шиши* 筮史, возможно, *ши* сокращение именно этой должности). По своему статусу они занимали четвертую позицию после жрецов *чжуши*, *цзунжэнь*, а также *бу* 卜 – гадателей, осуществлявших процедуру гадания.

4.2. В качестве обобщения нескольких должностей, в название которых входило слово *ши* (2 упоминания – 3,0%). Оно, в *Цзо чжуань*, а также *Го юй* использовалось расширительно применительно к тем, в чьи обязанности входило составление письменных текстов (*шу* 書) разных жанров: речей (*юй* 語), повелений (*мин* 命) и указов (*лин* 令), текстов клятв (*цзай шу* 載書) и т. п. Поэтому хотя косвенно *ши* и были причастны к летописанию (позднее многие эти тексты могли войти в летописи), но это не значит, что всех их можно считать «историографами» — не являлись теми, кто вел записи в хронике.

4.3. В узком смысле: в качестве сокращения должности *даши* 大史. Анализ *Цзо чжуань* показал, что ведение хроник являлось задачей только *даши* (в ряде других источников – *тайши* 太史).

В *Цзо чжуань* содержится 13 упоминаний *даши* различных царств и 11 упоминаний *ши*, которые с большой степенью вероятности можно отождествить с *даши* (35,3%; царство Цзинь – 14 упоминаний, Лу – 4, Чжэн – 2, Ци – 2, чжоуский домен – 1, царство Вэй – 1). Их имена и фамилии упомянуты в 17 случаях. Самые известные из них *даши* царства Цзинь: *ши* Чжао 史趙 из царства Цзинь указан пять раз (543, 535, 534, 531, 486 гг. до н. э.), *ши* Цай Мо 史蔡墨 из царства Цзинь – четыре раза (513, 511, 510, 486 гг. до н. э.). Занятия *даши* передавались по наследству. Например, в роде Дун 董 царства Цзинь: его основоположником был живший на рубеже периодов Шан (ок. 1300–1027 гг. до н. э.) и Западное Чжоу *даши* по имени Синью 辛有; в период Чуньцю один *даши* из этого рода упомянут в сообщении *Цзо чжуань* за 607 г. до н. э. (Дун Ху 董狐), а еще один – за 527 г. до н. э.

5. *Цзоши* 左史 (букв. левый *ши*) в *Цзо чжуань* встречается трижды (4,4%): в сообщении за 559 г. до н. э. в царстве Цзинь, в сообщениях за 530 и 478 гг. до н. э. в царстве Чу (возможно, это чуский аналог *даши*). принадлежность его к «историографам» сомнительно, тем более, что царстве Цзинь были и свои *даши*.

6. *Наньши* 南史 (букв. южный *ши*), одно упоминание (1,5%) – в царстве Цзинь это ассистент *даши* (сообщение за 548 г. до н. э.).

7. Кроме того, в *Цзо чжуань* упомянуто 7 человек с фамилиями Ши 史 – это представители знатных родов Чжоуского домена,

Литературное наследие Нерсеса Шнорали огромно и дошло до нас почти без потерь. Применение им метрики светской любовной лирики благодаря большому авторитету Нерсеса распространялось на все виды религиозной поэзии. Он автор поэм «Элегия на взятие Эдессы» – одного из лучших произведений средневековой поэзии, «О небе и светилах», «Сын Иисус» – стихотворного переложения Ветхого завета и Евангелий, включающего 8000 стихов, «Слово о вере», «Исповедую верой» и др.; стихотворной «Истории Армении», доведенной до 1121 г.; около 300 загадок в стихах, большая часть которых взята из фольклора; духовных песнопений, прозаических сочинений – речей, проповедей и посланий. Сохранилось свыше 200 мелодий Нерсеса Шнорали, записанных в новоармянской безлинейной нотации. Произведения Нерсеса Шнорали переведены на десятки языков. На русском языке публиковались в переводах Брюсова, Гребнева и др.

Ахмедов А. А.

Национальные дискурсы на Кавказе: угроза конфликтов

Термин «нация», бывший некогда синонимом сегодняшнего понятия «этнос», представляет собой в наше время довольно противоречивый концепт. Тем не менее, в нем можно выделить сущностный признак обозначаемого или подразумеваемого: политическую целостность и суверенную политическую волю некоего сообщества соплеменников, соотечественников либо сограждан.

Благодаря массовой грамотности значительная часть человечества усвоила и продолжает усваивать тот или иной дискурс национального сознания, будь он гражданский или этнический. Множество исследований уже посвящено истории этих дискурсов, их концептуальному содержанию, присущим им стереотипам, тому, как они формируются и распространяются.

Новое поле для таких исследований открылось на постсоветском пространстве, где советская национальная политика сформировала по сути устойчивую национальную идентичность

местом паломничества. Переработал и дополнил Шаракноц (Гимнарий), Патаракаматуйц (Литургиарий), Жамагирк (Часослов), систематизировал годовой цикл армянских церковных песнопений, дополнив его собственными произведениями. Занимался проблемами древнеармянской нотописы (хазами), развивал светскую литературу, метрику, жанр поэмы. Сын князя Апирата Пахлавуня. Правнук знаменитого писателя Григория Магистроса, младший брат католикоса Григора III. Получил образование в киликийском монастыре Кармирванк у епископа Степаноса Манука. В 16 лет стал монахом, жил при католикосе – сначала в замке Цовк, а с 1150 в крепости Ромкла.

Нерсес Шнорали был убежден, что в условиях государственной раздробленности Армянская церковь может заменить институты центральной власти, консолидировать народ перед угрозой мусульманского завоевания. Как и Григор III, Нерсес Шнорали надеялся вернуть патриарший престол армянских католикосов из Киликийского Армянского царства в столицу Армении Ани; в годы своего патриаршества, когда престол армянских католикосов находился в Киликии, он наладил связи с крупнейшими монастырями собственно Армении, вел переписку с восточными вардапетами (армянскими учеными-богословами). Нерсес считал, что разделение христиан на конфессии противоречит Евангельскому духу и Божьей воле, и прилагал усилия для воссоединения христиан. Участвовал в Антиохийском соборе, положившем начало армяно-католическим церковным отношениям. Вел переговоры об унии с византийским императором Мануилом Комнином и константинопольскими патриархами (Лукой и Михаилом III), для чего составил «Изложение веры», которое византийская сторона восприняла как основу к началу объединения Армянской и Византийской церквей: в 1170 г. и в 1172 г. в Ромкла состоялись диспуты Нерсеса Шнорали с прибывшими в Киликийскую Армению представителями византийского императора, в ходе которых Нерсес настаивал на соблюдении равноправия при объединении церквей. Заключению унии помешала смерть византийского императора Мануила (1180). Нерсес Шнорали в 12 в. стал идеологом того, что в наше время именуется экуменическим движением.

царств Цинь, Вэй, Чу. Многие из них занимали высшие должности при дворе или в армии, а к историописанию причастны не были.

Хазизова К.В.

Роль и место петиций во внутривосточной борьбе в Корё в период правления дома Чхве (конец XII – середина XIII вв.)

Политическая борьба в государстве Корё в 1170–1270 гг. осуществлялась преимущественно насильственными методами. Тем не менее, нельзя обойти вниманием еще одну форму борьбы, гораздо более традиционную и характерную для Кореи в частности и для государств дальневосточного региона в целом, – петиционную борьбу. Суть ее заключается в том, что чиновники, недовольные действиями других чиновников либо положением в стране, подают вану петицию в форме жалобы, прошения или рекомендации с просьбой разрешить проблему, и ван, рассмотрев петицию, принимает решение по делу.

Помимо изучения «Биографии» Чхве Чхунхона и его потомков, а также биографий основных военных лидеров второй половины XII – середины XIII вв., содержащихся в «*Корёса*», было проведено количественное исследование и анализ основного текста летописи (раздел «*Сеза*», «Истории домов») на предмет поиска в нем указаний на происходившую в стране борьбу за власть.

Если рассмотреть хронологию подачи петиций и сообщений, то мы не обнаружим в ней никаких явных тенденций, указаний на значительные внутренние проблемы, способные вызвать беспокойство сразу большого числа чиновников. Не встречается и свидетельств внутренней борьбы в среде рангового чиновничества, из чего можно предположить, что она велась крайне скрытно и внешне была максимально скрыта. С другой стороны, могло быть и так, что документальные свидетельства подобного рода борьбы просто не сохранились к моменту написания летописи, были уничтожены после того, как власть Чхве была свергнута, либо просто

не внесены в «*Корёса*» ее составителями как не заслуживающие внимания, не отвечающие нормам конфуцианской морали и пр.

Помимо данных основных записей «*Сега*», в анализ следует включить ряд петиций и сообщений различного характера из «Биографии» Чхве Чхунхона и его потомков. Наибольший интерес представляет петиция из 10 пунктов, поданная вану в 1196 г. самим Чхве Чхунхоном сразу после убийства им Ли Ыймина для обоснования своего поступка и оправдания совершенного преступления. В этой петиции Чхве излагает свои взгляды на такие проблемы, как неблагоприятное местоположение ванского дворца, обязанности государственных чиновников, недостатки существующей системы землепользования и налогообложения, институт государственных ревизоров, затрагивает вопрос о буддийских монастырях и провинциальном чиновничестве, и пр. Эта единственная петиция подобного рода, хотя и не может повлиять на данные проведенного анализа, свидетельствует прежде всего о стремлении Чхве Чхунхона не просто захватить власть, чтобы повысить свой статус и благосостояние, как это сделали его предшественники (Чон Джунбу и Ли Ыймин), но, возможно, попытаться реально изменить положение в стране в лучшую сторону.

Выйдя из тюрьмы после 1171 г., поэт второй раз отправляется в путешествие. Хотя после этой поездки он опять возвращается на родину, в Ширван, долго там не остается и вместе с семьей переезжает в Табриз, где живет до конца жизни. Последние годы Хагани протекают мрачно и тяжело: молодым умер его любимый сын, а затем дочь и жена. Трагедия последних лет наложила отпечаток на некоторые его произведения; в элегиях поэт оплакивал свое горе. Умер он в 1199 г. и похоронен в пантеоне поэтов Сурхаб в окрестностях Табриза.

В любовной лирике Хагани отсутствует мистическая окраска, символическая любовь к божеству, как это встречается, например, в суфийской поэзии. От лирических произведений Хагани веет теплым дыханием жизни. Его герой восхищается красотой, трогательной нежностью возлюбленной, стремится к ней, томится в разлуке.

Широкое распространение получила касыда Хагани, известная под названием «Развалины города Медаин». Как классический образец философской лирики, полной раздумий поэта о судьбах властей и народов, эта касыда вызвала много интересных откликов-подражаний и ответов у крупнейших поэтов Востока.

Джагацпанян Е.Д.

Нерсес Шнорали – энциклопедист и экуменист средневековья

Нерсес Клаеци (Клаэнский), прозванный Шнорали (Благодатный) – армянский поэт, философ, богослов, летописец, музыкальный теоретик, композитор, певец, педагог, выдающийся церковный и государственный деятель, святой, с 1166 католикос Нерсес IV. Один из образованнейших людей и авторитетнейших ученых своего времени, ярчайший представитель «серебряного века» армянской литературы. Греческие, сирийские и латинские источники сравнивают его с отцами церкви 3–5 вв., называя «новым Григорием Богословом». В Армении Нерсеса Шнорали почитают наравне с Григорием Просветителем, Сааком Партевом, Месропом Маштоцем и Григором Нарекаци, а его могила стала

*Никто не в силах нас заставить разлучиться!
Какою клеткою в плену удержишь птицу?
Кого ты оплела жгутами черных кос,
Того оковами не удержишь в темнице.*

Одним из крупнейших представителей поэзии Азербайджана XII в. является Хагани Ширвани. Афзаладдин Бадиль Хагани Ширвани родился в 1120 г. в Шемахе. Его воспитанием и обучением занимался дядя по отцу Кафиэддин Омар, крупный ученый своего времени, знаток медицины, астрономии, естествознания, логики, грамматики, литературы и мусульманских законов и предписаний. Поэт в своих произведениях неоднократно выражает признательность дяде:

*Мудрый дядя мой вел к совершенству меня,
Им даны мне познания, гордость, свобода.
Умирая, сказал он: «Ты будешь у нас
Образцом превосходства и славой народа».*

Хагани был учеником Абу-ль-Ала Ганджеви, изучал произведения арабских и персидских писателей, особенно увлекался стихотворениями известного персидского суфийского поэта Санаи (1070 – ок. 1141) из Газны. Абу-ль-Ала, представив поэта ко двору, предложил ему принять псевдоним Хагани. В скором времени, благодаря своей высокой поэтической культуре и художественному мастерству, поэт занял одно из почетных мест при дворе.

В 1156 г. Хагани получил разрешение правителя на паломничество в Мекку, на могилу пророка Мухаммада. После своего возвращения в Ширван он написал философскую элегию о развалинах бывшей столицы сасанидских шахов Медаин с большим поэтическим мастерством он описал свои впечатления от путешествия в поэме «Подарок двух Ираков» («Тохфат аль-Иракайн»), которую завершил в 1157 г.

Под предлогом паломничества Хагани хотел вторично и навсегда вырваться из золотой клетки шахского двора, но Ахсатан ему не разрешил. Тогда поэт тайно покинул Ширван, но был схвачен около Бейлакана и брошен в каземат Шабаран.

Новая и Новейшая история стран Востока

Новакова О. В.

О некоторых проблемах современного развития Вьетнама: вызовы XXI в. и поиск национальной идентичности

1. Без обращения к историческим традициям Вьетнама невозможно понимание и объяснение тех изменений, которые стали характерны для этой страны после провозглашения политики «обновления» в 1986 г. на VI съезде КПВ.

2. В геополитическом отношении Вьетнам расположен на пересечении двух региональных цивилизаций – Юго-Восточной Азии и Дальневосточной – с центром в Китае. Но в течение длительного времени он был практически вырван из своего естественного окружения. Поэтому не будет ошибкой утверждать, что осознание Вьетнамом себя частью региона ЮВА (особенно после вступления в АСЕАН в 1995 г.) есть осознание им себя, возвращение к своему историческому прошлому, на путь дальнейшего развития и утверждения национальной идентичности, в первую очередь, его культуры.

3. Ставший характерным для Вьетнама с начала 1990-х годов ментальный возврат к «славному» историческому прошлому, к далекому «золотому» веку вьетнамской истории, является, по сути, важным аспектом самоидентификации вьетнамской нации. Включение исторической мифологии в историческую канву, апеллирование к далекому прошлому носит не случайный харак-

тер: тем самым существенно удлиняется история вьетнамского государства (на 2000 лет), обосновывается древность зарождения вьетнамского этноса, а в целом древняя вьетнамская цивилизация и культура практически уравниваются по времени возникновения с таковыми в Поднебесной.

4. Это возвеличивание исторического прошлого понадобилось для решения сложных актуальных задач, возникших на рубеже XX – XXI веков в результате сложившейся новой для Вьетнама геополитической и экономической ситуации. Вьетнамское общество переживает переходный период, что составляет его главное своеобразие на данном этапе развития. В такие переломные моменты общество апеллирует к базисным духовным национальным ценностям, прежде всего, к национальной культуре и к традиционным религиозным и этическим ценностям.

5. В этой связи руководство КПВ/СРВ выдвинуло и включило в свой идеологический арсенал новый тезис, утверждающий, что в процессе современного социально-политического развития Вьетнама на новой основе – рыночной экономики, – традиционный социально-культурный и религиозный комплекс может выполнять интеграционные функции, удерживая общество от распада. Два качества – единство и сплоченность нации объявлены руководством страны главной идейно-социальной ценностью.

6. Новым стало осуществление политики вьетнамских властей по разрешению и восстановлению практики старинных верований, подвергшихся модернизации со стороны сильно обновленного в последние десятилетия буддизма (особенно в Южном Вьетнаме), вплоть до ассимиляции им культа духов-покровителей. Именно культу предков в настоящее время во Вьетнаме отводится роль главного «заслона» в деле защиты нации от экспансии низкопробной массовой культуры Запада. Последние два десятилетия во Вьетнаме были отмечены массовыми и публичными проявлениями различных сторон национальной самобытности и культуры, в той ее части, которая характеризуется национальными праздниками, церемониями, шествиями и т. д.

7. После провозглашения политики «обновления» настроение в обществе кардинально изменилось. На смену аскетическому и суровому существованию всей нации, мобилизованной в усло-

Исмаилова Л. Г.

Культура средневекового Азербайджана

Начиная с XII в. в общественно-экономической и культурной жизни Азербайджана намечаются значительные сдвиги. Возникают новые самостоятельные государства Эльдигизидов (столица – Табриз, потом Нахичевань), Аксункуридов (столица – Мерага) и Ширваншахов (столица – Шемаха).

Развитие экономических и торговых отношений способствовало расцвету культуры и науки, математики, астрономии, естествознания и географии, истории и философии.

В XII в. успешно развивается азербайджанская лирика. В этой поэзии нашли свое художественное выражение призывы к справедливости и земному счастью, человеколюбию и свободомыслию, осуждение пороков общества, произвола правителей и высшего духовенства. Гуманистические и демократические мотивы обогащали творчество таких поэтов, как Фалаки, Муджираддин Бейлакани, Иззаддин Ширвани и др. В средневековых дворцах, как и в XI в., процветала придворная поэзия, основными жанрами которой были касыды, газели. Создавались также рубаи (четверостишие) и маснави (эпическая поэзия).

Одним из наиболее известных представителей придворной поэзии XII в. был Абу-ль-Ала Ганджеви. Будучи образованным человеком своего времени, Абу-ль-Ала стал «царем поэтов» при дворе Ширваншаха Манучехра (1120—1149).

Абу-н-Низам Мухаммад Фалаки Ширвани (1108—1146) родился в Шемахе – столице Ширваншахов. До нас дошел небольшой сборник лирических стихов (диван Фалаки), состоящий из касыд, газелей и рубаи.

Среди персоязычных азербайджанских поэтов XII в. исследователи также упоминают имя поэтессы Мехсати. Она была родом из Ганджи. Подобно Омару Хайяму, она утверждает благородные чувства любви, красоту человека. В ее стихах осуждаются косность, несправедливость, произвол и насилие, едко высмеиваются тупоумные и бездушные отшельники, призывающие к «наслаждениям в раю»:

дена в ранг государственной политики, что подтверждается указами императора монголов в отношении всех религий в империи Юань. Один из его указов гласит: «Силою Вечного Неба, помощью великой благодати и покровительства (наших предков) указ императора. Указ, адресованный командирам армии, солдатам армии, чиновникам даруга, управляющим городами, официальным посланцам, уезжающим и приезжающим: В указах императоров Чингиза, Угэдэя, Сэчэна (Хубилая), Улджайту (Тимура), Гюлюка (Хайсана), Буянту (Аюрбарвада), Гэгэна (Шидебала) было сказано: «На буддийских, христианских, даосских и мусульманских духовных лиц пусть не налагаются никакие повинности... В их храмах пусть не останавливаются официальные посланцы. Пусть у них не берут почтовых лошадей и продовольствия. Пусть (они) не выплачивают торгового налога и поземельного налога. Пусть никто не применяет силы, не отнимает и не требует их поместья, сады, мельницы, гостиницы, лавки, ломбарды, бани, (посадки) бамбука и тростника, лодки – чтобы то ни было...».

Юаньская империя унаследовала от Монгольской державы, созданной Чингиз-ханом и его первыми наследниками, ее этническое и религиозное разнообразие, представленное столь различными друг от друга цивилизациями, где все было в брожении и становлении, сталкивались и взаимно обогащались разные религии и культуры, чему способствовала политика монгольских правителей, потомков Чингиз-хана, выполнявших его завещание терпимо и покровительственно относиться ко всем религиям. Участниками этих процессов была и немногочисленная русская община.

Говорить о самостоятельной политике русской общины при монгольском дворе в Юаньской империи в Китае нет оснований. В состав дворцовых клик, интриговавших друг против друга, входили представители разных этнических и религиозных групп правящего класса монгольской империи, в основном монголы и «сэму», частью которых были и русские.

виях длительной и жестокой войны, пришло чувство удовлетворения достигнутой военной победой (30 апреля 1975 г.). Необходимость реализации новых, во многом непривычных задач, требует от партии выработки новых концептуальных политических положений. Одно из них – наблюдаемая в политике КПВ тенденция создания некоего синтеза основ марксизма с национальными культурными традициями, прежде всего, с идеологическим наследием харизматического вождя нации – Хо Ши Мина.

8. Все это – свидетельства восстановления национальной истории и культуры, символизирующие преемственность традиционной государственной идеологии современным руководством КПВ/СРВ.

Современная правящая политическая элита Вьетнама соотносит некоторые положения конфуцианских позитивистских концепций с современной государственной доктриной, применяя их на практике.

9. Таким образом, идеология, на которую опирается руководство Вьетнама, частично повернута в прошлое с тенденцией его возвеличивания, что дает определенную рефлексию в проводимой политике «обновления», особенно у той группы руководства, которую условно можно назвать консерваторами.

10. В целом сочетание основ определенных современных политических теорий с национальными культурными традициями может в будущем трансформироваться в новую динамичную национально-культурную доктрину Вьетнама.

Симонова-Гудзенко Е.К.

Японские острова на японских и европейских картах XIV–XVI вв.

1. Самые ранние карты мира, сделанные японцами, датируются XIV в. К этому времени относятся как текстовое описание, сделанное Китабатакэ Тикафуса в историческом сочинении «Дзинносётоки», так и графические изображения мира, так называемые «буддистские карты мира». Расширение пространственных представлений жителей архипелага, вероятно, в значительной степени связано с первой внешней агрессией (походами монголов), которую испытало японское государство. Известные сегодня наиболее полные графические изображения японских островов, «карты Гёги», так же принадлежат XIV в. На них указаны провинции с количеством, входящих в них уездов, столичные дороги, а также на некоторых экземплярах информация о соседних странах, написанная на полях. Архипелаг изображен достаточно достоверно и точно, а описания стран содержат как мифические, так и реальные сведения.

2. Первые сведения о Японии в Европу были привезены Марко Поло в конце XIII- начале XIV вв. Довольно широко распространено мнение, что Марко Поло мог привезти в Европу и карту мира. Наиболее обоснованным представляется гипотеза А.Г. Юрченко, что Марко Поло пересказал карту Монгольской империи и воспроизвел каталог ее городов, что он экспортировал в Европу информационную базу географических данных, накопленных чиновниками династии Юань (Юрченко А.Г. Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб, Евразия, 2007).

3. На европейских глобусах и картах XV в. Япония представлена одним большим овальным островом (Фра Мауро (1459), Паоло Тосканелли (1474), глобус Мартина Бехайма (Edapfel 1492)). В первой половине XVI в. японский архипелаг изображали цепочкой точек, с одной крупной в центре (неизвестный картограф, (1545–1548, Диего Хомем (1558), венецианская версия географии

му можно добавить, что при монгольском дворе годами жили русские князья Ярослав, отец Александра Невского, Михаил Всеволодович черниговский, Андрей Мстиславович, отравленные и казненные по прихоти монгольских владык и их окружения. Есть данные об именах свиты русских князей, их воинов и слуг – Святополке, Михаиле, Якове, Алоге (Олеге). С 1242 по 1252 гг. жил в Каракоруме рязанский князь Олег Ингваревич. Среди близкого окружения Мункэ-хана находился ростовский князь Глеб Василькович. В 1257 г. он женился на знатной монголке. Среди русских в монгольской столице были и искусные ремесленники, например Козьма, золотых дел мастер, изготовивший для Гуюкхана печать и дивной красоты трон из слоновой кости, который умел строить дома.

После распада Монгольской державы и фактически переноса ее столицы из Каракорума в Ханбалык на месте современного Пекина, можно наблюдать наличие православной общины и в Китае. Русские, жившие в Китае в эпоху Юань, были в основном воинами императорской гвардии. Первоначально русские воины входили в состав тангутской (тангуты, народ, говоривший на языке близком к тибетскому и живший на северо-западе Китая, чья государственность была уничтожена Чингиз-ханом.-Авт.) гвардии монгольских правителей Китая. История донесла имя их начальника тангута Илянчжэнь – Баня, командовавшего частями, сформированными из русских. В 1330 г. по распоряжению юаньского правительства русских воинов собрали вместе и сформировали из них гвардейскую часть, получившую название «прославляющие верность». Сколько в ней было воинов сказать трудно, в китайских и иных источниках на это нет указаний. Хотя некоторые исследователи предполагают даже наличие 10-тысячного контингента гвардии, сформированного из русских. Сотня русских гвардейцев была дислоцирована около Ханбалыка, где им были пожалованы монгольским императором земли во владение. Русские воины принимали активное участие в монгольских походах против восставших китайцев и отличились в боях.

Пребывание русской общины и ее служба монгольским правителям во многом была обусловлена веротерпимостью монгольских владык при всей жестокости их завоеваний, которая была возве-

славной или греческой ветви, которую олицетворяли русские священники, и поэтому держал вокруг себя много православных «клириков» и позволял им служить «согласно обычаю греков» в часовне перед своей ханской юртой.

Таким образом, русское духовенство с первых лет установления монгольского владычества проникало в среду завоевателей, оспаривая в борьбе «за души» влияние других конфессий. Насколько это удавалось можно судить из сообщения французского посла ко двору великого хана Мункэ в 1253 г. сменившего на монгольском троне Гуюк-хана, фламандца Гильома де Рубрука: «Отсюда знайте за верное, что они (монголы) весьма далеки от веры (т. е. от христианства католического толка.-Авт.) вследствие этого мнения, которое укрепилось среди них благодаря русским (т. е. по причине влияния православия, проповедуемого русскими. – Авт.) количество которых среди них весьма велико».

Персидский историк и летописец монгольской эпохи Рашид-ад-Дин подтверждает сказанное европейцами: «Так как в должности атабека (главнокомандующий войсками) при Гуюк-хане состоял Кадак, который был христианином с детства, то это наложило отпечаток на характер (Гуюк-хана). А после того и Чинкай (киреит Чжэньхай китайских династийных хроник и уйгур у Рашид-ад-Дина, глава правительства у Гуюк-хана) оказался пособником тому делу; и по этой причине (Гуюк-хан) всегда допускал учение священников и христиан. Когда молва о том распространилась, то из стран ... Рума (Византии.-Авт.), Осов (асов) и Русов в его столицу направились христианские священники. Благодаря постоянному присутствию Кадака и Чинкай не было недостатка в отречении от веры ислама, и дело христиан во время правления Гуюк-хана взяло верх, и ни у одного мусульманина не было силы поднять против них голос». Ханы Гуюк и Мункэ повелевали Северным Китаем и совершали завоевательные походы в южный, где и погиб в 1259 г. Мункэ.

Сравнительно многочисленна была в Китае того времени православная конфессия, к числу приверженцев которой относились асы, предки современных народов Северного Кавказа – осетинов, вайнахов, адыгов, и русские. Выше уже упоминалось о влиянии русских «клириков» в Каракоруме на великого хана Гуюка. К это-

Птолема (1561, 1562)). Географически японские острова были расположены довольно точно, хотя их форма была далека от действительности. На картах последней четверти XVI в. японский архипелаг представлен как один большой остров и цепь малых точек (Мюнстер (1575), Даниэль Целариус (1578), Хуан Мартинес из Мессины (1583), Антонио де Херрера (1601)). Эти карты выглядят как своего рода синтез двух предыдущих типов изображения.

До второй половины XVI в. изображение японских островов на европейских картах было довольно причудливым, хотя форма японского архипелага, береговая линия, исключая северный остров Хоккайдо, была уже довольно хорошо известна. Представляется, что нет противоречия между странным искаженным изображением японского архипелага и знаниями о нем в это время. Карты, которые использовали для мореплавания, были достаточно точными, реалистичными, в то время как карты мира исполнялись в рамках традиции, некоего картографического канона *mappaemundi*.

4. В современной истории картографии существует, по меньшей мере, два предположения, что европейская картографическая традиция изображения японского архипелага в начале XVII века развивалась по двум направлениям: по традиции Тешейра и Игнасио Морейра; или источником карт типа Тешейра была рукописная карта Морейра, первая сделанная европейским мастером карта японских островов. Однако понятно, что источником для обоих типов карт были так называемые карты Гёги. Японские исследователи указывают, что для карт Тешейра материалом послужила карта типа Гёги из храма Тосёдай. (1557).

5. Первичные результаты классификации европейских карт, изображающих Японию, могут предоставить материал для реконструкции пространственных представлений европейских картографов XIV–XVI вв. и влияния пространственных представлений восточно-азиатской традиции (особенно Китая, Корея, Японии) на их деятельность.

Кутовая Е. А.

К вопросу о создании механизма безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Азиатско-Тихоокеанскому региону, где в отличие от Евроатлантики, не сложилась единая система безопасности, где нет ни Заключительного акта СБСЕ, ни Организации по безопасности и сотрудничеству, необходима гибкая, многоформатная архитектура безопасности, которая была бы открытой, равноправной, транспарентной.

Почему проблема создания механизма безопасности столь актуальна для АТР? В том числе и по причине того конфликтного потенциала, который заложен в регионе, и многих вызовов и угроз безопасности, которые напрямую затрагивают интересы РФ. Многие страны рассматривают Россию как достаточно весомый стабилизирующий фактор в непростой политико-стратегической ситуации в регионе. Речь идёт как о глобальных вызовах (распространение ОМУ, международный терроризм, транснациональная преступность и др.), так и об известном наборе застарелых и относительно новых региональных проблемах и потенциально конфликтных ситуациях. В первую очередь, это ситуация на Корейском полуострове, проблема денуклеаризации Корейского полуострова. Сохраняются давние территориальные споры, в частности, вокруг островов в Южно-Китайском море, которые в последние годы сильно обострились. Можно даже сказать, что ЮКМ превращается сейчас в одно из основных мест сплетения противоречивых геополитических интересов крупнейших мировых держав.

В наши дни становится очевидным, что списывать со счетов *жесткую силу* в вопросах безопасности и думать, что все вопросы можно решить путём экономического взаимодействия и путём использования *мягкой силы*, всё-таки преждевременно. Вопросы безопасности в АТР играли и продолжают играть важную роль в отношениях стран региона.

Одна из основных внешнеполитических задач России в Азиатско-Тихоокеанском регионе состоит в формировании региональной системы коллективной безопасности с максимально широким участием, в которую входили бы США, Япония, Китай,

Кадырбаев А. Ш.

От Каракорума до Ханбалыка: русские в Монголии и Китае в эпоху Чингиз-хана и его первых наследников. XIII–XIV вв.

Завоевание Китая монголами и превращение этой страны после распада мировой Монгольской державы в часть новой монгольской империи Юань, образовавшейся на руинах Великого Монгольского Улуса, как никогда открыло его другим народам и цивилизациям Евразии. В Китай устремились выходцы из разных стран Азии и Европы, среди которых было немало христиан различных конфессий – несториан, католиков, православных. Христиане в империи Юань, основанной монголами, при правлении династии Чингизидов – выходцы из разных народов, были среди них и русские. Они, вместе с представителями других стран, лежащих к западу от Китая, являлись составной частью привилегированного сословия, так называемых «сэму» – «цветноглазых», сформированного монгольскими завоевателями по этническому принципу для управления захваченным ими Китаем, и уступали в правах лишь монголам и по статусу стояли над коренным населением завоеванного Китая – китайцами, составлявшими подавляющее большинство поданных монгольской империи Юань.

После грандиозных завоеваний Чингиз-хана и его первых наследников в XIII в. в составе населения многих регионов Евразии произошли значительные перемены, связанные с вольным и невольным переселением больших групп людей с Востока на Запад и с Запада на Восток. Русские общины, скорее всего, появились в Китае уже после завоевания первыми наследниками Чингиз-хана его северной части в первой половине XIII в. Известно, что после монгольского завоевания на его территории произошли заметные изменения в составе населения. Вероятно, что именно в этот период и появляются в городах Монголии и Китая, прежде всего, в Каракоруме – столице Монгольской империи, выходцы из завоеванной монголами Руси.

Интересно, что внук Чингиз-хана – великий монгольский хан Гуюк собирался принять христианство и благоволил к его право-

политического и национального движения в Закавказье – азербайджанским писателем-просветителем и общественным деятелем Мирзой Фатали Ахундовым и грузинским поэтом и публицистом Ильёй Чавчавадзе. В должности закавказского муфтия Мирза Гусейн способствовал приобщению сотен молодых мусульман к сфере просвещения и культуры. Его сыновья получили высшее образование в России. Ратуя за необходимость женского образования, М. Г. Гаибов в статьях «Дастури нисван» и «Обучение и воспитание наших женщин и девушек» убеждал своих единоверцев, что обучение в школах нового типа отнюдь не противоречит установлениям шариата. Его супруга Саадат-ханум участвовала в кавказском женском благородном обществе, дочери стали выпускницами Тифлисского института благородных девиц.

Закавказскому муфтию принадлежит заслуга по собиранию литературного наследия азербайджанского народа. К 1860 г. им был составлен четырехтомный «Сборник стихотворений поэтов, знаменитых в Азербайджане», который из-за нехватки денежных средств тогда не увидел свет. Лишь в 1986, 1989 и 2002 гг. вышли первые три тома этой антологии. На «Сборник» Мирзы Гусейна опирались Адольф Берже, издавший «Поэзию закавказских певцов XVIII и XIX веков на азербайджанском диалекте» в Лейпциге в 1868 г., позднее – писатель и критик Фиридун-бек Кочарлинский при составлении фундаментальных «Материалов по истории азербайджанской литературы».

Мирза Гусейн Гаибов скончался в марте 1917 г. и был похоронен в Тифлисе. Сочетая в себе качества государственного чиновника и духовного лица, он проводил выверенную религиозную политику, направленную на преодоление разногласий между суннитами и шиитами с одной стороны, и мусульманами и последователями других конфессий, с другой. Его просветительская деятельность способствовала развитию исламского знания, открытию в Закавказском крае мусульманских и светских учебных заведений и формированию нового поколения образованных мусульман, впитавших в себя фундаментальные нравственные основы исламской религии и достижения русской и европейской научной мысли.

Россия, Индия, Республика Корея, КНДР и АСЕАН. При этом в наши дни АСЕАН стала по существу ядром интеграционного сотрудничества в АТР, в том числе в сфере безопасности.

РФ последовательно продолжает выступать за построение новой региональной архитектуры, основанной на коллективных началах, принципах и нормах международного права и учете законных интересов её участников.

В 2010 г. Россия и Китай совместно выдвинули внешнеполитическую инициативу по совершенствованию архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР. К этой инициативе проявляет интерес Индия, государства АСЕАН. Суть её заключается в том, чтобы государства региона исходили в своих взаимоотношениях из осознания неделимости безопасности, отказались от попыток укрепить собственную безопасность за счет безопасности других. Тем самым в АТР можно будет окончательно избавиться от конфронтационного наследия холодной войны, не допустить возникновения в регионе новых разделительных линий, способных поставить под угрозу перспективы интеграционного соразвития азиатско-тихоокеанских государств.

Ведущим механизмом многостороннего общерегионального политического диалога по всему спектру вопросов, связанных с обеспечением мира и стабильности в АТР, сегодня является Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), объединяющий 26 стран. В рамках АРФ успешно взаимодействуют Россия со странами АСЕАН и другими участниками. Как представляется, подобными вопросами наряду с АРФ могли бы заниматься Восточноазиатские саммиты (ВАС), совещания министров обороны стран-членов АСЕАН и её диалоговых партнеров («СМОА плюс»), некоторые другие региональные структуры. Многие в плане концептуальной проработки вопросов безопасности АТР способны сделать экспертное сообщество в формате *второй дорожки*, например по линии Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ).

Востребованность России в регионе материализуется и в участии РФ в работе ВАС, АСЕМ, повышении своего профиля в АТЭС, в стремлении стран АСЕАН к уплотнению разнообразной кооперации с Россией.

В последние годы в Азиатско-Тихоокеанском регионе набирают силу важнейшие процессы, происходит стратегическая перегруппировка сил, АТР становится одним из главных полюсов формирующегося нового многополярного миропорядка. Хотя путь к созданию механизма безопасности в регионе является весьма непростым, подчас имеющим свои подводные камни, представляется, что государства региона постепенно разворачиваются в сторону осознания необходимости его формирования. К этому большие усилия приложила и продолжает прикладывать Россия.

Арешидзе Л.Г.

Современный государственный японский национализм

Под государственным национализмом в Японии (тэйкокусюги или коккасюги) мы понимаем исторически сложившуюся специфическую государственную идеологию и практику ее применения властями страны в политических целях. Японский национализм – это особый идеологический конструкт, давно созданный правящими элитами с целью удовлетворения внутренних и внешних потребностей нации, ее специфических интересов. И в этом отношении природа японского национализма может быть понята и объяснима, как с позиций теории перенационализма, рассматривающей развитие нации с точки зрения *long duree*, т.е. долговременной и непрерывной во времени составляющей ее исторического развития, так и с позиций модернистов, рассматривающих развитие нации и национализмов, как результат их недавней модернизации. Согласно модернистской теории, именно в период модернизации государство и правящие элиты мобилизуют и объединяют нацию с помощью новой националистической идеологии, как правило, более агрессивной, наступательной, чем прежняя. И делается этого для того, чтобы легче было вписаться и удержаться в новой системе международных отношений, стабильное пребывание в которой, как правило, сопряжено с новыми вызовами и угрозами выживанию нации.

Нам представляется, что именно такой подход к пониманию современного японского государственного национализма позволяет высветить ту его специфическую особенность, которая

он получил у закавказских мударрисов. Владел арабским, фарси и русским языками. М.Г. Гаибов сделал блестящую карьеру на российской службе. Начав в 1858 г. с должности учителя восточного курса в Тифлисском мусульманском училище Омарова учения (открыто в 1848 г.) и чина губернского секретаря (соответствовало XII классу в таблице о рангах), он, спустя 25 лет «беспорочной службы», получил чин статского советника (V класс). Поднимаясь по чиновничьей иерархической лестнице, Мирза Гусейн неоднократно получал денежные поощрения и был награжден орденами и медалями (св. Анны, св. Станислава, св. Владимира разных степеней, персидский орден Льва и Солнца и др.). С открытием в Тифлисе Закавказского суннитского духовного правления в 1872–1873 гг. был назначен секретарем и помощником закавказского муфтия хаджи Гамид-эфенди Мустафа-эфенди-заде. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был направлен в 1878 г. в Эрзерум в распоряжение командовавшего действующим корпусом в Азиатской Турции для исполнения обязанности письменного переводчика. В 1879 г. совместно с единомышленниками добился открытия «татарского» (азербайджанского) отделения при Закавказской учительской семинарии в Гори, и год спустя был утвержден в должности учителя суннитского вероучения и татарского языка этого отделения. С 1884 по 1917 гг. занимал должность закавказского муфтия и председателя Закавказского мусульманского духовного правления суннитского учения. Соглашаясь на это место, он, в то же время отмечал: «Я не был духовным лицом, никогда никаких духовных треб не исполнял и впредь исполнять не буду. Предложенный мне пост приму, так как полагаю, что сумею принести таким путем наибольшую пользу моему народу».

Несомненной пользой для народов Закавказского края М.Г. Гаибов считал внедрение в массы европейского просвещения и культуры, изживание религиозной и национальной нетерпимости. Во время кровавых межэтнических столкновений, вспыхнувших в Закавказском крае в 1905–1906 гг., Мирза Гусейн Гаибов, как религиозный глава мусульман-суннитов внес свой вклад в умиротворение этого конфликта.

Активная просветительская деятельность привела его к знакомству и дружбе с выдающимися представителями общественно-

но и дипломатическими и военными средствами. Примером первого положения может служить благожелательное отношение к вхождению в состав России в 1865 г. части населения Ташкента, подготовленное её торговым проникновением; примером второго – покорение ахал-текинцев в 1881 г., которое прекратило их разбой на караванных путях. В связи с этим если у Британии в Центральной Азии не было иных геополитических целей, кроме «сдерживания и отбрасывания» России, то у последней, как сопредельной с регионом державы, иные цели имелись – «замирение» тех народов, которые препятствовали освоению ею ресурсов уже присоединённых областей. Поэтому меморандум А. М. Горчакова 1864 г. нельзя трактовать лишь как дипломатическую уловку России; в нём изложен не только предлог, но в известной степени и истинная причина экспансии.

К началу XX в. Россия выиграла в Большой Игре по всем пунктам: включила огромные пространства Западного Туркестана в состав своей империи политически и стала успешно осваивать его экономически. В этом ей помогали не только географическая близость региона и традиционные торговые связи, но и введённый ею суровый протекционистский режим. Вместе с тем британцы могли быть спокойны, что отстояли Индию (на которую на деле никто и не посягал).

Ганич А.А.

Закавказский муфтий Гусейн-эфенди Гаибов: личность и эпоха.

Время Великих реформ эпохи Александра II выдвинуло на передний план ряд значимых общественно-политических вопросов, в том числе касавшихся национально-культурного развития «инородческого» и «иноверческого» населения Российской империи. В плеяде видных общественных деятелей и просветителей кавказских провинций империи особое место занимает закавказский муфтий Мирза Гусейн-эфенди молла Юсуф-заде Гаибов.

Мирза Гусейн Гаибов родился в 1830 г. в с. Салахлы Казахско-го уезда Елисаветпольской губернии. Религиозное образование

свидетельствует о том, что развивается он не столько как самостоятельная современная идеология, какой, например, является либерализм, консерватизм, социализм со своим комплексом идей и системой ценностей, а всего лишь как искусная их подмена, которая сознательно внедряется государством в массовое общественное сознание через распространение эмоциональных чувств, патриотизма, необъяснимой любви и предпочтений к одной «хорошей и уникальной» нации, какой «естественно» является японская, и соответственно «нелюбви и равнодушного отношения» – к другой или другим «плохим, варварским» нациям, к которым японские националисты традиционно относили Россию, Китай, Корею, в меньшей степени – Соединённые Штаты Америки.

Иными словами, японский государственный национализм после «холодной войны» есть государственная идеология, крайне востребованная властью и обществом для целей выживания нации в XXI-ом веке. Эта идеология, как и любая другая государственная идеология, может рассматриваться как прогрессивная или реакционная, отражать левые или правые политические взгляды и убеждения. Но в ее отсутствии или слабой выраженности Япония была бы обречена на утрату завоеванных ею во второй половине XX-го в. экономических и политических позиций мировой державы. Давая определение «национализму» вообще, Макс Вебер в свое время правильно, на наш взгляд, подчеркивал, что национализм – эта идеология, создаваемая властями для общества, и предлагающая ему свой «рассказ» про «хорошую» нацию, про ее отношения с государством и с другими странами. Японские власти, активизируя сегодня идеологию государственного национализма, «рассказывают» обществу с позитивных позиций про особую уникальность японской нации, про ее огромный созидательный потенциал, а также про задачи власти по ее сохранению и совершенствованию. При этом правящая элита Японии всякий раз аккуратно «намекает» нации на то, что ее выживание во враждебном мировом окружении в XXI в. возможно только на путях объединения коллективных усилий всех японцев «под руководством императора и государства» для защиты независимости и суверенитета страны и выполнения приоритетных задач национального развития.

Фурсов К.А.

Этапы вызревания сикхского княжества в недрах Могольского султаната

В начале XVI в. в Панджабе возникла община сикхов («учеников») вероучителя Нанака (1469–1539). Сначала это была религиозная организация, но к концу столетия набрал обороты процесс её превращения в политику. С одной стороны, в сикхизм начали массово обращаться крестьяне-*джаты* и члены низких каст. С другой стороны, череда сикхских гуру сделалась династией и стала претендовать не только на духовное влияние, но и на мирскую власть. Джаты и низкокастовые сикхи поддержали проснувшиеся притязания своих гуру на превращение в теократических князей, так как оно давало возможность дальнейшего повышения статуса им самим («государственное регулирование статусов» как один из выделенных Л.Б. Алаевым вариантов кастовой динамики в Индии). К началу XVII в. община пришла по сути со своим монархом и налоговой системой, став одним из мелких княжеств в составе Могольского султаната.

Поддержка пятым гуру Арджаном (годы *гурта*: 1581–1606) мятежного принца стоила ему жизни, но его сына гуру Харгобинда (1606–44) шах Джахангир предпочёл кооптировать в могольскую элиту. Это было одновременно признанием факта возникновения нового княжества и попыткой интегрировать его в империю. Однако при Шахе Джахане оформление светской власти гуру (*мири*) и рост её военного компонента стали вызывать в Дели тревогу. Несколько успешных для сикхов сражений с имперскими войсками закрепили автономию княжества внутри Могольской державы.

Несмотря на раздробленность из-за параллельных гуру, община-княжество крепла. В условиях начинавшегося распада империи шах Аурангзеб казнил девятого гуру Тег Бахадур (1664–75), но его сын, десятый гуру Гобинд Сингх (1675–1708) провёл в 1699 г. социально-религиозную реформу, выковав из сикхов милитаризованную организацию – *хальсу*. Эта община нового типа позволила сикхам успешно отбиваться от раджей Шивалика и могольской армии. Даже временным разгромом

го влияния. Отсюда хивинский поход В.А. Перовского 1839 г., позднее и покорение Средней Азии в 1860-е – первой половине 1880-х годов. Однако экономические причины экспансии переплетались с геополитическими неразрывно. Целью хивинского похода А. Бековича 1717 г. было отвести Амударью в Каспий, чтобы наладить торговое судоходство в Индию. Одной из целей похода В.П. Орлова на Индию 1801 г. Павел поставил: «Торг её обратить к нам». В XIX в., в условиях экономического завоевания Британией рынков Османского султаната и Ирана в России смотрели на Центральную Азию как на естественный рынок сбыта и источник сырья. Её значение росло по мере подъёма российской текстильной промышленности и достигло пика во время хлопкового голода на мировом рынке в годы гражданской войны в США.

С британской стороны исходным толчком проникновения в Центральную Азию тоже послужили соображения геополитические: опасения за власть Ост-Индской Компании в самой Индии, усилившиеся после войн России с Османами и Каджарами конца 1820-х годов. (Вопреки распространённому мнению, геополитические причины превалировали даже в ходе экспансии Компании внутри Индии.) Неуклонное движение русских границ на юг Евразии всё больше обостряло опасения британцев. Однако и здесь отделить от геополитики экономический аспект трудно: Британия тоже стремилась превратить Центральную Азию в рынок сбыта для своей промышленности – в том числе безотносительно Большой Игры (попытка с 1831 г. реализовать идею торговли по Инду и через Гиндукуш, в 1870-е годы расширить экспорт в Кашгарию и т. д.).

При приоритете геополитических целей экспансии чётко отсоединять их от экономических неправомочно. В случае обеих империй геополитические мотивы подкреплялись экономическими и наоборот. Стремление расширять свои границы либо сферу политического влияния было не только самоцелью, но и средством достижения второй цели – экономического преобладания. Геополитические цели достигались не только дипломатическими и военными, но и торговыми и т. п. средствами; экономические цели, в свою очередь, достигались не только торговыми и т. п.,

работы, рассматривающие: процессы формирования и эволюции этнической идентичности (публикации И. А. Алексахиной, И. А. Задворнова и др. авторов); социально-психологические взаимоотношения этносов (труды Ю. В. Арутюняна, В. Н. Иванова и др.); состояния и динамика этнического самосознания (труды Ю. В. Арутюняна, А. Г. Здравомыслова, М. О. Мнацаканяна, З. В. Сикевич и др.); исторические истоки формирования и развития национального характера (труды С. В. Вострикова, В. С. Полянско-го и др.). За последнее время появилось значительное количество публикаций по этническим стереотипам. Здесь следует назвать работы Е. Г. Баранова, Г. О. Брицкого, Л. Д. Гудкова, А. А. Гусейнова, М. В. Денисенко, Е. В. Крицкого, А. Г. Левинсона, А. А. Улуняна, Е. Б. Шестопал. Интерес представляет статья В. Е. Чертихина «Этический характер и исторические судьбы России».

Оценивая степень научной разработанности темы национального характера в целом, следует отметить, что нарастает противоречие между необходимостью междисциплинарного исследования национального характера и более активной социокультурной детерминации национальной политики в «постсоциалистических обществах», с одной стороны, и недостаточным использованием этнососоциокультурного подхода к исследованию этносов и межэтнических отношений в частности национального характера, с другой стороны.

Фурсов К. А.

Соотношение геополитических и экономических причин экспансии России и Британии в Центральной Азии

С российской стороны первоначальный импульс экспансии дали соображения геополитики. Принятие казахских жузов в подданство в XVIII в. было призвано обезопасить уязвимые степные рубежи империи перед лицом сильных соседей – Джунгарского ханства, затем Цинской державы. В XIX в., с началом противостояния, известного как Большая Игра, главной геополитической целью России в регионе стало не допустить усиления британско-

Гобинда в 1704 г. власти не смогли повернуть вспять процесс дальнейшей кристаллизации княжества.

Гобинд Сингх ещё был готов на существование сикхской политики под эгидой Могольского султаната. Его преемника во главе хальсы Банда Бахадура это уже не устраивало. При нём сикхи подняли масштабное восстание, создав под боком у Дели своё первое целиком независимое княжество. Социально-экономической подоплёкой подъёма антиимперского движения сикхов (и не только их) было усиление земле (вла) дельческих групп в контексте подъёма индийской экономики, условия для которого отчасти создала сама Могольская империя.

У последней хватило сил подавить восстание, и 1710–50-е годы стали самым тёмным периодом сикхской истории, отмеченным постоянными гонениями против них. Однако замкнутый круг репрессий и партизанской борьбы работал против Моголов, и к середине XVIII в. десяток сикхских военных отрядов (*мисалов*) контролировал значительную часть Панджаба, превращаясь в территориальные княжества.

В конце 1740-х – конце 1760-х годов роль главного врага сикхов перешла от практически распавшейся Могольской империи к Дурранийской державе Ахмад-шаха, который регулярно грабил Северо-Западную Индию. В ходе жёсткого противостояния сикхи блокировали афганцам путь в Индию и утвердились в качестве правящего слоя Панджаба. Страна пяти рек была поделена между *сардарами* (князьями) мисалов.

Поэтапная эволюция сикхов от автономного княжества гуру к конгломерату независимых княжеств сардаров (из которого в начале XIX в. вырастет империя Ранджит Сингха) заняла два с половиной столетия (XVI – середина XVIII в.) и представляет собой яркий пример превращения конфессиональной общины в политику (а также субэтнос).

Шлыков П. В.

Трансформация политической системы Турции под властью Партии справедливости и развития

Одна из примечательных особенностей политической системы Турции до последнего времени заключалась в том, что правительство, сформированное победившей на выборах партией (или партиями), де-факто не обладало достаточными ресурсами власти и влиянием, чтобы самостоятельно управлять страной. Победившие на выборах политические силы получали не власть, а возможность делить ее с кемалистской элитой или истеблишментом. Роль последнего была институционализирована в рамках Совета национальной безопасности и других формальных и неформальных структур, которые способствовали тому, чтобы военная элита могла активнее влиять на текущую политику. Если исходить из этого тезиса, то многие моменты в судьбе ПСР и политической стратегии и тактике Эрдогана становятся более понятными.

ПСР с самого начала (неожиданной для многих победы на парламентских выборах 2002 г.) не воспринималась кемалистской элитой как достойный и легитимный партнер, способный разделить бремя власти. Даже наоборот, несмотря на внушительный перевес по сравнению с ближайшими конкурентами (у ПСР 34,3% и 363 мандата, у НРП – 19,4% и только 178 мандатов) партия Эрдогана оказалась в положении «мальчика для битья»: деятельность партии и правительства Эрдогана стали приниматься «в штыки» кемалистской элитой и открыто трактоваться как угроза светским основам республики.

Оказавшись в политической осаде, ПСР должна была отстаивать свое «право на власть» и в некотором смысле бороться за статус легитимно избранного правительства. В этих условиях политика «самоусиления» стала для ПСР неким синонимом и олицетворением процесса демократизации, дальнейшее расширение которого в представлении Эрдогана непосредственно связано с «выживанием» ПСР как самостоятельной политической силы.

Важный аспект политической стратегии ПСР заключался в укреплении своей легитимности. С одной стороны, за счет кон-

Г. Шпета, Е. Трубецкого, И. Ильина, Г. Вернадского, Г. Федотова и др. В настоящее время вопрос о сущности, структуре, специфических и существенных признаках менталитета широко дискутируется, и наряду с рассуждениями отвлеченно-спекулятивного характера можно считать сложившимся и научно обоснованный подход к изучению данной проблемы, базирующийся на обширном эмпирическом материале, анализируемом в русле исторического, этнологического и культурологического знания, а также и на серьезном социально-философском методологическом обеспечении.

В советский период отечественной истории вся проблематика национального характера рассматривалась в достаточно жестких рамках марксистско-ленинского учения о нациях и национально-освободительном движении, как неотъемлемой части мировой пролетарской революции, в соответствии с широко известной работой И. В. Сталина «Вопросы ленинизма». Основные вопросы в тот период были связаны преимущественно с признанием наций и проблематикой национального самоопределения.

В условиях радикальных либерально-демографических реформ, особенно в первое их десятилетие (80–90 гг. прошлого века) возникают новые методологические основы исследования национального характера и ментальности, связанные как с развитием позиций русских философов-эмигрантов первой волны И. А. Ильина, Г. П. Федорова, Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева, так и с работами Л. Н. Гумилева и А. С. Панарина, которые на большом эмпирическом материале из отечественной истории развивают общетеоретические концепции, способствующие дальнейшему развитию отечественного социально-гуманитарного знания.

Принципиально-новые методологические основы исследования национального характера и ментальности раскрываются в фундаментальных исследованиях по проблемам этносов и этнического развития в работах Ю. В. Бромлея, А. Г. Здравомыслова, К. Н. Иванова, Б. Н. Капустина, В. Козлова, Ю. Н. Красина, М. О. Мнацаканяна, Н. Г. Скворцова, Э. В. Тадевосяна, В. А. Тишкова, Ф. С. Файзулина, Ю. В. Хотинца.

Самые различные аспекты национального характера начинают активно исследоваться в постсоветской России. Им посвящены

над ширваншахом и содействие одному из претендентов на престол Шаддадидов. 1032–1033 гг. – серия набегов на Ширван, совместных с аланами, и захват столицы шахства – Йазидийи. Итог: возвращение сушей через Дербентский эмират оборачивается двойным поражением. Заключительные эпизоды «русского присутствия» в каспийском бассейне: морская битва 1175 г. против ширванского флота, поддержанного грузинскими войсками.

Слабая соотнесенность активности русов у берегов Каспия, зафиксированной в ближневосточных источниках, с известиями русских летописей, а также нумизматическим и скудным документальным материалом. Проблема идентификации носителей этнонима *ар-рус* (*рус*) с восточнославянскими племенами, объединенными в IX–X вв. под властью Рюриковичей.

Кулешова Н. С.

Ментальность и национальный характер в отечественном социально-гуманитарном знании.

Проблематике национального характера посвящено огромное количество разного рода исследований, среди них немало тенденциозных работ, в которых этот неуловимый социокультурный феномен или превозносится или, с неменьшим пылом, низвергается с исторического пьедестала.

Поэтому многие работы отечественных историков, изучающих ментальность, и в частности, национальный характер, направлены, в первую очередь на «критику наших критиков». Достаточно вспомнить «Россию и Европу» Н. Я. Данилевского, труды К. Н. Леонтьева, работы Н. О. Лоского, Н. А. Бердяева и других авторов конца XIX – начала XX в., когда начала складываться отечественная школа исследователей национального характера и, как всегда, возникли разные точки зрения на проблему и самые разные подходы к пониманию и истолкованию национального характера.

Отметим что, значительное влияние на создание большого числа теорий менталитета и национального характера в России оказали труды российских философов начала XX в. – С. Франка,

кредитных успехов в социальной сфере и при следовании известной аксиоме о прямой пропорциональности улучшений в повседневной жизни рейтингу власти. С другой – постоянным продвижением тезиса о приоритете «воли народа» и закона над подконтрольным кемалистской элите государственным аппаратом, армией и аналогичными институтами, сформированными не путем прямого волеизъявления народа и ему в принципе не подотчетными. Эти две линии должны были обеспечить «материальную» и «нормативную» базу популярности ПСР.

Еще одним каналом наращивания политической легитимности и реального веса для правительства ПСР стала внешняя политика. ПСР четко взяла курс на «прозападную ориентацию», сделала одним из приоритетов внешне- и внутривосточной активности программу вступления Турции в Евросоюз. Все это в начале 2000-х гг. вселяло большой оптимизм и надежды на европейское «светлое будущее», серьезно скорректировало негативный имидж Турции как государства с «плохо работающей демократией», улучшило инвестиционный климат. Но главное – позволило ПСР откеститься от наследия Партии Благоденствия (ПБ) Неджметтина Эрбакана (и, в принципе, партий, вышедших из движения «Милли Гёрюш»), в определенном смысле доказать, что ПСР – это отнюдь не очередная реинкарнация открыто «антизападнической» и нелиберальной исламистской ПБ.

Общая стабилизация экономического положения Турции, наступившая после кризисного периода конца 1990-х – начала 2000-х гг., также способствовала укреплению положения ПСР. В стране произошло выравнивание показателей экономического роста, что ПСР занесла в актив исключительно себе, хотя еще более весомый вклад в этот процесс внесло правительство Бюлента Эджевита (1999-2002), так и не успевшее воспользоваться плодами своей экономической программы. Между тем вплоть до кризисного 2008 г. экономика Турции росла, а в 2010 г. вернулась к показателям докризисного уровня (8,9% роста). Кривая показателей дохода на душу населения за время правления ПСР также демонстрировала положительные тенденции.

Еще одна черта политической стратегии Эрдогана – симбиоз нелиберализма и патернализма. Приверженность ценностям

свободного рынка у ПСР не превратилась в «рыночный фундаментализм». Правительство ПСР довольно часто вопреки установкам на рыночный либерализм действует в духе социального государства, адресно решая проблемы бедности и материальной поддержки граждан, лишенных возможности удовлетворять «базовые потребности». Один из наиболее разработанных каналов социальной поддержки малообеспеченных – благотворительные организации, которые, нередко даже открыто, выступают в роли агентов партийно-политических структур. ПСР широко использует эту тактику для создания и поддержания образа политической силы, способной обеспечить не только развитие, но и социальную справедливость. «Государственная» благотворительность, нацеленная на сглаживание неравномерности распределения социальных благ, играет одну из ключевых ролей в укреплении социальной базы ПСР и налаживания каналов взаимодействия с обществом.

Установленный ПСР баланс власти и влияния между, условно, гражданской и военной элитой напрямую завязан на политический вес самой партии и лично на Эрдогана. Во многом это конъюнктурная ситуация, детерминированная текущим положением ПСР как доминантной партии. Встает вопрос, пойдут ли ПСР и Эрдоган на реальные демократические реформы, которые неизбежно придут в противоречие с авторитарными подходами к власти самого Эрдогана, или удовлетворятся сохранением *status quo* – продолжают заниматься укреплением своей власти и упрочением наметившейся диспозиции.

«Демократизация» политической системы, которую ПСР практически свела к устранению кемалистской элиты, кроме прочего вызвала обострение социальной напряженности в турецком обществе. Существовавшие ранее «социальные разломы» (турки – курды, сунниты – алевиты, мусульмане – немусульмане и др.) ощутило углубились параллельно росту политической поляризации, обострившейся в середине 1990-х гг. с началом активной фазы противостояния исламистов и лаицистов. Обозначенные линии напряжения и возрастающий уровень конфликтности (появление в обществе признаков «блокового противостояния») не способствуют созданию условий для развития демократии и укрепления демократических институтов.

алван» Каланкатуаци –Дасхуранци; «Всеобщая история» Асолика. Сирозычные: «Хронограф» Бар ‘Эвройи.

Обзор истории изучения (начиная с середины XIX в. – Б. А. Дорн, А. Я. Гаркави, В. Р. Розен, А. А. Куник), преимущественно в отечественном востоковедении и русистике (в т. ч. в советский период – от Б. Н. Заходера до И. Г. Коноваловой). Основной упор – на значимости сюжета для истории древней Руси (одно из первых упоминаний русов в памятниках восточного средневековья). Гораздо меньший интерес к месту данных событий в военно-политической ситуации в мусульманском Прикаспии (В. Ф. Минорский).

Русы у берегов Восточного Кавказа в IX в.: торговые партии и вооруженные дружины. Этническая принадлежность русов: германо-скандинавский и балто-славянский элементы. Южные маршруты купцов-русов в IX в.: Черное море – Азовское море – Дон – Волга – Каспийское море и далее вверх по Куре до Барды – экономического центра Восточного Закавказья.

Первый набег 880 г., захват в 909–910 гг. о-ва Сара и использование его в качестве базы для набегов на каспийское побережье. Экспедиция 913–914 гг. через Итиль. Масштаб предприятия. Пиратская активность, высадки и истребление населения приморских городков и деревень. Исход авантюры: возвращение через волжскую дельту и разгром в столкновениях с хазарами и буртасами.

События 943–944 гг. Общий фон: утверждение на Юго-Восточном Кавказе владычества дейлемитских и курдских династий. Наиболее известный пример – дом Буидов и его карьера. Дейлемитское преобладание в Прикаспии как итог деградации квази-династического режима Саджидов. 941 г. – Марзубан Салар завладевает Азербайджаном и Ардебилем, подчиняет себе саджидских данников и укрепляет Дербентский проход. 943 г. – столкновение Марзубана с русами в Мубараки на Куре и его отступление. Захват Барды, взаимоотношения русов с местным населением. Осада и оборона города. Запустение Барды и отход русов.

Последние большие походы русов на Каспии. 987 г. – участие во внутригородском противостоянии в Дербенте. 1030 г. – победа

гласно которому гуманитарная составляющая БУП (родной язык, родная литература, национальная история, краеведение) регулируется Федеральными стандартами. Развитие родных языков отвечает национально-культурным интересам коренных этносов России. В целом указная модель общеобразовательных учреждений концептуально ориентирована на двуязычное образование.

Между тем здесь существует ряд важных научно-практических образовательных проблем, требующих быстрого разрешения. Среди них укажем:

- а) уровень двуязычия в различных регионах страны и его связи с национально-культурными процессами;
- б) взаимосвязь двуязычия школьников с функционированием соответствующих школ;
- в) разработка для каждого конкретного языка методики обучения разговорному языку на коммуникативной основе;
- г) разработка соответствующих школьных программ по всем языкам.

Таким образом, учет языковой ситуации в регионах не только позволяет осветить многие стороны современного состояния двуязычия и развития миноритарных родных языков, но и позволит разработать конкретные рекомендации по улучшению образовательного процесса.

Кореев Т. К.

Каспийские походы русов в контексте политической ситуации на Юго-Восточном Кавказе в первой половине 10 в.

Основные письменные источники. Арабоязычные: «Промышальни золота и рудники драгоценностей» ал-Мас'уди; «Начало творения о летописании» ал-Макдиси; «Опыт народов» Мискавайхи; «Летопись Ширвана и Дербента»; «Полный летописный свод» Ибн ал-Асира. Персоязычные: «Летопись Табаристана» Ибн Исфандийара и производные версии. Ивритоязычные: т. н. «Иудео-хазарская переписка». Армяноязычные: «История страны

Олюнин С. В.

Хатай: власть, национальный миф, память

Турецкая провинция *Хатай*, находящаяся на границе с Сирией, последней вошла в состав национального турецкого государства. Это стало результатом последовательного стремления анкарского правительства включить в границы Турции *Александретский санджак*. Санджак был организован французами, оккупировавшими Киликию в автономную административную единицу 27 ноября 1919 из *каза* (район) *Александретты*, *Антакьи* (Антиохия), *Харима* (Рейхание), *Бейлана*. Антакья, ставшая позже столицей провинции, на протяжении столетий была мультикультурным городом, в котором проживали мусульмане, арабы, турки, алевиты, армяне-католики, армяне-протестанты, иудеи, греки-ортодоксы, греки-католики, эснеби и ассирийцы.

Хотя регион упоминался в границах Национального Обета (*Misak-i Milli*), уступки были необходимы, чтобы остановить военные действия между Францией и Турцией. 20 октября 1921 г. было подписано Анкарское соглашение, по которому Санджак оставался вне границ Турции. Население провинции не приняло оккупации французов и оказало сопротивление. По всему Санджаку арабами, турками и армянами были организованы боевые отряды (*четы*). Результатом политики, проводимой в регионе, стала борьба этнических групп друг с другом. Турецкие описания этих событий были в высшей степени наполнены этническими и националистическими коннотациями. Они представляются как согласованные и организованные движения, направленные на всеобщую националистическую борьбу. Региональные герои и революционеры, а также песни и стихи, написанные о них, дошли до следующих поколений в легендах. Официальные и неофициальные писания о деятельности чет имеют преимущественно турецкий взгляд.

Несмотря на то, что Санджак остался на сирийской стороне, анкарское правительство подготовило почву для автономного округа. Статья 7 соглашения гласила: «Особый административный режим должен быть установлен для округа Александретта. Турецкие жители этого округа будут иметь все возможности

для их культурного развития. Турецкий язык будет иметь официальный статус». Через год Санджак перешел под прямое управление сирийского правительства. С другой стороны, французская администрация предприняла ряд мер для сокращения турецкого населения в регионе. Прежде всего, граница была передвинута южнее, так, чтобы в населении не доминировали турки. Вторых, люди других групп, таких как армяне, селились в регионе. Турецкие округа *Байыр-Буджак* и *Хазне* были вынесены за пределы Санджака.

Финальный мирный договор между Турцией и союзниками был подписан 24 июля 1923 года в Лозанне. Граница, определенная по Анкарскому соглашению 1921 года, принята и подтверждена 3 статьей Лозаннского соглашения между Турцией и французской подмандатной территорией в Сирии. Конвенцией о дружбе и добрососедских отношениях от 30 мая 1926 г. для Санджака была предусмотрена специальная администрация. 15 марта 1923 года, в то время как продолжались прения по Лозаннскому соглашению, Ататюрк произнес свою известную речь в Адане, заложившую основу национального мифа о Хатае: «Турецкая земля, сорок веков принадлежавшая нам, не может достаться врагу. Однажды вы также будете спасены».

В 1939 г. после всенародного референдума Хатай стал *вилайетом* Турции. Уже после референдума в состав Хатая был включен населенный преимущественно турками город Дёртйол. После присоединения провинции к Турции многие армяне и арабы покинули провинцию, переселившись в другие районы Сирии. Это было связано с крайне националистическим характером правительства страны, которое, согласно Конституции, считало всех жителей турками, включая курдов и арабов.

История – не что иное как официальная память – всего лишь один среди многих возможных способов представить прошлое. Никакая другая идеология не нуждается в истории, как национализм, а для развития национального государства история является наиболее влиятельной сферой. Исторические источники находились под влиянием идеи национального государства и на службе национального государства. Исторические оценки помогали лидерам основывать свои цели на «открытиях», полагающих,

Насилов Д. М.

Миноритарные языки в образовательном пространстве России

Общей тенденцией национально-языкового развития страны в настоящее время является стремление её народов к возрождению родных языков и культур. Однако языковые ситуации в республиках в составе РФ и в её разных регионах характеризуются большим разбросом параметров (знание родного языка, сфера функционирования языков, степень нормированности языка, использование в школьной практике, в СМИ, объемы изданий на языке и пр.). Особое место среди языков полиэтничной России занимают языки коренных малочисленных этносов.

Особой защитой и поддержкой государства пользуются языки коренных малочисленных этносов, проживающих на Крайнем Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. Их права закреплены в «Едином перечне коренных малочисленных народов РФ», утвержденном Постановлением Правительства РФ. Ныне в него входят 40 этносов; их общая численность около 300000 человек.

Языки малочисленных этносов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока характеризуются минимальным использованием в общественных функциях, часто ограничивающимся применением только в рамках семьи или малых производственных коллективов, причем активно языком владеют лишь представители старшего поколения, а молодежь практически не знает родного языка.

Существующая языковая ситуация в районах Севера является результатом действия двух основных факторов. Первый – активное воздействие русского языка, связанное с притоком приезжего населения и распространением СМИ, в особенности телевидения. Второй – ослабление позиций родных языков в связи с разрушением традиционных языковых коллективов.

В деле сохранения и развития всех родных языков на пространстве полиэтничной России особую значимость приобретает общеобразовательные учреждения с преподаванием на родном языке или с изучением родного языка. Деятельность такой школы регулируется Законом РФ «Об образовании», со-

века нашей эры из Малой Азии проникло христианство. Воины Арабского халифата в VII веке принесли учение ислама. По дорогам, проложенными купцами и проповедниками, от монгольских степей до европейских равнин прокатились орды Чингисхана. Из самого сердца Великого шелкового пути – Самарканда – начинал свои походы Тимур.

Наиболее протяженный участок ВШП проходил через Центральную Азию. Караваны, груженные шелком из Китая, пряностями и самоцветами из Индии, серебряными изделиями из Ирана, византийскими полотнами, афросиабской керамикой и многими другими товарами, шли по пустыням Каракумы и Кызылкум, через оазисы Мерва и Хорезма, безбрежными степями Сары Арки; одолевали перевалы Памира, Тянь-Шаня, Алтая, переправлялись через реки Мургаб, Амударью и Сырдарью. На пути караванов стали возникать и расцветать богатые города, торгово-ремесленные поселения, караван сараи. Туркмения – Мерв; Узбекистан – Бухара, Самарканд, Ургенч, Хива. Казахстан – Отрар, Туркестан, Тараз, Испеджаб. Киргизия – Суяб, Новокент, Баласагун, Таш-Рабат, Ош, Узген. Шелковый путь оказал огромное влияние на формирование политического, экономического, культурного устройства Центральной Азии. Таким образом, степные трассы ВШП внесли особый неповторимый колорит, свою специфику в его развитие и функционирование. Взаимодействие кочевой степи и оседлых районов способствовали взаимообогащению и взаимодополнению кочевой и оседло-земледельческой культуры. ЮНЕСКО объявила о начале проекта, названного «Интегральное изучение Шелкового пути – пути диалога». Он предусматривает широкое и всеобъемлющее изучение истории цивилизаций, установление тесных культурных контактов между Востоком и Западом, улучшение взаимоотношений между народами, населяющими Евразийский континент.

что люди в действительности имеют общее разделенное прошлое, на котором строится их нация.

В случае Хатая влияние национального государства становится особенно очевидным, когда рассматриваются официальные документы соответствующих стран. Сирия основывает свои требования на национальном и демографическом сходстве между Сирией и Санджаком. Общее прошлое людей этих двух регионов, которое они разделяют, было положено в основу аргумента, что Санджак фактически принадлежал арабам. В той же манере Турция настаивала на тюркскости этого региона. Ататюрк направил историков на работу по поиску корней древних цивилизаций в регионе, чтобы показать, что Турция и Санджак в действительности имеют общее происхождение. Название «Хаттай» было дано Ататюрком лично, чтобы разорвать связь Санджака с арабами и связать с Турцией через хеттов, которые рассматривались как предки людей, населяющих Анатолию. После аннексии очень ограниченное число исторических книг по этому процессу, написанных с официальной точки зрения, поместили нацию в центр и строились вокруг этого взгляда.

В последние десятилетия в Турции происходит пересмотр отношения к прошлому, как единой истинной национальной *Истории*. Одним из составляющих этого процесса является увеличение внимания к *историям* различных групп и их памяти о прошлом.

Филимонова А.Л.

Роль Верховного суда в политической жизни Пакистана в начале XXI в.

В системе органов государственной власти Пакистана институт Верховного суда занимает особое место. Официальная сфера его полномочий оговорена в пакистанской конституции 1973 г. и включает в себя арбитражную и консультативную функции, а также функцию высшей апелляционной инстанции.

Таким образом, формальные полномочия Верховного суда не подразумевают его непосредственного участия в политической жизни страны. Однако для понимания истинного положения дан-

ного института на современном этапе необходимо рассматривать его деятельность в контексте всей государственной истории Пакистана.

Пакистанский Верховный суд (первоначально назывался Федеральный суд) был создан в 1948 г. – то есть за восемь лет до принятия первой конституции страны. Несмотря на периодическое чередование у власти военных и гражданских режимов, которое дважды сопровождалось отменой действующей конституции, Верховный суд с момента своего учреждения функционировал непрерывно; это способствовало не только закреплению за ним статуса самого устойчивого государственного органа, но и росту его авторитета. Все военные администраторы, совершавшие государственный переворот и вводившие военное положение, в первую очередь добивались одобрения этого шага со стороны Верховного суда, легитимируя таким образом свою власть. Гражданские же лидеры рассматривали данный институт как барометр общественных настроений, консультируясь с ним при принятии непопулярных в народе решений

Анализ истории Пакистана свидетельствует о том, что в наибольшей степени влияние Верховного суда возрастает в период функционирования гражданских правительств, избранных демократическим путем. В этом отношении весьма показательна деятельность кабинетов Беназир Бхутто и Наваза Шарифа, сменявших друг друга у власти в 1988–1999 гг. На данном этапе в политической жизни Пакистана выходит на первый план конкуренция двух представителей исполнительной власти: президента, который пользовался поддержкой со стороны гражданской бюрократии, и премьер-министра, который являлся главой демократически избранного правительства. Единственным конституционным способом разрешения противоречий между ними было обращение в Верховный суд, вследствие чего данный институт начал играть роль арбитра в противостоянии гражданских лидеров, а его поддержка стала показателем устойчивости того или иного правительства. Рост авторитета позволил Верховному суду существенно расширить свои полномочия: в 1997 г. он взял на себя право инициировать судебные процессы по вопросам, представляющим общественный интерес. Инспирированные та-

что этот путь никогда не был единой магистралью, а включал в себя различные маршруты, которые разветвлялись, подобно кроне могучего дерева. Так, одна из главных дорог, пересекающая Азию с востока на запад, начиналась в столице древнего Китая Чаньане и следовала до его северо-западных границ вдоль пустыни Гоби, через Таримский бассейн, далее по Восточному Туркестану. Переправившись через Тянь-Шань, часть караванов шла через Ферганскую долину и Ташкентский оазис в Самарканд – столицу Согдианы, Бухару, Хорезм, далее к берегам Каспия. Часть караванов из Самарканда держала путь в Бактрию и через долину Кашкадарьи выходила к Термезу, откуда, переправившись через Амударью, направлялась на Юг в Бактрию и Индию. Другое ответвление дороги из Тарима огибало пустыню Такла-Макан с юга и через Хотан и Яркенд вело в Бактрию (северный Афганистан) и Мерв, откуда через Персию, Сирию доходило до Средиземноморья, и часть товаров морем попадала в Рим и Грецию. Как следует из названия, главным предметом торговли на караванных путях был шелк, весьма ценный во всем подлунном мире. Например, в раннем средневековье шелк был самой популярной расчетной единицей, вытесняя из обращения даже золото. Так, в Согдиане цена коня приравнивалась к стоимости десяти отрезков шелка. Шелком платили за выполненную работу, за содержание наемников, шелком можно было откупиться от наказания за преступление. Шелк был хотя и главным, но далеко не единственным товаром, который перевозился по трансконтинентальному пути. Из ЦА вывозились кони, верблюды, весьма ценные в Китае, военное снаряжение, золото и серебро, полудрагоценные камни и изделия из стекла, кожа и шерсть, ковры и хлопчатобумажные ткани, золотошвейные ткани, экзотические фрукты – арбузы, дыни и персики, курдючные овцы и охотничьи собаки, леопарды и львы. Из Китая караваны везли фарфор и металлическую посуду, лакированные изделия и косметику, чай и рис. В дорожных мешках купцов можно было найти слоновые бивни, носорожьи рога, черепаховые панцири, пряности и др. По ВШП распространялись культурные достижения народов, духовные ценности, религиозные идеи. Буддизм был наряду с другими религиями Кушанского царства и отсюда распространился до Китая. В первые

Круглый стол «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

Сыздыкова Ж. С.

Великий шелковый путь и Центральная Азия

Великий шелковый путь (ВШП) – своеобразный феномен в истории развития человечества, в его стремлении к единению и обмену культурными ценностями, завоевания жизненного пространства и рынков сбыта. Этот крупнейший трансконтинентальный торговый путь связывал Европу и Азию. Торговля между Востоком и Западом велась с незапамятных времен, но это были отдельные отрезки будущего великого пути. Возникновению торговых связей во многом способствовала разработка в горах Центральной Азии (ЦА) месторождений полудрагоценных камней – лазурита, нефрита, сердолика, бирюзы, ценимых на Востоке. Так, существовал «лазуриновый» путь, по которому из Центральной Азии в Иран, Месопотамию и даже в Египет доставляли этот камень. Одновременно с ним складывался «нефритовый» путь, связывающий области Хотана и Яркенда с районами Северного Китая. Кроме того, в страны Передней Азии из Согдианы и Бактрии вывозился сердолик, а из Хорезма – бирюза. Все эти маршруты, в конце концов, влились в Великий шелковый путь.

Подлинное начало великой магистрали, связавшей караванные пути, проложенные из Центральной Азии на Запад и Юг, и дороги, ведущие из Китая в Восточный Туркестан, относят к середине второго века до нашей эры, когда для китайцев впервые был открыт Западный край – страны Центральной Азии. Известно,

ким образом расследования раскрывали случаи злоупотребления властью со стороны чиновников, коррупции государственных структур и растраты государственных средств. Это способствовало стремительному росту популярности Верховного суда среди простого населения, а также закреплению за ним репутации независимой и прозрачной структуры.

После введения в Пакистане чрезвычайного положения в 1999 г. и очередной смены власти новый глава государства Первез Мушарраф вынужден был не только заручиться формальным одобрением Верховного суда, но постоянно считаться с ним в ходе своей деятельности. Попытка в 2007 г. отправить в отставку главного судью Ифтикара Мухаммада Чоудхри вызвала большой общественный резонанс и фактически способствовала отставке в 2008 г. самого Первеза Мушаррафа.

События последнего десятилетия демонстрируют, что влияние Верховного суда в Пакистане стабильно велико и основной вопрос заключается в том, насколько разумно это влияние будет использоваться в будущем.

Литвинцева Е.Я.

Феминистские движения в общественно-политической жизни современной Индии

Движение за эмансипацию женщин в Индии началось в первой половине XIX века с деятельности реформатора и просветителя Раммохана Роя (1772 – 1883). Основанное им в 1828 году общество Брахмо самадж выступило за отмену сати, ликвидацию запрета на замужество вдов, упразднение института детских браков, отказ от затворничества женщин и введение женского образования. Эти предложения были подхвачены во второй половине XIX века с началом национально-освободительного движения.

В период с 1910 по 1920 год в Индии возник целый ряд женских организаций: Бхарат Стри Махамандал («Великое собрание индийских женщин»), Махила Самити («Совет женщин»), многочисленные женские клубы и общества. Некоторые из них, например, Индийская женская ассоциация, образованная в Мадрасе

в 1917 году, существуют до сих пор. Основательница женского движения и женских учебных заведений в Бенгалии Сародж Наolini Датт (1887–1924) и первая женщина-председатель Индийского национального конгресса Сароджини Найдю (1879–1926) стали одними из самых известных женщин-политиков того периода.

Мощный импульс женскому движению в Индии придавали выступления М.К. Ганди во время его поездок по стране.

На первых этапах женщины боролись не только и не столько за свои права (право на образование, на участие в выборах и др.), но и разделяли цели национально-освободительного движения. Выделение из женского движения непосредственно феминистского произошло лишь в 1970-х годах.

В том, что касается религиозного аспекта феминистской борьбы, то в отличие от западных феминисток многие индийские борцы за права женщин не восставали против традиции, а, скорее, хотели добиться правильного, с их точки зрения, толкования тех или иных религиозных норм. Так, еще Сароджини Найдю, говоря: «Дайте образование вашим женщинам, и страна сможет сама позаботиться о себе... Рука, качающая колыбель, сможет управлять миром», доказывала свою правоту, приводя в пример поступки индуистских богинь и героинь индуистских мифов.

Современная феминистка Мадху Кишвар, известная индийская общественная деятельница и основательница феминистского журнала «Мануши», говоря о своем отношении к обряду *сати*, до сих пор совершаемому в некоторых индийских штатах, подчеркивает, что в основе самого термина – *сати* – лежит понятие «сат» («истина»), а следовательно, надо различать самосожжение как добровольное желание и самосожжение как убийство. В первом случае оно, в понимании Кишвар (как это не парадоксально), не противоречит ни религии, ни здравому смыслу. Что же касается убийства, то оно, полагает Кишвар, не имеет никакого отношения к древнему обряду.

Сегодня несмотря на формальное обладание равными правами с мужчинами женщины по-прежнему находятся на обочине общественной и политической (в меньшей степени) жизни, равно как и практически не имеют рычагов влияния на экономику страны.

насилия (или его угрозы) в работу реального механизма политической власти.

12. Антиподами и средствами аннигиляции гранд-коррупции – могут служить два полярно противоположные социальные явления: *good governance* и крайние формы общественно-политического насилия. Вопреки международной поддержке быстрая перестройка и качественное улучшение принципов и институтов управления африканскими обществами представляется маловероятной. Это обстоятельство в сочетании с транзитным состоянием власти, государства и общества, а также слабым развитием «культуры сдерживания» угроз национальной безопасности делает возможным дальнейшую экспансию насилия в политической и социальной жизни. Развитие данного процесса почти неизбежно ведет к декриминализации коррупции, превращению ее в инструмент юридизированного произвола и сведения счетов, усилению неорганизованной коррупции за счет организованной. В результате подрываются основы классической клептократии, как правило, избегающей откровенной агрессии и тотального принуждения. Ее место занимает «жесткая клептократия» – переходная форма организации власти, социальные субъекты которой пытаются опираться как на пошатнувшуюся коррупционную систему, так и на слабо регламентированное насилие.

фактически излишнем категорию предпринимателей, резервируя за держателями власти все выгоды их положения. Представители новой генерации управленцев становятся владельцами того, что в условиях «классической клептократии» обычно переадресовывалось «дающей стороне» (госзаказы, правительственные облегчения, лицензии и т. д.). Добровольная (или «полудобровольная») сделка уступает место силовым акциям наподобие рэкета и рейдерства.

9. Вероятно, процесс «ваиленизации» коррупции отражается прежде всего на ее сетевом секторе, который служит организационно-материальной основой клептократии. В значительно меньшей степени насилие распространяется на неорганизованную коррупцию, которая носит частный и эпизодический характер, не подчиняется правилам игры и не следует традициям тесных неформальных отношений. Отсюда следует парадоксальный на первый взгляд вывод: социальные явления клептократии и коррупции (в ее примитивном, «неорганизованном» виде) разводятся и вполне могут конфликтовать друг с другом. Также необходимо подчеркнуть, что повышение роли насилия в клептократическом государстве ослабляет и клептократию, и государство. Они оба становятся жертвой различных «инстанций организованного насилия». Пользуясь образными сравнениями К. Маркса, насилие для классической клептократии выступает не в роли «повивальной бабки», а скорее «могильщика».

10. Клептократия как вторичный, параллельный способ властвования во многом формируется под влиянием (через воздействие на элиты и элитойды) той первичной формы организации власти (демократии или автократии), которая господствует в обществе в данный момент. Повсеместное распространение в Африке автократических и квазидемократических форм организации власти содействует развитию процесса «ваиленизации» политического управления и неизбежно увеличивает «силовую» составляющую местных видов и типов клептократии.

11. Следует констатировать неопределенность, неустойчивость и взаимную обратимость причинно-следственных связей гранд-коррупции и насилия. Одни и те же социальные явления и процессы могут играть роль и источника, и результата вмешательства

В то же время в Индии действует множество женских организаций, крупнейшие из которых Всеиндийская женская демократическая ассоциация (All India Democratic Women's Association, AIDWA), Центр изучения проблем женщин (Centre for Women's Development Studies, CWDS), Ассоциация женщин-предпринимателей (Self Employed Women's Association), неправительственная организация «Олакх» (Olakh).

В докладе рассматривается, в какой степени феминистские организации повлияли на изменение женского самосознания в Индии в последние три десятилетия, анализируется деятельность некоторых видных индийских феминисток, а также делается попытка вписать женские движения в контекст развития общественных движений в Индии.

Сафронова А.Л.

Идейно-культурное наследие буддизма в современном индийском обществе

Буддизм в Южной Азии имеет уникальную судьбу – он зародился в середине VI в. до н. э. в исторической Индии, обрел массовую опору, был востребован как религия в крупных имперских державах древности, но, не удержавшись в центрах власти южноазиатского субконтинента, распространился по периферии региона, влияние его сократилось до остаточных нестатусных в преимущественно индусском социуме отдельных групп. По количеству адептов буддийская община сегодня – одна из самых незначительных конфессий республики Индия (менее 1% населения – ничтожное число в сравнении не только с индусами, составляющими более 80%, но и другими религиозными общинами, исповедующими ислам, сикхизм, христианство). В современной Индии «буддийский мир» представлен, несмотря на общую малочисленность общины, всеми основными направлениями буддизма: буддизм тхеравады (Северо-восточная Индия: Бихар и Орисса), махаяны и ваджраяны (Северная Индия: Ладакх, Химачал-Прадеш и Сикким), включая буддистов – тибетских беженцев, обосновавшихся в районе Дхармшалы, а также необуддизм – наваяна

(Западная Индия: Махараштра). Упадок буддизма в центральных районах Индии (XII–XIII вв.) сопровождался, между тем, закреплением его позиций на юге – Шри Ланка – и на севере – Непал, Тибет, Бутан и Сикким (ныне штат Индии) -, где он и по сей день является массовой религией. Более того, буддизму суждено было получить историческую «компенсацию» – выйти за пределы южноазиатского региона и стать мировой религией (в отличие от индуизма). Сегодня буддизм властвует над умами сотен миллионов последователей в Юго-Восточной и Центральной Азии, на Дальнем Востоке, шагнул в Европу и Америку. Обретенный буддизмом статус мировой религии дает свой «ответ» и на жителей Индии, «променявших» его когда-то на индуизм. По идейно-культурному влиянию буддизм продолжает занимать особое положение своего рода «цивилизационного кода», знакового феномена в определении ценностных ориентиров жителей Индии, по-прежнему считается неотъемлемой частью духовной культуры индийцев, вне зависимости от их религиозной принадлежности.

Философские и этические воззрения буддизма, относящиеся к разряду высших достижений индийской мысли, и поныне – гордость индийской интеллектуальной традиции. Неслучайно огромное количество публикаций по буддизму в современной Индии, значительное число Центров по изучению буддизма при ведущих университетах страны, занимающихся проблемами буддийского наследия: охраной буддийских памятников, переводом и изданием буддийских текстов. Жива и популярна традиция паломничества к священным местам, связанным с важнейшими вехами становления буддизма. Буддийские архитектурные памятники и ансамбли считаются жемчужинами индийского зодчества. Для современной Индии также характерна практика возведения статуй Будды и ступ. Индия пышно отпраздновала 2500-летие (1956) и 2550-летие (2006) паринирваны Будды, ознаменовав их проведением многочисленных конференций и симпозиумов. Буддийские литературные памятники – «Джатаки», «Дхаммапада» – составная часть общеиндийского культурного наследия. Огромен интерес современных индийцев к буддийским экспозициям в Национальных музеях Индии. Интеллектуалы воздают должное художественным ценностям выставленных творений,

аналитического инструментария политологии, политической социологии, политической антропологии и смежных наук.

4. Тема выступления достаточно широка. Поэтому центральное место в докладе занимают постановка проблемы и изучение отдельных вопросов коррупционно-клетократического развития, которое рассматривается как глобальное явление с существенной региональной и национальной спецификой.

5. Насилие генетически присутствует в коррупции уже постольку, поскольку основная масса ее социальных носителей составляет аппарат принуждения. Соответственно и клетократия как форма организации власти по определению содержит известную долю насилия. При этом в своем классическом варианте клетократия (группа коррумпированных топ-бюрократов), опираясь на легитимное и монопольное насилие, контролирует государственную машину и выступает на определенной территории в роли производителя и продавца специфического товара – охранных услуг.

6. Однако в рамках классической клетократии насилие допускается только в той мере, в какой оно допускается официальными полномочиями коррумпированного бюрократа. Если же уровень реального насилия в сфере политической власти превышает допустимые пределы, модель «охранного насилия» демонтируется, превращаясь в свою противоположность, а сама клетократия начинает деградировать.

7. Разгул организованного насилия (источником которого выступает государство, но прежде всего негосударственные инстанции) рано или поздно разрушает «краеугольный камень» клетократического здания – коррупционную сделку. Насилие, во-первых, сводит на нет необходимость в соглашении заинтересованного лица и бюрократа о «переуступке» последней части своих полномочий; во-вторых, устраняет потребность в секретности коррупционных контактов; в-третьих, демонтирует систему доверительных, келейных связей между коррупционерами, корруптерами и коррумпаторами.

8. Складывающаяся под воздействием организованного насилия система «самокоррупции» («берущая» и «дающая» стороны выступают в одном лице, как правило, топ-бюрократа) делает

Круглый стол на тему «Деструкция политической власти»

Гевелинг Л.В.

Деструкция политической власти в современном мире: коррупция и организованное насилие

1. Прогнозы сокращения масштабов насилия в общественной жизни, широко распространившиеся на исходе XX в., в большинстве случаев оказались несостоятельными декларациями. Различные типы политического и неполитического насилия по-прежнему определяли многие направления развития социальной сферы ряда стран мира. При этом в числе объектов воздействия силовых видов политического управления оказались клептократия и системная коррупция в целом.

2. В начале XXI в. темпы эволюции коррупции и адекватных ей способов властвования заметно ускорились. Клептократия стала выглядеть более «жесткой», бескомпромиссной и агрессивной. Такая «трансмутация» клептократии зачастую вызывала недоумение в академической среде, деловых кругах и институтах гражданского общества. Одновременно рос интерес и ко всей коррупционной теме.

3. Задачи предлагаемой работы, – во-первых, определить черты (планетарной и национальных) моделей коррупционно-клептократического развития в период повышения роли политического насилия; во-вторых, содействовать разработке концепции новой клептократии в качестве теории среднего уровня на основе

массовые посетители совершают пуджу перед скульптурными и иконографическими изображениями Будды, полагая его составной частью индуcского пантеона. Эта «инклюзивная» тенденция прослеживается не только на уровне массового религиозного сознания, но и в современной политической деятельности индуcских партий и организаций, относящих буддизм (наряду с джайнизмом и сикхизмом) к разряду «своих», рожденных на местной почве религий (*свадеши*), в отличие, например, от «чужих», пришедших – ислама и христианства (*видеши*).

Образ Будды присутствует в общественной мысли Индии XIX – начала XXI вв. Ярким примером является обращение к буддизму индийских универсалистов, проповедовавших равенство и равнозначность всех религий (например, М. К. Ганди). Образы буддизма используются секулярными политиками современной Индии (классический пример – Дж. Неру и последующие деятели ИНК), нашедшими в морально-этических принципах буддизма основу для единения индийцев в рамках общества, разделенного этническими, конфессиональными, социальными и кастовыми барьерами. Их привлекают толерантность буддизма по отношению к другим верованиям, абстрагированность от этнической принадлежности адептов, отрицание нетерпимости на кастовой основе, идеи равенства возможностей на пути морального совершенствования. Дж. Неру подчеркивал, что буддизм для индийцев – не религия, а историко-культурный феномен. Ратуя за единство и неделимость Индии, он писал о буддизме как религии централизованных объединенных государств, преподнося Ашоку как великого собирателя индийских земель и мудрого правителя. Особое внимание Дж. Неру уделял концепции «срединного пути», положив его в обоснование доктрины политического централизма, консенсуса, социальной гармонии. Эти же принципы стали основой политики неприсоединения и следования принципам «панча шила» (пяти нравственных добродетелей), политической интерпретации кодекса образцового поведения в буддизме. Знаменательно появление трудов со сравнительной характеристикой буддизма и марксизма, буддизма и социализма и т.п., в которых буддизм выводится из религиозного дискурса и помещается в разряд идеологических построений (Б. Р. Амбедкар, Э. М. Ш. Нам-

будирипад и др.). Обращение к буддийской тематике характерно и для современной философской литературы Индии (С. Радхакришнан, М. Хириянна, П. Т. Раджу, С. Н. Дасгупта и др.), в которой буддизм занимает почетное место в современной «философии ценностей». Индийское государство опирается на символику, основанную на буддийской традиции. Так, символом современной Индии является Львиная капитель Ашоки (с четырьмя львами, развернутыми на четыре стороны света), а на национальном флаге Индии изображена *чакра*, «колесо Учения».

сословно-патриархального общества, нежели результат безответственного поведения лично Чон Дасана.

Надо сказать, что тема семейной жизни мыслителя развита писательницей предельно деликатно, без тени намёка на какие-либо интимные подробности. Однако для тех, кто привык смотреть на Чон Дасана как на «икону», даже сама мысль о том, что в течение восемнадцати лет жизни в ссылке конфуцианец мог быть занят чем-либо иным кроме написания философских трудов, возможно, покажется как минимум святотатством, если и вовсе не покушением на корейскую культуру как таковую. Тем не менее, правомерна и другая точка зрения. Ведь вне зависимости от того, имеет ли история с Пхёнё под собой какие-либо фактологические основания или же это плод художественного вымысла, предпринятая автором попытка взглянуть на своего героя с «человеческой» точки зрения, оценить его поступки с позиции нравов и морали того времени, обогащает представления современного читателя о Чон Дасане.

ратуры, которому могла бы позавидовать иная диссертационная работа. При написании произведения автор ознакомился с целым рядом исторических источников, богословских сочинений и свидетельств эпохи. Библиография изобилует научными трудами по ранней истории католичества в Корее, а также работами по корейскому шаманизму. Нет нужды говорить, что Хан Мусук скрупулёзно изучила всё, что связано с Чон Дасаном: исследования «дасановедов» и, конечно же, богатое философское, поэтическое и эпистолярное наследие самого конфуцианского классика.

С другой стороны, роман «Встреча» – это не энциклопедическая статья, а художественное произведение. Этим обусловлены некоторые расхождения с «официальными жизнеописаниями» мыслителя. Вышедший из-под пера писательницы Чон Дасан предстаёт перед читателем в первую очередь живым человеком, со своими переживаниями, слабостями и противоречиями.

В частности, это касается такой тонкой темы, как личная жизнь Чон Дасана в «канджинский» период. Дело в том, что в ссылке опальный чиновник был отправлен без семьи: жена и дети остались в Сеуле. Это факт, в общем-то, известный. Известно и то, что будущий классик корейского конфуцианства очень скучал по детям и старшему брату Чон Якчону (1758–1816), отбывавшему ссылку на отдалённом острове Хыксандо в Жёлтом море.

По версии Хан Мусук, однако, ссыльный жил в Канджине не один. Познакомившись сначала с местным жителем незнатного происхождения, который фигурирует в романе как «старина Пхё» (*Pxë soban*), Чон Дасан впоследствии в силу ряда обстоятельств постепенно сблизился с его дочерью. Имя девушки не сообщается: она представлена читателю как Пхёнё, т. е. «женщина [по фамилии] Пхё». От этого союза родилась дочь по имени Хонним. Однако, как с грустью пишет Хан Мусук, во времена Чон Дасана «день, когда ссыльный, получив освобождение, возвращался домой, был ещё и днём, когда женщина, с которой он жил, оказывалась навсегда брошенной». Как только из столицы пришло разрешение вернуться, Чон Дасан поспешил в Сеул к своей семье и официальной жене, а женщина по фамилии Пхё и её дочка остались доживать свои дни в Канджине. Автор романа, впрочем, склонна видеть в незавидной участи Пхёнё и Хонним изнанку

Языкознание

Бакланова Е.А.

Морфемизация иноязычных словообразовательных элементов в тагальском языке (на материале испанизмов и англицизмов)

Современный тагальский язык, именуемый «филипино» в качестве государственного языка Филиппин, уже более 300 лет характеризуется чрезвычайно активными процессами заимствования обширных пластов иноязычной лексики (испанизмы, а с XX в. англицизмы) из различных сфер жизни.

К настоящему времени тагальским языком ассимилированы целые ряды дериватов испанских и английских лексем, например:

kahita «маленький ящик, коробочка» – *kahón* «1. ящик, короб 2. ящик (*напр.*, *стола*) 3. шкатулка» – *kahonsito* «ящичек» – *kahetilya* «коробочка, ящичек; пачка (*напр.*, *сигарет*)» – *kahero* «кассир»;

ismagel «контрабандный товар» – *ismagler* «контрабандист» – *ismagling* «контрабанда (*занятие*)».

По мнению У. Вайнрайха, «лучшим объяснением существования заимствованных словообразовательных морфем является тот факт, что они стали продуктивными в заимствовавшем их языке благодаря появлению в нем таких пар слов, где одно из них содержало такую морфему, а другое – нет» [Вайнрайх 1972: 41]. Наличие в тагальском языке большого числа пар и цепочек однокорен-

ных заимствований обусловило постепенное выделение из них носителями языка структурных элементов и формирование более или менее конкретного их значения. Начался процесс морфемизации, понимаемый как «становление иноязычных структурных элементов как самостоятельных морфем» [Сологуб 2002: 130], который условно можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе морфемизации структурный элемент, выделенный носителями тагальского языка из цепочки однокоренных испанизмов или англицизмов, может функционировать как нерегулярная словообразовательная единица. В качестве примеров окказионального словообразования по англоязычным моделям можно назвать такие разговорные гибридные неологизмы¹, как:

bays» покупка\«-и» [*<*англ. *buy (s)*] «покупка\«-и» >разг. *buy-sing*» процесс покупки, шопинг»,

panuelo [*<*исп. *pañuelo*] «платок, шейный платок» >разг. *panueloles* [+англ. суфф. *-less*] «отсутствие чего-л.»] «без платка, с непокрытой головой»;

tamáda» ленивый» >разг. *tamarisim* [+англ. абстракт. суфф. *-ism*] «лень».

На втором этапе иноязычные словообразовательные элементы приобретают черты регулярных, хотя и малопродуктивных морфем в тагальском языке. Лексемы, включающие эти элементы, четко осознаются в языке с точки зрения их состава, выделяется производящая база. Словообразовательное значение этих морфем пока формируется, они могут оставаться многозначными. Становится возможным их участие в деривации тагальских основ, хотя преимущественно они присоединяются к заимствованиям. Например, по аналогии с испанизмами типа *asul*» синий, голубой» – *asulete*» голубая подкладка (в одежде)», *kolór*» цвет» – *kolorete*» румяна», образовались неологизмы:

braso» рука», *abraso* «объятие» [*<*исп. *brazo, abrazo*] >*abrasete*» под рукули за руку (*udmu*)» (суффикс употреблен в значении «образ действия»),

kaliwâ» левый» >*kaliwete*» левша» (суффикс употреблен в значении «носитель признака»).

Ко второй стадии морфемизации можно отнести и такие испанские суффиксы, как *-ado/-ido*, *-ante/-ente*, *-anyo/-enyo*, *-dad*, *-i*

Ермаков К. В.

Образ Чон Дасана (1762–1836) в романе корейской писательницы Хан Мусук (1918–1993) «Встреча»

Чон Дасан (1762–1836) – это не просто знаковая фигура конфуцианской мысли существовавшего некогда государства Чосон: в современной Южной Корее высказывания конфуцианского реформатора-теоретика широко цитируются в связи с самыми разными событиями в социально-экономической, политической и культурной жизни страны. А сама личность и судьба мыслителя являются темой литературных произведений, театральных постановок и кинофильмов.

В частности, Чон Дасан фигурирует как литературный персонаж в вышедшем в 1986 г. романе «Маннам» («Встреча»). Автор произведения является Хан Мусук (1918–1993) – писательница, дебютировавшая ещё в колониальный период, и со временем ставшая «живым классиком» южнокорейской литературы. Роман повествует о «канджинском» периоде в жизни мыслителя – 18-тилетней ссылке (с 1801 по 1818 гг.) в уезд Канджин провинции Чолладо (расположен на юго-западе Корейского полуострова).

Ещё одно главное действующее лицо романа – приходящийся Чон Дасану племянником Чон Хасан (1795–1839). Как и свой отец Чон Якчонъ (1760–1801) и старший брат Чон Чхольсан (? – 1801), Чон Хасан становится католиком (крещён именем Павел) и в итоге, как и они, расплачивается жизнью за свои религиозные убеждения. В 1925 г., в понтификат Пия XI, Чон Хасан был беатифицирован, а в мае 1984 г., во время приуроченного к 200-летию католичества в Корее визита Иоанна Павла II в Сеул, племянник Чон Дасана был канонизирован наряду с ещё сто двумя корейскими мучениками за веру. Выход двумя годами спустя романа Хан Мусук, таким образом, не только совпал со 150-летием со дня кончины Чон Дасана, но и явился данью уважения к человеку, причисленному Римско-католической церковью к лику святых.

О том, что перед нами не просто образец беллетристики, свидетельствует прилагаемый в конце книги солидный список лите-

национальные элиты и вырубавших леса рассматривалась как деятельность государственная. Жесткая политика в отношении местного населения на Кавказе периодически сменялась либеральной и вновь жесткой. П. Цицианова сменял Н. Ртищев, ему на смену приходил А. П. Ермолов, затем И. Паскевич-Эриванский, М. С. Воронцова сменял Н. Муравьев-Карский. И. И. Воронцов-Дашков, кавказский наместник с 1904 по 1915 год, подводя итог предшествующему периоду считал, что опыт централизации управления Кавказом из Санкт-Петербурга с утверждением на месте должности главноначальствующего гражданской частью с расширенной несколько властью обычного генерал-губернатора, .. дал довольно печальные результаты. Кавказ, вместо того, чтобы идти по пути развития за центром империи, отстал от него, и вина в этом лежит не на местной кавказской власти, а на центральных учреждениях <...> Деятельность ведомств, не поставленных в прямую связь с деятельностью главноначальствующих, <...> совершенно отклонилась от соображений с местными условиями. Подобное отношение центрального правительства привело к возникновению в крае некоторых сепаратистских тенденций; бороться с последними главноначальствующим приходилось исключительно мерами полицейского характера, не создавшими параллельных надлежащих реформ, лишь увеличение недовольства, которое выразилось, в конце концов, развитием революционного движения на социал-демократической подкладке.

Кавказ в русском сознании оставался в первую очередь понятием географическим и единство его так и не сложилось. В русской литературе существовали два символических значения: Кавказ исторический, т. е. Кавказ библейский и современный, Кавказ имперский.

(y) *on*, *-o/-a*, *-oso/-osa*, а также англоязычные *-ik* (часто в сочетании с исп. гендерным суф. *-o/-a*) и *-s*.

На третьем и последующих этапах постепенно расширяется и активизируется участие усвоенных иноязычных морфем в тагальском словообразовании с использованием как иноязычных, так и тагальских основ. Многозначность морфем в основном сокращается. В число таких единиц можно включить испаноязычные уменьшительные суффиксы *-ilyo*, *-ita*: *kahita* «маленький ящик, коробочка» – *kahetilya*» коробочка, ящичек; пачка», *binatà* «юноша» – *binatilyo*» подросток»; *bandera*» флаг, знамя» – *banderita*» флажок» (ср. исп. *banderin*» флажок, вымпел»), *dalaga*» девушка» – *dalagita*» горничная»; суффикс проф. деятеля *-ista*: *basketból* «баскетбол» – *basketbolista*» баскетболист», *sanaysáy* «очерк, эссе; статья, доклад» – *sanaysayista*» очеркист, эссеист»; также атрибутивный предлог *de*, ставший тагальским адекативным префиксом *de-*: *kuwerdas*» пружина (как в часах); струна» [< исп. *cuerta* (s)] – *de-kuwerdas*» механический, с механизмом (напр., кукла)» (ср. исп. *mecánico*» механический»), *salamín*» стекло; зеркало; очки» *-de-salamín*» в очках».

В настоящее время, по нашим наблюдениям, наибольшую степень продуктивности среди испано- и англоязычных грамматических морфем демонстрирует в тагальском языке испанский суффикс деятеля *-ero/-era*. Согласно полученным нами результатам исследования, он чаще других используется для образования гибридных неологизмов [Бакланова 2009: 142], например:

basura» мусор» [< исп. *basura*] – *basurero*» мусорщик» (ср. с исп. *basurero*» помойка, свалка»),

boksing [< англ. *boxing*] «бокс» *-boksingero* «боксер»;

pakialám» вмешательство в чужие дела» *-pakialamero/-era*» сующий/-ая нос не в свое дело»,

sabong «петушиные бои» – *sabungero*» петушатник, участник петушиных боев».

Долотин К. И.

**Оценка эмоциональной напряженности диктора
при озвучивании текста с разной коммуникативной
установкой (на материале русского, корейского,
китайского и японского языков)**

Эмоциональная окраска речи обеспечивается механизмом двойного управления: «Двойное управление – сегментное и просодическое настолько органично для человека, что представлено разными физиологическими устройствами. Ротовая артикуляция – это область производства сегментов, ларингс и фарингс – органы просодии. Первое звено управляется произвольно по *пирамидному* пути, второе входит в состав непроизвольного, *вегетативного управления*» [Жинкин 1958]. Характер спектра сегментов речи, обусловленный этим отделом речевого тракта, определяет их инвариантный резонансный признак – *фарингализованный/нефарингализованный*.

Ниже приводится способ построения шкалы силы восприятия эмоционального процесса, в рамках которого порождается речь. Для построения такой шкалы, приведенной к шкале громкости тона 1000 Гц, в качестве физического эквивалента силы восприятия интенсивности эмоционального процесса использовался резонансный сегментный признак *фарингализованный/нефарингализованный*. Логическим обоснованием использования этого признака для построения психофизической шкалы восприятия послужила логика выводов, сделанных на основе анализа взаимосвязи артикуляции сегментов речи с фарингализацией и эпиглоттализацией: «Очень близок к фарингализации признак *эпиглоттализации* («эмфатическая палатализация» в терминах Трубецкого)...Межъязыковое сравнение фарингализации и эпиглоттализации обнаруживает историческую общность этих признаков и показывает, что исходным вариантом признака был второй. Примечательно, что переход от эмфатической палатализации к фарингализации сопровождается утратой эпиглоттальной артикуляции и в согласных: эмфатические ларингалы ʃ, ɲ заменяются простыми ʃ, h» [Кодзасов, Кринова 2001].

И элементы шариатского суда, периодически вводимые тогда же. И, наконец, усилия культурного характера.

Но основным регулятором, тем не менее, оставались меры экономические. Кавказ не становился единым, в отличие от американского Юга, в силу того, что переселенцы из центральной России находились в менее выгодном положении, чем местное население, как русское, так и кавказское. Переселенцы не могли «сгонять», как индейцев, со своих земель тех, кто уже владел землей. Они уступал и в знании навыков ведения сельского хозяйства южных культур.

Это «расслоение» было точно уловлено и зорко описано Толстым в «Казаках» и «Хаджи-Мурате».

Примерно в это же время, (после Гражданской войны 1861–1865) в американском сознании возникает миф о старом Юге, который гласил, что до поражения Юг представлял единую нацию. Что это был патриархальный край, где рабы любили своих хозяев, а те были милосердны и благородны, что южане-конфедераты обладали теплом и сердечностью, благородством, рыцарским служением даме. Тогда как северяне погрязли в суете и корыстных расчетах. И хотя негров южане считали существами скудоумными, Юг представлял аналог рая на земле. Жители его стремились к чистоте расы; респектабельности любой ценой; были постоянно готовы к военным действиям; отличались жестокостью и консерватизмом; богатство не было главным мерилем ценности человека; престиж завоевывался личными качествами.

Американский Юг гордился единством и девизом для него служило латинское изречение «E pluribus unum» (из многих единое). Это было тем более странно, поскольку «географически Юг ничто не объединяло: его разделял горный хребет, дорог было мало; крупные реки протекали по границам». Негритянское население У. Фолкнер в романах «Сарторис», «Осквернитель праха» и др. изображает крайне религиозным.

Думается, что одной из причин, препятствовавших возникновению единства Кавказа было отношение к колонизации. Для американцев – уничтожение коренного населения осмыслялось как национальная трагедия и повод для покаяния. В России – деятельность П. Е. Цицианова и А. П. Ермолова, уничтоживших

в корне изменилась. Однако силовые методы колонизации, сменявшиеся кратковременными периодами относительно мягкого правления краем, препятствовали инкорпорации Грузии и Северного Кавказа в Российскую империю. Относительно устойчивая ситуация стала складываться лишь во второй половине XIX века. Широкая просветительская деятельность М. С. Воронцова была направлена на то, чтоб создать единое европеизированное общество, в котором были бы представлены как русские – военные и чиновники, так и местная элита.

Кавказская война, продолжавшаяся без малого 60 лет (1817-1864) создала тип «старого кавказца», описанный Л. Н. Толстым в «Казаках». Однако за пределы региона он не вышел. В рамках русской культуры Кавказ оставался особым пространством, границей.

Но на Кавказе русские были именно северянами, отличавшимися привычками, темпераментом, образом жизни от южан – коренных жителей Кавказа. Только казаки и солдаты, прошедшие через кавказские войны начинали приобретать культурные черты, общие с горцами. Слуга Оленина, воспринявший у барина знание французского, с удивлением смотрит на наряд казачки Марьяны, представляя, каким комичным он показался бы крестьянским девушкам у них в деревне. Станица Новомлинская, описанная Л. Н. Толстым в «Казаках» и которая считалась «корнем гребенского казачества» была населена православными старого обряда (беспоповцами). На Кавказе находились и потомки «некрасовцев», ушедшими в 1708 году в Турцию после восстания Булавина. В конфессиональном отношении Кавказ представлял сложное пространство не только для христианства, но и для мусульманства, поскольку часть местного населения было шиитами, другая суннитами.

Для создания «российскости» были предприняты специальные меры, как в Грузии – Армении, так и на Северном Кавказе. Это была целенаправленная политика воспитания детей из знатных семей – школа в Екатеринодаре, своего рода заложников-аманатов, гарантировавших приверженность режиму – в России. И практика института приставов, которых в начале XIX в. набирали из наиболее лояльных представителей местного населения.

В связи с вышесказанным можно предположить, что интенсивность эмоционального процесса диктора, в рамках которого он порождает речь, непрерывно трансформируется в ее физический эквивалент в форме распространения волн деформации конфигурации глотки в направлении от *орофаринкса* к *ларингофаринксу* и далее к *эпиглоттису* при нарастании этого напряжения и, наоборот, – при его уменьшении.

В эксперименте по репродуцированию в речевых сигналах заданного перечня типов коммуникативного задания оценка силы восприятия интенсивности эмоционального процесса диктора ($\xi_{\text{эмоц}}$) проводилась по методу Стивенса, основанного на учете закона Вебера-Фехнера и зависимости дифференциального порога ощущения раздражителя от абсолютного значения силы ощущения – $\Delta(\xi) = k \cdot \xi$, а также на выборе способа калибровки силы ощущения раздражителя испытуемым.

В качестве физического параметра раздражителя, нарушающего взаимодействие совместно работающих нейронных систем механизма речеобразования, использовалась длительность второй фазы циклов единичных импульсов квазисегментной структуры речевого сигнала (ЦКС) – $\{t^2/t_{\text{min}}\}$, отражающих интенсивность эмоционального процесса, в рамках которого порождается речь. В качестве физического эквивалента силы ощущения интенсивности эмоционального процесса применялось суммарное значение квадрата квазифонемного признака – фарингализованный/нефарингализованный – d , накопленное за время второй фазы (t^2) ЦКС, – $\Sigma(d)^2$ (где $d = f(\Delta F_n)$ – функция параметров формантной структуры речевого сигнала, $n = 1, 2, 3$).

В первом приближении зависимость $\Sigma(d)^2$ от t^2 может быть выражена степенной функцией по переменной (t^2/t_{min}) (см. формулу 1), где $t_{\text{min}} = 34$ мс – минимальное значение скрытого времени ощущения звукового, осязательного или зрительного раздражителей. Коэффициенты такой степенной функции определяются по величинам параметров регрессионной прямой, которая вычислялась для двумерной случайной величины $\{Y = \ln(\Sigma(d)^2), X = \ln(t^2/t_{\text{min}})\}$ (см. формулу 1):

$$\Sigma(d)^2 = 10 \cdot (t^2/t_{\text{min}})^{0,9} \quad (1)$$

На основе вышесказанного шкалу силы восприятия диктором интенсивности его эмоционального процесса – $\xi^{\text{эмоц}}$, приведенную к шкале громкости звукового стимула с частотой 1000 Гц, в первом приближении можно построить по сопряженным значениям двух временных рядов $(\Sigma(d^2))_n$ и $(t^2/34)_n$ с шагом по независимой переменной равным 0.1, где $n = 1, 2, \dots, n$ – порядковый номер элементов во временных рядах; граничное условие значения силы ощущения при $n = 1 - \xi^{\text{эмоц}} = 1$ (в сонах).

Экспериментальная шкала аппроксимируется логарифмической зависимостью (см. формулу 2): $\xi^{\text{эмоц}} = 10,3 * \ln(t^2/34) + 0,77$ (в сонах, приведенных к шкале громкости тона 1000 Гц). (2)

Было сделано предположение о физическом смысле длительностей второй фазы ЦКС $\{t^2\}$ в квазисегментной структуре речевого сигнала, которое заключается в том, что эти длительности являются длительностями вынужденной рефрактерности нейронов в механизме речеобразования в процессе порождения речи с заданной коммуникативной установкой.

В свете вышесказанного предложена концепция многоуровневого механизма восприятия интенсивности эмоционального процесса, согласно которой интенсивность эмоционального процесса в механизме восприятия репрезентируется посредством многомерных преобразований множества значений длительности сигналов прерывания $\{t^2\}$ на трех уровнях. Первый уровень репрезентирует квазисегментную структуру речевого сигнала, второй – матрицу памяти значений центроидов 5-ти кластеров в массиве значений $\{t^2\}$ как временных признаков экстралингвистических факторов речи, третий – матрицу памяти факторных нагрузок 5-ти кластеров как признаков эмоциональных следов, оставляемых бытием в сознании индивида (например, его эмоциональной напряженности в той или иной ситуации).

Количественная оценка эмоциональной напряженности дикторов в процессе озвучивания ими текста на родном языке с заданной коммуникативной установкой определялась по значениям функции (2) для значений независимых переменных, центроидов 5-ти кластеров с максимальными факторными нагрузками (см. таблицу).

сила покровительства России. Менялись границы России на Северном Кавказе, необходимость сообщений с Восточной Грузией обусловили строительство Кавказской Линии, которая должна была пройти вдоль кубанского правобережья, а для безопасности дороги по Дарьяльскому ущелью в Грузию. В 1784 году от Моздока до входа в Дарьял строился ряд укрепленных пунктов, в том числе крепость Владикавказ. Несколько ранее, со строительством Моздока (1777) получает окончательный вид граница Кавказская линия – Астрахань – Моздок, но процесс этот протекает отнюдь не гладко. Кабардинские владетельные князья, первые среди кавказских народов искавшие покровительства России, претендуют быть «главными» среди народов Кавказа. Многие народы также ищут покровительства России, переходят в христианство (часть осетин), другие придерживаются антирусской политики, рассматривая и то, и другое, как способ борьбы за власть (Шихали дербентский, Сухрай-хан Казикумухский). Дагестан и Чечня продолжают набеги на Грузию, осетины, подстрекаемые Ираном нападают на Военно-грузинскую дорогу. В 1785 году происходит зарождение мюридизма. Шейх Мансур (Ушурма) выступил против русских, положив начало идеологическому основанию набеговой экспансии, традиционному образу жизни народов Северного Кавказа. Оттоманская Порта также пыталась активно вмешивать в происходящее. Так кумыки и другие жители Дагестана «сунитского закона», считали, что султан направлял войско на Кавказ чтобы защитить их от «кызылбашских еретиков» (т.е. персов-шиитов). Столкновение персидских, турецких и русских интересов, персидские и турецкие войны, создавали в регионе ситуацию отнюдь не располагающую для создания новой общности российских подданных на Кавказе.

Кроме того, в Грузии, в течении нескольких веков находившейся под протекторатом Персии, когда правящий монарх должен был получать фирман на царство от шаха, создавалась устойчивая привычка культурной независимости, «неслияния» с иноземными захватчиками-поработителями. Решающим фактором здесь являлось конфессиональное различие, христианство выступало символом национальной независимости. После того, как Грузия была присоединена к единой православной России, ситуация

атмосферу сотрудничества между учениками, провоцируя неприязненность, соперничество и наущничество в классе.

6. Коэффициент переходности не может быть мерилем способностей и одаренности детей, а говорит лишь о степени доступности образования в каждой возрастной когорте.

Это – мнение людей, получивших среднее образование в китайской школе. Оно совпадает с оценкой китайского научного сообщества, но не отражает общественного мнения. Китайские ученые бьют тревогу по поводу того, что учебная перегрузка в школах негативно сказывается на физическом и психическом здоровье детей, лишает их детства, гасит природную любознательность и творческие задатки. В то же время большинство китайских семей стремятся к тому, чтобы их дети любой ценой поступили в вузы. С начальной школы китайские дети загружены дополнительными занятиями без учета их физических, умственных возможностей и природных склонностей. Китайские дети ищут безопасность и признание в виртуальном мире, чтобы уйти от учебного стресса и доказать свою личностную состоятельность. И такое положение вряд ли изменится, пока престиж школы и материальное обеспечение учителей будут зависеть от количества выпускников, поступивших в учебное учреждение следующего уровня. Очевиден разрыв между образовательными установками государства и образовательными запросами китайского общества, который нельзя устранить директивными мерами.

Багратион-Мухранели И.Л.

Русский Кавказ и американский Юг – формирование литературного мифа

Понятие русского Кавказа как единого пространства культуры, а не только присоединенных к Российской империи земель, начало складываться во второй половине XIX века. Примерно за сто лет до того, в 1783 году произошел раздел Крымского ханства между Османской империей и Россией, к России была присоединена часть Крыма и Правобережные земли Кубани. Тогда же был подписан Георгиевский трактат, по которому Восточная Грузия про-

Эмоциональная напряженность дикторов – $\xi^{эмоч.}$ при озвучивании текста с заданной коммуникативной установкой (в тонах, приведенных к громкости тона 1000 Гц)						
Тип коммуникативной установки диктора	Дикторы					
	Рус.- муж.	Рус.- жен.	Кор.- жен.	Кит.- муж.	Япон.- жен.	Япон.- муж.
Нейтральность	5,85	11,72	7,94	13,80	7,61	6,63
Приказ	6,95	10,26	6,60	0,00	2,55	0,00
Требование	11,84	9,22	8,43	9,87	4,87	8,36
Просьба	11,64	9,98	10,34	2,94	7,85	16,54
Мольба	3,75	7,20	8,24	3,24	6,57	13,15
Если $\xi^{эмоч} = 0$, то эмоциональный процесс отсутствует.						

Иванов В.Б.

Ударение в иранских языках

За последние два десятилетия в деле исследования иранских языков был накоплен значительный экспериментальный материал, позволяющий сделать новые обобщения относительно акустических характеристик ударения.

Исходной ступенью мы считаем такие обобщающие работы как: «Основы иранского языкознания» (8 томов, 1979–2010 гг., подробный список языков и авторов (Иванов, 2010) и «Языки мира. Иранские языки» (3 тома, 1997–2000. (Расторгуева и др., 2000)). Суждения о свойствах ударения иранских языков приводим по пунктам 2.1.2 или 5.1.0, которые в «Языках мира» являются обязательным элементом описания отдельных языков или групп диалектов). Ни один из авторов этих книг, насколько нам известно, самостоятельных инструментальных исследований ударения в описываемых языках не проводил.

В белуджском, ваханском, гилянском, дари, древнеперсидском, курдском, мазандеранском, мунджанском, ормури, парачи, парфянском, пашто, согдийском, среднеперсидском, таджикском, татском, диалектах фарса, хазара, ягнобском (всего 19) полагается силовое (динамическое, экспираторное) ударение.

При этом одним из авторов описания в «Языках мира» не принято во внимание экспериментально-фонетическое исследование (Хаскашев, 1972), в котором обнаружено тоническое ударение в таджикском языке. Другим автором не учтено другое экспериментально-фонетическое исследование (Иванов, 1996), где обосновывается квантитативный характер ударения в афганском дари.

В персидском упомянуто двухкомпонентное ударение: силовое и тоническое. При этом автором описания в «Языках мира» не принято во внимание экспериментально-фонетическое исследование (Иванов, 1976), в котором обосновывается чисто тоническое ударение в персидском языке.

Характер ударения в абдуи, авестийском, афтари, бактрийском, бартангском, бахтиярских диалектах, башкарди, биябунеки, Большой Соляной пустыни диалектах, ванджском, ванеци, велатру, вонисуни, гурани, гявруни, давани, джавшакани, заза, зефрей, йезди (зороастрийском дари), йидга, ишкашимском, кермани (зороастрийском дари), кешеи, кохруди, кумзари, курдшули, ларской группе, ласгерди, лурских диалектах, меймеи, мидийском, осетинском, рошорвском, рушанском, сангесари, сангличском, сарыкольском, Семнана полосы диалектах, семнанском, сивенди, скифском, сурхеи, таджриши, тальшском, тати, фаризанди, хорезмийском, хотаносакском, хунсари, хуфском, Центрального Ирана диалектах, в группе диалектов чар-аймаков, шамерзади, шугнанском, язгулямском, яранди (всего 57) не упомянут вообще (или, по крайней мере, нам не удалось такового упоминания обнаружить).

Попытки исследователей найти в языках мира силовое ударение пока не увенчались успехом: в английском (Roach, 2002) и польском (Jassem, 1959) ударение оказалось тоническим, а в русском – квантитативным (Златоустова, 1953). В работах, в которых было якобы обнаружено силовое ударение (в персидском (Мамедова, 1972) и в пашто (Асмат, 1969)), на самом деле выводы были сделаны некорректно, что подробно рассматривается в (Иванов, 1996) и (Тарбеева, 2010).

После опубликования данных фундаментальных работ были проведены инструментальные обследования ударения в пашто

Столкновение приоритетов в сфере образования КНР

В настоящее время сфера образования Китая отражает столкновение разных приоритетов: социально-экономических целей государства, традиционных китайских ценностей, носителями которых является семья, экономических и культурных запросов подрастающего поколения. Возникшие противоречия наглядно проявляются в критериях оценки образования. Государство оценивает образование, главным образом, по тому, отвечает ли качество средней и высшей профессиональной подготовки потребностям модернизации страны. Общество оценивает школу по количеству поступивших на следующую ступень обучения, а сами учащиеся оценивают свои результаты по балльной шкале успеваемости. Что касается индивидуальных склонностей и потребностей учащихся, то они практически не учитываются школой и недостаточно учитываются семьей. Китайские студенты, обучающиеся в МГУ, отмечают следующие негативные последствия сложившейся традиционной системы оценки успешности обучающегося по полученным в школе баллам:

1. Мотивация на обучение и на подготовку к экзаменам противоречат друг другу. Задача подготовки к экзаменам не формируют у учащихся нацеленность на саморазвитие. В процессе обучения не задействованы такие мобилизационные факторы, как воображение, любознательность, индивидуальные интересы.

2. Школьные баллы отражают точку зрения проверяющего преподавателя, особенно в гуманитарной сфере, и не могут быть единственным объективным критерием оценки интеллектуального потенциала учащегося.

3. Зубрежка учебного материала для получения высоких оценок отнимает у учащихся то время, которое они могли бы посвятить другим видам учебной и внешкольной деятельности.

4. Страх не оправдать ожидания родителей порождает в детях постоянное чувство тревоги и стресс.

5. Установка на получение высоких оценок разрушает гармонию во взаимоотношениях учащихся с учителями, подрывает

и маслом, и карандашом, часть картин была оформлена в виде японских свитков, часть обрамлена в соответствии с европейской традицией. Сохранилось несколько высоких ширм, которые художник расписывал для художественной галереи «Удзумаки-тэй» в г. Тояма. Спектр интересов художника был чрезвычайно широк. Помимо картин, Юмэдзи оставил много работ в области графики, дизайна тканей для юката и кимоно, цветной бумаги «тиёгами», открыток и цветных наборов для письма, аксессуаров из бамбука и даже пробовал свои силы в искусстве создания кукол. Также Юмэдзи собственноручно вырезал и печатал гравюры на досках («моку-ханга»). Он долгие годы сотрудничал с журналами «Ва-какуса», «Фудзин-гурафу» и др., обложки которых украшали его работы, иллюстрировал детские книги, женские журналы, сборники песен, многие романы с продолжением печатались в журналах и газетах также с его иллюстрациями. Помимо этого он писал стихи, общее число которых достигает 1200. В частности, он был автором стихов к песне «Ёимати-гуса», которая стала широко известна сразу после своего появления (стихи были впервые напечатаны в 1912 г., а песня появилась в 1918 г.). Сама песня «Ёимати-гуса» стала по сути музыкальной «визитной карточкой» эпохи Тайсё.

В последние годы жизни, когда художник путешествовал по Европе и Америке, он создал ряд произведений, в которых отразились его впечатления от жизни за границей. На этих картинах лица, позы и одежда персонажей были уже европейскими, но по-прежнему оставалось ощущение мягкого приглушенного света и внутреннего глубокого изящества. Скончался художник в 1934 году в возрасте 50 лет. В настоящее время в Японии есть несколько музеев, посвященных его творчеству. Люди по-прежнему продолжают восхищаться его творчеством, а художники новейшего времени черпают в его работах вдохновение для своих новых произведений

(Тарбеева, 2010) и (Ivanov, 2001), сарыкольском (Иванов, 2008), гявруни (зороастрийском дари) (Иванов, 2009), абьянеи (Ivanov, et al., 2010). Везде было обнаружено количественное ударение.

Отсюда можно сделать предварительный вывод о том, что для иранских языков характерно в первую очередь количественное ударение (5 языков), реже встречается тоническое ударение (2 языка). Силовое ударение не встречается вовсе.

Софронов М.В.

Китайская транскрипция в реконструкции фонетики тангутского языка

Регулярная транскрипция иностранных слов средствами китайской иероглифической письменности началась со времени первых переводов буддийских текстов на китайский язык во II в. н. э., где требовалась передача собственных имен, географических названий, терминов культуры, которые не поддавались буквальному переводу на китайский язык. В VII-VIII вв. в связи с потребностью в переводе ритуальных текстов, которые следовало произносить на санскрите, китайская филологическая наука разработала собственную систему транскрипции, учитывающую возможности китайского языка для транскрипции языков с другими правилами фонотактики. Именно эта система была использована для транскрипции слов тангутского языка в двуязычном пособии «Своевременная жемчужина в ладони», которое было создано во второй половине XII в. Примечательной особенностью этого пособия была двусторонняя транскрипция: китайский текст был транскрибирован по тангутски, а тангутский – по китайски.

В тангутской иероглифической письменности существует класс знаков, которые используются только как слоговые обозначения для передачи слов иностранных языков. Основным иностранным языком, который был хорошо известен в Тангутском государстве, был китайский, и через него в тангутский язык вошли слова санскрита, которые встречались в китайских вариантах буддийских текстов. Транскрипционными знаками были обозначены китайские родовые имена, географические названия, термины

культуры. В тангутском фонетическом словаре «Море письмен» собраны все знаки тангутского письма своего времени. Большинство их предназначалось для слогов тангутского языка. Однако наряду с ними существовало также заметное число знаков, которые служили только средством транскрипции односложных слов иностранных языков. Для частых китайских слов с фонетическими особенностями, которые отсутствовали в тангутском языке, в «Море письмен» были созданы рифмы 15-16 с назализованным е и 25-27 с назализованным а. Все особые рифмы для односложных слов китайского языка находились в большом цикле, поскольку по своей фонемной структуре тангутские слоги этого цикла были более всего похожи на китайские. Особое положение этих рифм подтверждается также и со стороны взаимной китайско-тангутской транскрипции, где слоги тангутского языка выступают как предмет транскрипции средствами китайского письма и как средство транскрипции слогов китайского языка. При этом тангутские слоги одних рифм регулярно использовались для транскрипции китайских слогов, а слоги других рифм для этой цели не использовались или использовались очень редко.

Все иностранные слова, собранные в этих и некоторых других рифмах, требовалось произносить с соблюдением их исходного произношения, по крайней мере, в среде образованных людей. Для этого в китайской транскрипции использовались как полные слоги, которые по структуре совпадали со слогами тангутского языка, так и технические средства, когда слог тангутского языка, не имеющий соответствия в китайском, передавался с помощью пары знаков. Техника фаньце состояла в том, что один знак из пары изображал инициаль, а другой – финаль тангутского слога. Техника эрхэ состояла в том, что инициали обоих знаков этой пары изображали стечение слогласных в начале слога, а финаль второго слога – финаль тангутского слога. Передача отдельных особенностей тангутской фонетической системы осуществлялась с помощью диакритических знаков, которые указывали способ произношения инициали или финали китайского транскрипционного знака.

Диакритическим знаком для финалей китайских транскрипционных слогов служили традиционные указания тонов с помощью

Основные жанры, в которых работал Юмэдзи, следующие: женский портрет, детский портрет, бытовые сценки, пейзаж, цветочный и геометрический орнамент. Ранние картины были посвящены традиционным мотивам, например, изображались майко Киото (молоденькие ученицы гейш), исторические сценки и известные персонажи, актеры театра Кабуки. Впоследствии одной из главных тем его творчества стал внутренний мир женщины, взаимоотношения мужчины и женщины. Еще одна тема, интересовавшая художника и вдохновившая его на целый цикл картин, – приезд в Японию в XVI веке первых миссионеров-христиан, обосновавшихся в Нагасаки.

Основные стилистические черты и приемы в работах Юмэдзи можно назвать следующие – контрасты цвета, приглушенный, мягкий свет, угловатые позы, S-образный женский силуэт, крупные глаза и кисти рук, привлекающие внимание яркие аксессуары. Красавицы Юмэдзи в большинстве своем облачены в кимоно, и рисунок на кимоно также своеобразен. Иногда это клетка или полоска, иногда – однотонное, без рисунка кимоно, иногда на ткани изображены крупные цветы. Особенностью картин Юмэдзи было то, что часто в изображении одежды использовались контрастные цвета (светлое кимоно – темный пояс-«оби» и наоборот), яркие цветовые пятна (нижний воротничок «ханьэри» или пояс «обиагэ» алого цвета и т. д.). На некоторых картинах светлая кожа красавиц оттенялась темными тонами кимоно или черными поясами-«оби». Интересно, что на кимоно иногда можно заметить иероглифы, помогающие глубже раскрыть образ персонажа (так, например, слова «ёру» – «ночь» и «тэмакура» – «положив руку под голову», изображенные на кимоно куртизанки в картине «Кириситан батэрэн торай но дзу» – «Картина прибытия в Японию патеров-христиан», 1914).

Юмэдзи создавал работы и в стиле «нихон-га» («японская традиционная живопись»), и в стиле европейского импрессионизма, позднее художник нашел свой, неповторимый стиль – «стиль Юмэдзи». Многие современники художника отмечали, что в его картинах ощущается истинно японский дух, при этом необыкновенно изящно и изысканно использованы европейские приемы письма и техника. Работал он и акварельными красками,

ников, то они не наносят ему вреда; они (Пэн Мэн) нанесли ему (стрелку И) вред (вмещающий понятие убийства), следовательно, учитель (стрелок И) не следовал строгому моральному критерию в выборе учеников, в чем и заключается его вина. Или, в более формальной записи: если А, то не-Б; Б, следовательно, не-А.

В этом рассуждении Мэнцзы определяет моральность человека не по безразличному в нормативном смысле действию, а по поведению в экстремальной ситуации, ставящей перед выбором взаимно исключающих альтернатив, которые являются в равной степени обязательными или запрещенными (см. подобные случаи в 2.13, 2.14, 2.15, 7.17 и др.). Юйгун по своей служебной обязанности должен был «навредить» Цзычжо, и в то же время это запрещалось ему делать в соответствии с долгом перед учителем. Сделанный им выбор как наиболее гуманный, несомненно, свидетельствовал для Мэнцзы о его высоком моральном качестве.

Кудряшова А. В.

Новаторство и традиции в творчестве японского художника Такэхиса Юмэдзи

Имя замечательного японского художника-романтика Такэхиса Юмэдзи (1884-1934) все еще мало знакомо в России, хотя давно и широко известно в Японии. Художник, поэт, прозаик, график, дизайнер – он оставил яркий след в художественном мире этой страны, создав свой неповторимый стиль, впоследствии названный «стилем Юмэдзи». Главной темой творчества Такэхиса Юмэдзи всегда являлось воспевание женской красоты, грации, очарования. Его красавицы на картинах и сейчас поражают своим неуловимым изяществом, нежностью и отчасти грустью. Они производят ощущение эфемерности и хрупкости, несмотря на кажущуюся некоторую непропорциональность (большие глаза и кисти рук) и неестественность поз (S-образный силуэт). Появился даже термин «картины красавиц в стиле Юмэдзи» («Юмэдзи-сикибидзин-га»). Особенно популярным этот стиль был в эпоху Тайсё (1912-1926).

кружков в четырех углах соответствующего знака. Их смысл состоял в том, чтобы произносить транскрипционный знак не в его обычном тоне, а в тоне, предписанном этим диакритическим знаком. Диакритический знак входящего тона требовал соответствующего произнесения слога. Однако из тех же транскрипций известно, что конечный смычный согласный, который является основным признаком слога входящего тона, уже был утрачен в китайском диалекте Тангутского государства ко времени составления «Жемчужины на ладони». Наличие этого диакритического знака можно объяснить только тем, что для чтения транскрипционных знаков использовались литературные чтения знаков китайского письма, которые всегда отражали предшествующее состояние фонологической системы китайского языка. Отсюда следует, что противоречия в китайской транскрипции одного и того же знака тангутского письма вызваны использованием разных чтений одного и того же китайского транскрипционного знака.

Присутствие в китайских транскрипциях тангутских слогов рифм 34-37, где реконструированы дифтонги, слогов с простыми гласными указывает на то, что среднекитайские дифтонги уже не существовали в диалекте китайского языка Тангутского государства. В настоящее время в северо-западных диалектах китайского языка, к которым он относится, они упростились до простых гласных, качество которых различно в разных частях северо-западного диалектного ареала. Однако реконструкция тангутских гласных и прежде всего дифтонгов усложняется из-за того, что многие знаки китайского письма имели литературное и разговорное чтения, которые были представлены в китайской транскрипции. При этом литературное чтение знаков китайского письма всегда отражает их старое произношение, которого придерживались в школе. Поэтому нельзя исключить возможность того, что литературные чтения знаков китайского письма в диалекте Тангутского государства были ближе к среднекитайским дифтонгам, чем к разговорным чтениям того времени. Поэтому в литературных чтениях знаков китайского письма, которые используются в транскрипциях, в какой-то форме могли сохраниться среднекитайские дифтонги и конечные носовые сонанты. Среди знаков рифм 34-37 находится немало заимствованных из китайского языка терминов культуры,

которые предписывалось произносить в соответствии с их литературным чтением. Однако в «Море письмен» они все же выступали в своем разговорном чтении.

Худяков Д.

Диакритика в восточноазиатских письменностях

Все письменности, созданные человечеством, можно разделить на два больших класса: фонетические и идеографические. Каждая письменность представляет собой набор знаков и правил их чтения. В фонетических письменностях знак соответствует фонеме или группе фонем языка. В идеографических письменностях знак соответствует морфеме или слову. Диакритические знаки представляют собой дополнительный набор вспомогательных знаков, поясняющих чтение там, где оно нестандартно или может быть неясно читателю.

Говоря о диакритических знаках, обычно подразумевают фонетические письменности, имеющие небольшие ограниченные наборы знаков. Появление в таких письменностях диакритики вызвано либо неполнотой репрезентации речи посредством стандартного набора знаков, либо неадекватностью этого набора и соответствующей ему репрезентации для языков, заимствовавших данную письменность.

Знаки идеографического письма (будь то логографическое или морфемное письмо), строго говоря, необязательно передают чтение той или иной морфемы. Заимствуя знаки чужой письменности, различные народы далеко не всегда заимствовали при этом фонетическую оболочку соответствующих морфем, и зачастую заменяли их собственными: ср. китайское чтение *шуй* или *суй* для знака 水 «вода» и его японское чтение *мидзу*. Отдалённым аналогом диакритических знаков для идеографических письменностей служат детерминативы, выполняющие в них сходную функцию: они поясняют значение и чтение других идеографов.

Китайская идеографическая письменность, ставшая основой других письменных систем Дальнего Востока, представляла собой открытое множество, которое пополнялось путём создания

ем последующем рассуждении он дает дальнейшее раскрытие этой проблематики:

«Пэн Мэн, учась у И стрельбе из лука, овладел его искусством и подумал, что его искусней в Поднебесной только И, и тогда убил его. «Вина тут в этом также И», – заметил Мэнцзы. Гунмин И же говорил: «Понятно, вроде бы, что не виновен». «Гунмин И имел в виду, – сказал Мэнцзы, – что вина И небольшая. Как он может быть вовсе невиновен? Люди Чжэн послали Цзычжо Жуцзы совершить нападение на Вэй, а Вэй за ним в погони послало Юйгун Чжисы. Цзычжо Жуцзы сказал: ‘Сегодня болезнь ко мне вернулась, я не в силах держать лук, мне нет спасения’. И спросил у своего возничего: ‘Кто за мной гонится?’ ‘Юйгун Чжисы’, – ответил тот. ‘Я тогда спасен’. Возничий возразил: ‘Юйгун Чжисы стрелок из лука наилучший в Вэй, почему же говорите, что вы спасены?’ ‘Юйгун Чжисы стрельбе из лука учился у Иньгун Чжито, а Иньгун Чжито ей учился у меня. Иньгун Чжито человек прямой, и люди, избираемые им в друзья, могут быть тоже только прямыми’. Юйгун Чжито, когда настиг его, спросил: ‘Почему вы опустили лук?’ ‘Сегодня болезнь ко мне вернулась, я не в силах держать лук’. ‘Меня, малого человека, стрелять из лука обучал Иньгун Чжито, а он учился этому у вас. Мне нестерпимо вашим же искусством наносить вам вред. Но мое нынешнее дело государево, и я не смею им пренебрегать’. Он вынул стрелы, ударами об колесо отбил их металлические наконечники и, выпустив четыре стрелы, повернул обратно» (*Мэнцзы*, 8.24).

Первый из приводимых здесь примеров иллюстрирует общую мысль о нанесении вреда учителю учеником. В комментарии к нему Мэнцзы сначала превращает эту мысль в тезис своего рассуждения, добавляя к ней пункт о виновности: учитель виновен в нанесении ему вреда учеником. А затем уже в качестве аргумента приводит второй, контрастный первому, пример, представляющий собой образное выражение тоже достаточно общей идеи в форме условного высказывания: если учитель следует строгому моральному критерию в выборе учеников, то они не наносят ему вреда. Схематично оба примера вместе составляют условно-категорическое умозаключение (модус толленс): если учитель следует строгому моральному критерию в выборе уче-

Семененко И.И.

Антиобывательский ригоризм Мэнцзы

Этика конфуцианства была в своей основе ригористической. Эта ригористичность дополнялась такими принципами, как уступчивость и приспособление к обстоятельствам, придававшими ей определенные ограничения. Вместе с тем ряд явлений общественной и частной жизни подлежали в конфуцианстве совершенно бескомпромиссному отрицанию. Одно из них составляли древнекитайские обыватели, о которых впервые упомянул в негативном плане еще Конфуций (*Луньюй*, 17.13), а его крупнейший последователь Мэнцзы дал им уже достаточно полную отрицательную оценку:

«Станешь отвергать их, и не найдёшь за что, и порицать в них тоже нечего. Находятся в одном течении с нынешними нравами, уживаются с порочным веком. Отстаивая это, они кажутся честными и искренними, незапятнанными в своем поведении, все довольны ими, и они считают себя правыми, но с ними не вступить на Путь...» (*Мэнцзы*, 14.37; здесь и далее в моем переводе).

По существу, всю этику Мэнцзы можно рассматривать как противоположность обывательской морали. Именно с учетом этого противопоставления становится более понятным одно его, на первый взгляд, не совсем ясное высказывание:

«Когда можно и брать, и не брать, но всё-таки берут, вредят бескорыстию; когда можно и давать, и не давать, но все-таки дают, вредят милосердию; когда можно и умирать, и не умирать, но все-таки умирают, вредят храбрости» (*Мэнцзы*, 8.23).

В этом афористическом высказывании Мэнцзы отстаивает принцип моралистического ригоризма. Три вида поступков, о которых он здесь говорит, разрешается выполнять и разрешается не выполнять, т.е. они в соответствии с нормативной (деонтической) логикой не относятся ни к обязанностям, ни к запретам, и могут быть определены как, в целом, безразличное с точки зрения нравственных норм действие. Предпринимать его, значит, по существу, идти в обход строгих моральных требований. Склонность к такому действию, по мнению Мэнцзы, и является одним из существенных признаков древнекитайского обывателя. В сво-

новых знаков из уже имеющихся графических элементов. В ней объективно не сложились условия для использования диакритических знаков. Однако и здесь существовала сфера, в которой использование диакритики вошло в практику. Речь идёт о китайских транскрипциях иноязычных слов – главным образом, слов санскрита и/или пракритов в буддийских текстах. Необходимость такой транскрипции диктовалась несколькими причинами:

нужно было передать средствами китайского письма санскритские *мантры* и *дхараны*;

нужно было передать инокультурные термины, для которых в китайском языке не было адекватного перевода;

нужно было передать имена собственные и географические названия.

Буддийскими миссионерами-переводчиками была разработана довольно стройная система транскрипции, включавшая инструментарий для передачи нехарактерных для китайского языка фонетических явлений санскрита: например, для передачи скоплений согласных в слогах санскрита использовались несколько китайских знаков с пометой *эрхэ* 二合, *саньхэ* 三合 и т.д., предписывавших читать соответствующие знаки не как самостоятельные слоги, а как части одного слога; для передачи долгих гласных санскрита использовался диакритический знак 引; для передачи нехарактерных для китайского языка звонких придыхательных инициалей в ряде случаев использовался диакритический знак 重, а для передачи зубных взрывных согласных *t*-, *th*-, *d*- в противоположность соответствующим ретрофлексным использовался диакритический знак 輕. Однако транскрипционные системы и, соответственно, используемые ими диакритические знаки существенно различались у разных авторов.

Следующий шаг в направлении разработки дальневосточной диакритики сделали тангутские филологи, которые в XII в. создали тангутско-китайский учебный словарь «Своевременная жемчужина на ладони» (*Фань хань хэ ши чжан чжун чжу* 番漢合時掌中珠). Лексический материал в этом словаре расположен по трём традиционным китайским категориям: небо 天, земля 地 и человек 人. Для каждого тангутского слова или высказывания приведён китайский перевод и транскрипция по-китайски, а так-

же транскрипция китайского варианта по-тангутски. В большинстве случаев тангутские знаки транскрибируются по-китайски одним знаком и наоборот. Однако в ряде случаев в качестве транскрипций мы встречаем сочетания двух знаков или знаки с диакритикой. В транскрипциях «Жемчужины» используются в основном те же принципы и диакритические знаки, которые раньше встречались в буддийских китайских транскрипциях, но зачастую они оказываются наполненными иным содержанием. Интерпретация диакритических знаков «Жемчужины» подчас представляет сложности и требует привлечения материалов тибетских транскрипций и внутренних источников фонетической реконструкции тангутского письма.

В данном докладе мы рассмотрим различные системы китайской транскрипции санскритских текстов и их влияние на формирование техники транскрипции тангутских слов средствами китайского письма.

Громова А. В.

Диалекты Фарса

Диалект давани (один из малоизученных диалектов провинции Фарс, на юго-западе Ирана; число носителей в 2004 г. – около 1000 человек) генетически родственен современному персидскому языку (фарси), который также является потомком среднеперсидского языка (Мошкало 1997, 198).

В данном докладе предпринята попытка описать свободные синтаксические словосочетания (объединение знаменательных слов, связанных грамматически и выражающих единое, но расчлененное понятие), используя для диалекта давани систему, предложенную Ю. А. Рубинчиком для описания словосочетаний в персидском языке (Рубинчик 2001, 359–375).

По господствующему виду синтаксической связи в персидском языке выделяются следующие типы синтаксических словосочетаний:

- 1) изафетные словосочетания,
- 2) словосочетания, построенные на примыкании,
- 3) предложные словосочетания.

которая приведет именно к тому результату, к которому стремится адресант. В зависимости от поставленных задач уровень регламентации может быть различным. Периодическая частная переписка подвергается формализации в наименьшей степени. Здесь должна применяться гибкая регламентация, вариативность увеличивается. Деловая переписка частично формализована посредством использования стандартных клишированных фраз, строгой структурой послания. Этикетные сезонные послания сильно формализованы, состоят в основном только из правильно выстроенного набора этикетных фраз. Регламенты по написанию писем затрагивают все стороны переписки, как формальные, так и неформальные. Регламентируется даже то, что письмо «должно быть написано от души». Особое место в регламентации отводится употреблению вежливого языка 敬語 *кэйго*. По использованию вежливого языка судят об образованности адресанта, об его умении вести себя в обществе. Наверное, поэтому многие адресанты и полагаются на письмовники, чтобы, переписав предлагаемые в регламентах фразы, соблюсти все нормы вежливости, показав себя с наилучшей стороны. Японское общество в целом воспринимает регламентацию положительно, так как использование регламентов помогает устранить коммуникативные и организационные проблемы. Регламентация удобна, вполне гармонично сочетается с менталитетом японцев, привычных к четкому соблюдению норм и правил. Однако сбои в коммуникативной схеме бывают, что связано обычно с компетенцией составителей регламентирующих документов, несвоевременным обновлением регламентов. Также проблемы возникают, когда какие-то существенные аспекты бывают незатронутыми, и адресантам приходится самостоятельно искать пути решения задачи, а навыка самостоятельной коммуникативной деятельности не было выработано.

ударить в колокол, тот уже не мог издать протяжный звук, а только тихий жалобный стон. С тех пор настоятель навечно запретил звонить на территории храма в колокола и колокольчики, чтобы не вызывать гнев природы.

Как видно, в японских храмовых легендах колоколу отводилась особая роль. Он воспринимался как самостоятельный «живой» организм, способный подчинять своим желаниям и поступкам жизнь людей.

Бессонова Е.Ю.

Регламентация как ментальный фактор коммуникации японцев на материале японских эпистолярных текстов

Коммуникативные составляющие культурной и общественной жизни японцев во многом базируются на установленных нормах и правилах, которые должны неукоснительно соблюдаться в процессе общения. Невозможно представить какую-либо сферу деятельности без разветвленной системы регламентированных действий.

Сферу заочной адресной коммуникации обслуживает эпистолярный текст — сложная языковая система, в которой отражены общественное сознание и структурная организация японского общества. В Японии иерархия отношений заметна во многих структурах общества, что является одним из факторов, влияющих на формирования схем коммуникации. В эпистолярной коммуникации японцев регламентируется формальная организация послания, лексический состав, грамматические конструкции, для этикетных писем устанавливаются сроки написания, иногда даже цвет, которым должно быть начертано послание. Следуя регламентированной схеме коммуникации, изученной предварительно всеми участниками, решаются различные коммуникативные задачи, поддерживаются ровные межличностные отношения. Регламентирующая функция в сфере эпистолярного общения возложена на письмовники. От хорошей системы регламентации японцы ожидают правильную организацию написания письма,

Такую классификацию можно предложить и для давани. Прежде всего, мы остановимся на изафетных словосочетаниях и словосочетаниях, построенных на примыкании.

Примеры взяты, в основном, из сказания о Рустаме и Исфандияре, записанного Х. Махамеди в Даване со слов слепого старца, Али Баба Садеги, и опубликованного в 1982 г.

Изафетные словосочетания (самый распространенный тип словосочетаний в персидском языке) передают в широком плане атрибутивные отношения, прежде всего, определительные отношения и отношения принадлежности.

В давани, как и в персидском, подчиняющее слово (определение), стоящее в подавляющем большинстве изафетных словосочетаний на первом месте, связывается с последующим, подчиненным словом (определением) с помощью изафетного показателя –е. Он не несет на себе ударения, которое обычно приходится на конец слова (Керимова 1997, 178).

После слов с исходом на гласный изафетный показатель принимает форму –у, в отличие от персидского языка (-уе). Если в некоторых диалектах Фарса в разговорной речи изафетный показатель может опускаться, в давани этого не происходит (Salāmi 2004, 60–61).

Давани	Персидский	Перевод
dass-e rostam	دست رستم	рука Рустама
ser-e ma	سر من	моя голова
xīn-e rostam	خون رستم	кровь Рустама
šāhā-ye qadimo yeug-e qadim	شاههای قدیم و غیر قدیم	цари древних и недавних времен

Бывают случаи, однако, когда первое слово выступает в качестве определения ко второму, определяемому слову (Hasāmzāda Naqīqī 1970, 88).

ner-a kow	کبک نر	куропатка (самец)
-----------	--------	-------------------

В препозиции, к примеру, находится определительно-обобщающее местоимение tamām (весь).

tamām-e rudxuna	تمام رودخانه	вся река
tamām-e Irun-o Turun	تمام ایران و توران	весь Иран и Туран
tamām-e Irunzamin-o Turunzamin	تمام ایران زمین و توران زمین	вся иранская земля и туранская земля

В качестве распространяющих членов выступают существительные, прилагательные, личные местоимения.

baḍān-e Rostam	بدن رستم	тело Рустама
Rostam-e baḍbaxt	رستم بدبخت	несчастный Рустам
pišt-e ma	پشت من	моя спина

Путём примыкания образуются словосочетания, в которых в роли распространяющего члена выступают указательные местоимения, вопросительные местоимения, количественные числительные, наречия.

i merd	این مرد	этот человек
an-lav-e daryā-ye čin	آن لب دریای چین	тот (другой) берег Китайского моря
tu ya: haftā can ru	چند روز در هفته	сколько дней в неделю
ce juri	چه جورى	как (каким образом)
hezār-o deveš sāl	هزار و دوست سال	тысяча двести лет
sad-o panjā tīr	صد و پنجاه تیر	сто пятьдесят стрел
xéyle xo	خیلی خوب	очень хорошо

Чаще всего встречаются предлоги «a (š)» – «к», «(a) si» – «для», «ā» – «от», «xod-e» – «с», «tu» или «an» – «в»; а также отыменные предлоги «lav-e (daryā)» – «на берегу (моря)», «teref-e rudxuna» – «на берегу (реки)».

Однако, используя данный материал, сложно говорить о предложной связи только в составе словосочетания. Чаще предлоги связывают глагол-сказуемое с зависимым членом, то есть речь идет о предложной связи в составе предложения, а это уже тема отдельного исследования.

дракона». Эта та часть, за которую колокол поднимали, своего рода «ухо» колокола. Само название указывало на связь колокола с драконами, с морской стихией и подводным миром. Более того, существовало поверье, что, когда колокол опускается под воду, он превращается в змею (змея). То есть наблюдается достаточно устойчивая связь таких понятий как «колокол – дракон (змея) – водная стихия». И потому не случайно именно дракон и змея присутствуют в текстах, содержащих мотив запрета звонить в колокол.

Так, одна из легенд храма Китаин в преф. Сайтама повествует о настоятеле, который очень любил змей. Он всегда призывал их звоном колокольчика. А когда настоятель состарился и умер, никто больше не призывал змей, и они уползли в другие места. Но однажды к храму приехали бродячие торговцы и стали зазывать покупателей звоном таких же колокольчиков. И тогда вдруг откуда-то появилась огромная змея, которая стала все сметать на своем пути и принесла много бед. С тех пор, рассказывают, и появился запрет звенеть колокольчиками на территории храма Китаин.

Другая история этого же храма, также объясняет происхождение запрета не только звонить в колокольчики, но и бить в колокола на территории храма. Она повествует о настоятеле, который не смог противостоять силам зла, желавшим сбить его с истинного пути. Эта легенда известна под названием «Девушка и дракон». В ней рассказывается о том, как к настоятелю пришла неизвестная девушка и попросила сто дней не ударять в колокол – иначе быть беде. Настоятель согласился, но, когда срок уже подходил к концу, к настоятелю пришла другая девушка и стала слезно просить его ударить в колокол всего лишь один раз. Настоятель сжалился над ней и повелел один лишь раз ударить в колокол. Раздался дивный протяжный звук и все поразились его красоте, но девушка в тот же миг превратилась в страшного дракона. Дракон поднял ураганный ветер, который стал все сносить на своем пути. А настоятель начал вертеться вокруг себя и вертелся так 99 раз. Тогда все поняли, что первая девушка хотела спасти храм от несчастья, а настоятеля наказала за то, что не исполнил ее наказ. Но самое удивительное произошло потом. Когда в храме попытались снова

с тем или иным человеком, персонажем, героем данной культуры, обладающим именем и биографической историей, реальной или вымышленной. Данный метод, активно применяемый при изучении западных языков, всегда давал позитивный результат. Следует также обратить внимание на призыв Е. А. Торчинова, который утверждал в своих последних работах, что будущему востоковеду полезно постигать природу восточного интуитивизма с помощью методов трансперсональной психологии, позволяющих активизировать образное мышление, воображение и развить способность глубже понять иную культурную традицию.

Садокова А. Р.

Мотив запрета в японских храмовых легендах о колоколах

В традиционной культуре народов мира всегда большое значение придавалось музыкальным инструментам, которые почитались как магически значимые, обладающие особой, подчас сверхъестественной силой. В Японии к таковым относились инструменты, которые входили в состав традиционного музыкального оркестра – три барабана разной формы и размера, флейта и гонг. Но, кроме того, магически значимыми исстари считались и храмовые колокола. Во всех префектурах страны о чудесах, совершенных колоколами в буддийских храмах, бытовало огромное количество местных легенд и преданий. Именно потому он стал одним из самых популярных «персонажей» японского повествовательного фольклора, где с ним оказались связанными два основных мотива.

Это мотив запрета звонить в колокол на территории храма и мотив связи колокола с драконом, а значит, с морской и вообще водной стихией, так как Дракон, по представлениям японцев, считался повелителем Морского царства и подателем влаги, прежде всего, дождя. На самом деле оба эти мотива взаимно дополняют друг друга.

Обращает на себя внимание тот факт, что верхняя часть любого колокола исстари называлась *рюдзу*, что значит «голова

Щека Ю. В.

Огласовка показателя аориста в поэме Шеяда Хамзы «Юсуф и Зулейха»

Нерегулярность огласовки показателя аориста –г в древнетюркских памятниках считается причиной высокой «степени недостоверности» определения соответствующего показателя в пратюркском в связи с «вокалической природой» этого показателя [СИГТЯ, с. 388]. Как и в других памятниках староосманского языка, в поэме Шейада Хамзы «Юсуф и Зулейха» (XIII в., используемый список датируется XVI в.) в оформлении рассматриваемого аффикса наблюдается строгое соблюдение велярно-палатальной гармонии. Что же касается раствора и огубленности гласного, то они обнаруживают весьма широкую нерегулярную вариативность. Для задней гласной возможны следующие случаи. А) Отсутствие контраста других характеристик (в скобках указано число употреблений в памятнике): а) негубные: *akaŋ* ‘течет’ (14), *bakaŋ* ‘смотрит’ (19), *kaŋaŋ* ‘убегает’ (6), *yaŋaŋ* ‘пишет’ (3), *ŋaŋaŋ* ‘ударяет’ (2), *kaŋaŋ* ‘хватает, держит’ (2), *kaŋaŋ* ‘вбивает’ (1), *yaŋaŋ* ‘сжигает’ (3), б) губные: *duŋuŋ* ‘стоит’ (в функции аффикса скаазуемости) (102), *buluŋ* ‘находит’ (11), *vuŋuŋ* (3) и *uŋuŋ* ‘бьет’, ‘убивает’ (3), *buŋuŋuŋ* ‘изволит’ (12), *toŋuŋuŋ* и *doŋuŋuŋ* ‘насыщает’ (2), *oŋuŋuŋ* ‘сидит’ (27), *yaŋuŋuŋ* ‘кладет’ (2). Б) Контраст а) только раствором: *oluŋ* ‘является’, ‘становится’ (105), б) только огубленностью: (широкие) *soŋaŋ* ‘спрашивает’ (17), *koŋkaŋ* ‘боится’ (7), *koŋaŋ* ‘прогоняет’ (5), *boŋaŋ* ‘портит’ (2), (узкие) *kiŋuŋ* ‘делает’ (34), *saŋiŋuŋ* ‘воздерживается’ (2), *siŋiŋuŋ* ‘находит убежище’ (1), в) раствором и огубленностью: *vaŋuŋ* ‘достигает’ (40), *kaŋuŋ* ‘остается’ (10), *ŋiŋaŋuŋ* ‘вынимает’ (3), *yaŋaŋuŋ* ‘умоляет’ (12), *umaŋ* ‘надеется’ (16). Для передней гласной имеются такие же аналогичные случаи. А) Отсутствие контраста других характеристик: а) негубные: *ŋeŋeŋ* ‘тянет’ (7), *eŋeŋ* ‘дует’ (2), *geŋeŋ* ‘гуляет’ (4), *eŋeŋ* ‘сосет’ (2), *seŋeŋ* ‘любит’ (14), *beŋeŋeŋ* ‘походит’ (11), *iŋiŋdiŋ* ‘слышит’ (21), б) губные: *öŋdŋrŋr* ‘убивает’ (3), *biŋŋrŋr* ‘варит’ (2), *yeŋtŋrŋr* ‘теряет’ (2), *yeŋdŋrŋr* ‘кормит’ (1), *geŋyŋrŋr* ‘одевает’ (1). Б) Контраст а) только раствором: (оба негубные) *ideŋeŋ* ‘делает’ (118), *giŋideŋeŋ* ‘идет’ (27), *inleŋeŋ* ‘стонет’ (53), *giŋeŋeŋ* ‘входит’ (3), *yiŋeŋeŋ* ‘теряет-

ся' (3), *iner* 'спускается' (1), *biner* 'садится' (1), (оба губные) *gögür* 'видит' (28), *yötür* 'идет' (5), *ölür* 'умирает' (1), б) только огубленностью: (широкие) *söyler* 'говорит' (16), *döger* 'бьет' (3), *söger* 'ругает' (3) (узкие), *irişür* 'достигает' (5), в) раствором и огубленностью: *güler* 'смеется' (7), *güder* 'пасет' (2), *gelür* 'приходит' (79), *verür* 'дает' (20), *söylenür* 'ворчит' (3), *gizlenür* 'прячется' (1). Как и в языке орхонских памятников [Gabain 1950], наблюдаются различные огласовки при одинаковых формах: *süger* (12) – *sürür* (3) 'гнать', 'тащить'. Сказанное свидетельствует о первоначальном аморфном вероятностном брожении форм, которое в период упомянутых памятников уже в целом структурировалось по каждой глагольной основе с различиями по диалектам. Структурализация ряда гласного в виде закона небного притяжения сложилась еще при выделении пратюркского языка (ок. 7,6 тыс. л. назад), т. к. в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках этот закон в данном виде проявляется не полностью или отсутствует [ЯМ]. Небную гармонию нельзя считать «фонологически нерелевантной», т. к. она выражает связь показателя и основы, чрезвычайно важную при агглютинации нескольких аффиксов в словоформе. Язык поэмы «Юсуф и Зулейха» отражает процесс структурализации подъема и огубления, который сменяет брожение и заканчивается тем, что в современном турецком подъеме характеризует разделение аффиксов по двум основным типам. Структурализация огубления также, как и небное притяжение, не может считаться нерелевантным речевым наполнением, т. к. оно отдельно или вместе с подъемом выражает различия аффиксов по различным современным тюркским языкам: тур. *gögür* – шор. *köger* 'видит', тур. *alıg* – гаг. *alar* 'берет'. Живыми примерами как брожения, так и различных уровней структурализации рассматриваемых форм являются, в частности, современные турецкие диалекты, которые отражают помимо прочего еще даже и черты эпохи несформированности небного притяжения [Грунина 2010]

Принцип эволюционной первичности косвенных форм и фактическое отсутствие показателя времени в отрицательной форме 1-го и 2-го лица [СИГТЯ, с. 411] показывают, что аорист зародился в праалтайском и исходной была синкретичная форма отрицания. В пратюркском он структурировался в виде брожения форм на

Об огромной роли воображения и интуиции в науке говорили многие ученые, в частности, В. В. Вернадский, который много и плодотворно изучал восточную культуру, хотя и не был профессиональным востоковедом. Он полагал, что интуиция представляет собой основу величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся на строгую работу интеллекта и потому ученые должны усилить к ней «научное внимание». Многие востоковеды были людьми не только выдающегося интеллекта, но и яркой интуиции, позволяющей им выдвигать смелые гипотезы и делать серьезные открытия. Дореволюционные востоковеды приходили в науку как правило из дипломатической и военной сферы, где такие качества как интуиция, способность понимать полунамек и видеть мир как целое, были изначально востребованы. В советское время идеологический диктат и борьба с идеализмом и мистикой по существу вывели интуитивные способы познания за пределы научной деятельности и образовательного процесса. В дальнейшем это не могло не сказаться и на развитии теоретической востоковедческой мысли и на точности геополитических экспертиз, которые делали отечественные ученые.

3. Представляется, что сегодняшние образовательные технологии в области востоковедения должны быть дополнены различными методами, более активно использующими воображение и интуицию. К ним следует отнести применение наглядного иллюстративного материала (географические и этнографические карты, картограммы, картосхемы и картодиаграммы), демонстрируемого с помощью мультимедийных проекторов и стимулирующего пробуждение образной памяти и образного мышления. Большую роль играет умение преподавателя рассказывать лекционный материал таким образом, чтобы студенты ярко представляли все, о чем говорится. Л. Н. Гумилев считал, что без подобной продуктивной игры воображения будущий ученый не сможет постичь ни отечественную, ни восточную историю. Полезны также ролевые игры, диспуты, креативные дискуссии, активизирующие способность человека вчитываться, вдумываться и вчувствоваться в тексты, сложные восточные понятия и символы, эмпатически отождествляясь с ними и проникая в их глубину. При изучении восточных языков полезно также использование приема мысленной идентификации

Ключников С. Ю.

Место интуиции и воображения в процессе преподавания востоковедения

1. Большинство философов и культурологов сходятся в том, что восточная традиция в гораздо большей степени, нежели западная, основана на внерациональных, интуитивных способах познания мира и человека. Из этого положения совершенно естественно вытекает признание того, что и научное изучение восточной культуры и традиции, восточных языков и этнологии должно опираться не только на рациональную методологию, присущую западной ориенталистике, освоение которой предполагает включение интеллектуально-логических структур сознания, но и на использование всего богатого психологического потенциала человека, включая такие способы познания как интуиция и воображение. Однако западная ориенталистика исходит из того, что подлинная научность должна быть чисто объективистской, отстраненной от эмоций и внерациональных способов познания, которые вносят в изучение Востока ненужный субъективизм и размывают точное познание предмета, основанное на логике и фактах. В ряде западных центров изучения восточной культуры, в частности, в Колумбийском Университете (Нью-Йорк, США) считается, что если преподаватель какой-либо восточной традиции (например, буддизма) сам увлечен этим учением и преподает его эмоционально, пытаясь вовлечь студентов в данную духовную систему, его стиль преподавания не одобряется и считается «ненаучным», даже если духовные заслуги и авторитет этого человека в данной области неоспоримы.

2. Позволяет ли подобный отстраненный способ преподавания по-настоящему увлечь студентов, обучающихся на восточных факультетах и достаточен ли он для постижения глубины той духовной традиции, которая лежит в основе конкретной востоковедческой дисциплины, избранной студентами? Думается, что одной лишь рациональной методологии, апеллирующей исключительно к интеллектуальному пониманию и запоминанию фактов недостаточно.

–а/-у/-и и ()г, фрагмента дальнейшего структурирования которых мы коснулись в данном сообщении. Представления о тензорах и глаголе ег [СИГТЯ, сс. 408 – 409] имеют определенный смысл, но они должны быть кардинально пересмотрены и уточнены, поскольку в пратюркском современных точно-стабильных звуков не существовало, а в праалтайском глагол мог стать самим собой только после формирования глагольного (в том числе и временно-го) словоизменения, т. е. включая тот же аорист.

Порхомовский М. В.

Апеллятивизация в турецком языке

В лингвистической литературе последних лет прослеживается интерес к исследованию возможностей перехода имен собственных (онимов) в имена нарицательные (апеллятивы). В отечественном языкознании эта тема наиболее подробно рассмотрена на материале русского и немецкого языков.

Апеллятивизация в турецком языке распространена достаточно широко. Апеллятивы могут образовываться от антропонимов, т. е. собственных имен человека, в том числе личных имен, фамилий, прозвищ, псевдонимов; от названий учреждений, предприятий и организаций и т. д.

В современном турецком языке не наблюдается существенного количества апеллятивов, образованных от антропонимов. Основным источником для появления апеллятивов являются названия торговых марок, причем как иностранных, так и турецких. При этом в случае образования апеллятива от названия иностранной торговой марки в подавляющем большинстве случаев продукты или изделия под этой маркой были первыми среди аналогичных товаров, вышедших на турецкий рынок, например:

Торговая марка кофе «Nescafe» стала общей для наименования быстрорастворимого кофе;

Торговая марка обуви «Converse» стала общей для наименования кед;

Торговая марка «Corn Flakes» стала общей для наименования кукурузных хлопьев;

Торговая марка «Pampers» стала общей для наименования подгузников;

Торговая марка «Uhu» стала общей для наименования жидкого клея и т. д.

Основной причиной образования апеллятива от названия турецкой марки служит, в основном, ее бóльшая по сравнению с другими аналогичными продуктами или изделиями известность среди турецких потребителей, например:

Торговая марка «Selpak» стала общей для наименования бумажных носовых платков;

Торговая марка «Orkid» стала общей для наименования женских гигиенических прокладок;

Слово «Bankamatik», придуманное в 1982 г. для наименования банкомата банком «Иш Банкасы, который первым в Турции установил банкомат, распространилось со временем на все банкоматы, и т. д.

Интересно отметить и то, что некоторые компании-владельцы брендов пытаются расширить восприятие потребителями значения апеллятива на всю производимую ими продукцию. Так, например, холдинг «Эдзаджыбаши», выпускающий помимо бумажных носовых платков под маркой «Selpak» и другую бумажную гигиеническую продукцию, запустил в прошлом году рекламную кампанию с этой целью.

Панина Е. В.

Тексты СМИ на хинди как источник пополнения лексического запаса

Чтение публицистических текстов, журнальных и газетных статей – необходимая составная часть языкового обучения. Каким требованиям должны удовлетворять тексты СМИ на хинди, чтобы лексический запас, пополняемый посредством таких текстов, был востребованным и полезным для изучающих хинди?

В настоящее время ситуация такова, что язык многих журналов и газет на хинди характеризуется обилием английской лекси-

даже держать в руках оружие и терпеть поражения, теряя солдат и генералов...»

В целом, Филифе Бинь – человек дела, интеллигентная творческая личность, сознающая своё общественное призвание. Очевидец внутренних войн, смуты, крушения и восстановления государственных устоев во Вьетнаме, оказавшись, наконец, в эмиграции, он нашёл в себе достаточно сил, чтобы подняться над будничной конъюнктурой во имя реализации долгосрочной программы: отразить свой силою обстоятельств расширившийся жизненный кругозор в новых, предназначенных для потомков-соотечественников, вьетнамских текстах на латинице.

Цитируемые нами автографы Филифе Биня свидетельствуют о сложившейся культуре текста рукописной книги на базе латинского алфавита во Вьетнаме в рассматриваемый период. Строго соблюдаются абзацы, пагинация, обязательны рамочные поля с колонтитулом и переносом на следующую страницу. Графическая техника и эстетика «нового письма» с его горизонтальной строкой принципиально противоположны ливнеобразно струящемуся сверху вниз («Записки во время дождя!») иероглифическому тексту.

Питаемые многовековой традицией очерковой литературы дальневосточного региона (мы имеем в виду так называемые китайские бицзы, вьетнамские «бутки»), «Записки» Ф. Биня в некотором смысле созвучны и карамзинским «Письмам русского путешественника» по части новаторства. Кстати сказать, Ф. Биню не чужда и собственно историческая тематика, поскольку его перу принадлежит рукописный двухтомник, посвященный истории Вьетнамского государства.

«Записки» являются *беспрецедентным для своего времени образцом мемуарного жанра*, отражают живой разговорный язык эпохи. Их автор обладает лингвистическим и историческим чутьём, отточенным стилем, высокой степенью грамотности и готовности воспринимать и адекватно оценивать положительные моменты западной цивилизации, оставаясь при этом в рамках своих этнокультурных приоритетов.

Ремарчук В. В.

О «Русском походе 1812 года» императора Наполеона в «Записках о разном» вьетнамского современника (культурологический аспект)

«Записки о разном» вьетнамского католического священника отца Филифе Биня (1759 г.р.) представляют собой принципиально новые вьетнамские тексты на латинском алфавите, стилистически не характерные для традиционного иероглифического письма. Подчёркнуто бытовой стиль Ф. Биня резко контрастирует с образцами «ханванской» и номовской литературы.

В качестве примера приведём интересный во всех отношениях сюжет о походе Наполеона на Россию в 1812 году, исполненный нескрываемой симпатии автора к нашему отечеству:

«...Когда Бонапарт был отлучён от церкви и лишился всего, обуреваемый жадностью, он устремился на Россию и искал путей известить императора Александра, чтобы захватить его страну: он написал к его чиновникам, требуя, чтобы они убили своего царя в обмен на миллион рублей серебром, и обещая им высокие должности. Это послание было отправлено через Бернадота – французского генерала и одновременно короля в соседней с Россией Швеции, однако тот король предпочёл русского императора французу и немедля передал злополучное письмо Александру, а чиновники не только не смогли повредить своему государю, но и подверглись наказанию. Тогда французский император решил выступить в поход, поддерживаемый другими королями – своими родственниками, и европейскими армиями, но когда пришёл в Россию, то царь избегал сражения, всё время отступая, так что французы заняли столицу и много областей, они даже подумывали достичь Дай Миня (Китай – *Ремарчук В. В.*), отправляли домой известия, что уже дошли туда-то, заняли такую-то местность. Русские симулировали страх перед решительными действиями, но на самом деле они тянули до зимнего времени, когда наступят нестерпимые для европейцев холода, и они не ошиблись, потому что с приходом зимы они уже сами давали сражения, и кого хотели – уничтожали..., кого хотели – брали в плен, ибо противник был не в состоянии

ки, которая становится в некотором роде препятствием на пути создания верного представления о богатстве хинди, обладающего развитой синонимией и возможностью вводить в речь слова собственно хинди, лексику санскритского или арабско-персидского происхождения. С другой стороны, превалирование в текстах политической или социальной тематики сложных санскритских новообразований не отражает реальной языковой ситуации, а является, скорее, искусственным образованием. В то же время студенты, изучающие язык, не удовлетворяются английской лексикой, наличествующей в текстах, и стараются либо не использовать предложения с соответствующими словами вовсе, либо искать в словарях какие-либо возможные синонимы. В такой ситуации в целях наилучшего освоения языкового материала оптимальным явился бы способ, связанный со знакомством и изучением «параллельных» контекстов, в которых употребляется слово и его синонимы различного происхождения: наряду со списком арабско-персидских и санскритских синонимов необходимо представить реальные контексты использования новоприведённых слов. Только таким образом тексты на хинди, где количество английской лексики велико, не станут бесполезно прочитанными и послужат обогащению лексического запаса студентов.

Никишина И.Ю.

Особенности вербализации концепта *anger* в современной художественной литературе на английском языке

Разные культурно-языковые социумы характеризуются разными способами отражения реальности в понятиях и в словесном выражении. Вербализованные и лексикализованные эмоциональные концепты представляют собой этнически и культурно обусловленные образования, которые базируются на понятийной основе. **Anger** является одним из ключевых концептов англоязычной культуры на основании его общеупотребительности, использования в сфере эмоций и области моральных суждений.

Как доказывает исследуемый материал, **anger** находится в центре фразеологического семейства, часто встречается в пословицах и афоризмах, названиях книг, фольклоре и художественной литературе.

Характерная для представителей английской лингвокультуры эмоциональная сдержанность делает эмоцию гнева скрытой, периферийной. В то же время эмоция гнева в английской лингвокультуре тесно связана с идеями наказания (возмездия) и восстановления попорченной справедливости. Гнев понимается как средство восстановить порядок, нарушенный в результате негативного поведения субъекта или негативных событий и явлений. В английской лингвокультуре концепт **anger** тесно связан с концептом справедливости, что доказывается на материале художественной литературы.

Концепт **anger** представлен достаточно большим количеством лексем. Однако все словари без исключения фиксируют слово «*anger*» в качестве наиболее общего по значению среди обширного ряда синонимов. Подтверждением этого тезиса являются данные словарей, представляющих лексическое поле гнева.

В тезаурусе Roget's, который является известным английским культуроведческим словарём с устоявшейся репутацией, понятию «*anger*» даётся очень широкое толкование. В круг семантического поля *anger* включается много различных слов и словосочетаний, при помощи которых, по мнению автора, выражается это чувство в языке. Всего в словаре приводится около трёхсот слов и выражений.

Однако при анализе произведений художественной литературы, такое разнообразие данных не выявляется. Наиболее частотными обозначениями концепта *anger*, которые определяются на основе анализа материала, являются слова *anger*, *fury*, *indignation*, *rage* и такие выражения, как *in a fury*, *lose one's temper*, *lose control*, *get angry* и немногие другие. Все эти выражения встречаются в исследуемом материале достаточно часто.

В метафорических лексикализациях концепта **anger** особенно важным является сравнение гнева с огнем, опасным животным и его агрессивным поведением, жидкостью, с которой происходят различные процессы, и сумасшествием.

Иное понимание проблемы у Запада. Уходящее корнями в античность (в Европе этика со времен Аристотеля расценивалась как «предмет» о человеке) оно сводит нравственную сферу исключительно к межличностному общению, игнорируя природу как субъекта нравственного действия. Так Запад «отлучил» человека от Природы, и даже противопоставил их между собою. По этому поводу А. Швейцер писал, что «западная культура не имеет достаточного этического характера» и занята «отношением к людям, вместо того, чтобы иметь предметом отношения ко всему сущему».

3. Восток, осознавая ценность своей культуры (связанной не в последнюю очередь с ее экологичностью), всячески оберегал ее самобытность.

Неслучайно Е. И. Зеленев – один из авторов монографии «Введение в Востоковедение» отмечает, что в современном Китае европейское востоковедение подвергнуто критике за субъективизм и сохранение атавизмов колониальной эпохи. Но при этом признается, что зарубежное китаеведение стало важной составляющей китаеведения собственно в Китае. Китайскими интеллектуалами делается попытка и более широко противопоставить ориентализму национальную науку, чтобы строить методологию востоковедения, прежде всего, с учетом своего наследия. Еще в XIX веке, когда западные державы вторглись в Среднюю империю, китайские власти, защищая свою экологическую культуру, провозгласили лозунг: «Китайское учение – основа (вертикаль духа), а западное учение – для практических целей». Суть этой стратегии – избирательно использовать достижения чужеземных учений, среди которых числилось и западное востоковедение.

Итак, Востоку присущ синтез, объединяющий все резонансно звучащие понятия в одно единое экологическое целое. Восточная культура понимается как тип культуры, некогда присущий большинству народов мира. Восток с его приверженностью традиции сохранил и культивировал древнюю мудрость жизни. Вместе с тем, очевидно, что на новом витке эволюции вновь необходим синтез экологического наследия всех народов мира, здесь не обойтись без уяснения характера традиционной культуры Востока с позиций научных достижений сегодняшнего дня.

вать, что научный (западный) аппарат не работает применительно к Востоку и к востоковедному знанию, что «Запад не понимает Востока». Но причину этого феномена они не объясняют. Она же, на наш взгляд, кроется в том, что Запад и Восток выступают антиподами по экологическим параметрам. Восток полагает главной ценностью жизнь, Запад – создатель техногенной цивилизации – рассматривает природу как объект своих все возрастающих потребительских притязаний.

Это хорошо прослеживается даже в сфере живописного искусства при сопоставлении европейского натюрморта («мертвой натуры») с тематикой китайских свитков, прославляющих (как и вся восточная культура) жизнь как главную ценность. Интересно, что по мнению специалистов, западная живопись – это «живопись глаза, китайская живопись – это живопись идеи». Здесь очень ярко представлена оппозиция материи и духа, внешнего и внутреннего, которые снова нуждаются в воссоединении в одно целое.

2. Игнорирование петербуржцами экологичного характера культуры Востока нашло свое выражение в их трактовке такого понятия как этика, духовность.

Рассматривая историю простой крестьянской девушки Ян Цзинь-чжэнь (героини китайской новеллы VIII–IX вв.), авторы монографии обнаруживают противоречие в том, что она обрела бессмертие, как им кажется, не за высокие моральные качества, а за то, что вела простую и естественную жизнь, не предавалась праздности и жила в согласии с установлениями Неба. Иными словами, здесь противопоставляются, как несовместимые этическое (моральные качества) и природное начала, в то время как в восточной культуре это понятия одного рода. Трактовка этики на Востоке строится на иной, чем на Западе традиции. Носителями мудрости здесь выступали мудрецы Востока, обладавшие даром вступать в субъект-субъектные отношения с природой. Воспринимая, в силу своего совершенства, еще непроявленные вибрации Космоса, они осознавали природный ритм как всеобщий закон жизни. И по этой программе осуществляли устройство всего живого. Совершенномудрые читали книгу природы, выявляя в ней гармонию внешнего и внутреннего, получая при этом животворное знание, неотъемлемое от этики.

Как показывает анализ материала, все примеры, в которых использованы слова, относящиеся к концепту *anger*, можно разделить на три группы. Первая группа – это непосредственное выражение гнева, проявляющееся в речи самого героя. Вторая – описание авторами состояния героя, когда он испытывает гнев по отношению к лицам, которые с ним общаются, событиям, которые с ним происходят, и ситуациям, в которых он оказывается. Третья группа – это слова и сочетания слов, которые по своему семантическому значению могут и не относиться к концепту *anger*, но благодаря контексту получают такое значение, которое позволяет включить их в состав выражения данного концепта.

Эмоциональный концепт *anger* отражает особенности концептосферы английской лингвокультуры. Лексикализация и вербализация концепта *anger* в английском языке определяется спецификой языкового сознания личности как носителя и проводника культурно-языковых, коммуникативных и поведенческих реакций, ценностей, знаний, установок, традиций и возможностей.

Басова С. В.

Образы исламистов в романах Халеда Хоссейни «Бегущий за ветром» и Джона Апдайка «Террорист»

В конце романа американского писателя афганского происхождения Халеда Хоссейни «Бегущий за ветром», опубликованного в 2003 году и ставшего бестселлером не только в США, но и во многих странах мира, его главный герой приходит к вере, когда в минуту сильного душевного потрясения он просит прощения у Бога за то что обращается к нему только в этот драматический момент своей жизни, что, считаясь мусульманином, он более 15 лет не молился, и обещает впредь совершать намаз, выплачивать закят, поститься во время Рамадана и отправиться в паломничество в Мекку «в обмен» на исполнение одного желания – сохранения жизни мальчика, который ему дорог. Он называет коридор больницы – этот коридор отчаяния, истинным домом Бога, местом, где потерявшие веру находят её. Его желание исполняется и впоследствии он неукоснительно выполняет свои обеты.

Роман известного американского писателя Джона Апдайка «Террорист», напротив, заканчивается словами его главного героя Ахмада, сказанными в момент, когда он осознаёт, что его мечта – отдать свою жизнь Богу не осуществится, и обращёнными к американцам: «Дьяволы, вы украли у меня моего Бога». Однако между этими двумя произведениями прослеживается определенное сходство – противопоставление образа простого глубоко верующего человека образам политиков и бизнесменов от религии.

В романе Халеда Хоссейни образ Амира, пришедшего к вере через страх, боль, страдание и раскаяние, противопоставлен образу одного из деятелей движения Талибан Ассефа – жестокого социопата, с детства помешанного на идеях фашизма, который, будучи наполовину немцем, исповедует идею превосходства Пуштунов над другими народностями, населяющими Афганистан и использует законы Шариата для осуществления своих садистских желаний и помыслов.

Герой романа «Террорист» – сын американки ирландского происхождения и студента из Египта. Он готов посвятить свою жизнь Богу и даже отдать её за него. Для Ахмада Бог – ближе чем брат, он всегда рядом с ним, как сиамский близнец, он – невидимый компаньон, к которому всегда можно обратиться за помощью с молитвой, но Ахмад замечает фальшь и маловерие в голосе своего учителя – имама Шейха Рашида, когда тот трактует Коран в удобном для себя свете, и страх в его глазах, когда накануне предполагаемого теракта он, сбрав бороду, трусливо оставляет Ахмада один на один с заданием, не сказав ему о том, что один из предполагаемых организаторов теракта убит, и события могут приобрести неожиданный оборот.

Герой романа «Бегущий за ветром» – Амир теряет покой и сон и готов погибнуть, чтобы искупить грех, совершённый в далёком детстве. Герой романа «Террорист» – Ахмад отказывается от своей мечты оказаться незамедлительно в раю рядом с Богом, которого он так любит ради строящих ему рожицы чернокожих детей, сидящих в машине напротив. «Бегущий за ветром» и «Террорист» – романы очень разных по происхождению, духу и стилю писателей, но в центре их обоих находится образ истинно верующего человека, для которого Бог – прежде всего совесть.

Экология культуры Востока

Латина З. Г.

Экологические истоки востоковедения будущего

Природа весьма проста.
Что этому противоречит,
то должно быть отвергнуто.

М. Ломоносов

1. Эту Великую «простоту» мы находим в аксиоме восточной мудрости о гармоничном единстве человека и природы. Нет сомнения, что доминанта экологичности должна определять и характер Российского востоковедения.

В условиях безответственного насилия человека над собственной и окружающей природой, свойственного современной цивилизации, когда сама жизнь оказалась на грани катастрофы, нельзя игнорировать экологичный потенциал культуры Востока. Эта мудрость, направленная на гармонию, принципиально отлична от современного предметного знания, способствующего разъединению человека и природы.

Авторы монографии «Введение в Востоковедение» (СПб, 2011), посвященной обзору востоковедения как особой научной дисциплины, уделяют большое внимание выявлению разности мировоззрения Запада и Востока в современную эпоху. Свой анализ они строят на западных понятиях (система которых сложилась на протяжении XVII–XIX вв.) и часто вынуждены констатиро-

XIX в. были греки-«святогробцы», проигравшие конкуренцию в Иерусалиме. Антиохийское патриаршество представлялось менее престижным, чем монашество в Иерусалиме. Безбедным своим существованием они были обязаны не личным качествам, а статусу главных святынь христианского мира, которым служили. Святые места стали объектом бесконтрольной эксплуатации епитропов (сумма годового дохода скевофилакса храма Святого Гроба Господня составляла 700000 фр. в год). Греческие митрополиты – выходцы из монастыря Св. Гроба Господня – представляли замкнутую корпорацию, далекую от нужд своей малочисленной паствы.

Место у Св. Гроба, обладание святынями в Иерусалиме определяло статус и престиж державы-покровительницы той или иной конфессии (борьба католиков и православных за «ключи Вифлеемского храма» середине XIX в. стала поводом к Крымской войне). Союзниками России в Иерусалиме выступали «святогробские» греки, сражавшиеся за каждый сантиметр «святой земли», а взамен получавшие щедрую денежную помощь из России и консульскую защиту на месте.

В к. XIX в. борьба между Великими державами в Турции развернулась на экономическом фронте, за создание социальной базы для своего влияния. Основными инструментами для этого стали школы протестантских миссионеров и католическая пропаганда, жертвами которых становились православные Антиохии. Главными центрами проникновения стали ориентированные на внешнюю торговлю Мерсина, Триполи, Бейрут.

Проигрывавшая экономическое соревнование странам Европы за рынки Ближнего Востока, Россия могла противопоставить лишь «консервативную» политику сохранения массы православного населения Антиохийского патриархата, которое приобрело значение решающего фактора для влияния в регионе. Основным ресурсом для этого стали школы Императорского Православного Палестинского Общества, а также духовная и материальная поддержка арабского духовенства, вплоть до избрания патриарха-араба Мелетия (Думани). Иерусалим, не имевший значительной паствы, такой роли для России не играл: активность русской политики в к. XIX в. смещается в Антиохийский патриархат.

Быкова С. А.

Загадка диалектального сходства северо-востока Хонсю и юга Японского архипелага

В современной Японии, где давно уже сложился стандартный язык и функционирует «общий язык», основанный на нормах стандартного языка и в то же время отличающийся от него, наряду с этими языками с давних времен существуют различные диалекты.

Некоторые из этих диалектов отмирают или трансформируются, но многие оказываются вполне жизнеспособными даже в условиях повсеместного распространения стандартного языка и высочайшего уровня развития СМИ, употребляясь в неформальной обстановке.

Описывая диалекты японского языка, исследователи обычно указывают на значительные расхождения между западными и восточными диалектами, которое ярко проявляется на протяжении всего исторического периода развития японского общества, функционирование диалектов Кюсю как особой подсистемы, когда-то «отпочковавшейся» от западной ветви диалектов, и, наконец, существование языка архипелага Рюкю, который обладает слишком большими отличиями от японского языка и его диалектов, чтобы рассматриваться как диалект, хотя ряд исследователей и придерживается такой точки зрения. Внимание диалектологов привлекает необъяснимое с точки зрения современной науки о диалектах сходство в фонетической, лексической и грамматической системах весьма отдаленных друг от друга районах Японии – Тохоку и Кюсю, Тохоку и Рюкю. При этом в современной японской диалектологии практически не предпринимаются попытки разъяснить эту загадочную и неожиданную общность, что, вероятно, объясняется сложностью нахождения научного обоснования подобному явлению.

Прежде всего оказываются сходными и в то же время необъяснимыми с точки зрения современной диалектологии лексические и фонетические особенности диалектов этих районов.

Действительно, действием какого лингвистического фактора можно объяснить, например, то, что в Тохоку, на северо-востоке

Хонсю, главного острова Японского архипелага, и на южном острове Кюсю употребляется одно и то же слово *акэсу* для обозначения стрекозы, зафиксированное еще в «Нихонсёки», в Тохоку, на островах Кюсю и Окинава – слово *одороку* в значении «проснуться» (в стандартном языке имеет значение «удивиться»), в северной части Тохоку, на Окинаве и островах Хатидзёсима – слово *ао* в значении «желтый»? Каковы причины сохранения в Тохоку и на островах Рюкю среднеязычного гласного звука, близкого к русскому звуку «ы», или функционирования звука «п» в позиции в начале тех слов стандартного языка, где зафиксирован звук «ф»? Более того, пусть и с меньшей частотностью, но тем не менее отмечаются общие грамматические особенности указанных диалектов. Так, на Кюсю и в районе Тохоку употребляется одинаковый формант *са* (*сан*) в качестве показателя падежа направления, сходны отрицательные формы глаголов. Представляется, что все эти совпадения носящие зачастую регулярный характер, не могут быть случайными. Возможно, в поисках разгадки подобного феномена следует обратиться к «теории концентрической диалектальной сферы» выдающегося японского ученого Янагита Кунио, основоположника японской диалектологии. Суть теории, изложенной в работе «Кагю: ко:» («Мысли об улитке»), состоит в том, что в ходе исторического развития в Японии возникали новые центры культуры, а в них – новые слова, которые постепенно вытесняли старые, существовавшие ранее в других центрах культуры. Новые слова вытесняли старые, последние разбегались от новых центров культуры кругами, проявляя центробежную тенденцию. При неоднократном повторении этого явления постепенно образовались слои лексики, очерченные замкнутыми кривыми (изоглоссами) и расходящиеся все дальше от культурных центров. Следовательно, чем дальше от центра находится замкнутая кривая, тем древнее слой лексики. Именно этим Янагита Кунио объяснял сходство лексики разделенных значительными расстояниями районов Японии, например, Тохоку и Кюсю. Впоследствии «теория концентрической диалектальной сферы» подвергалась критике, так как ее создатель исследовал лишь лексический материал, не привлекая фонетические и граммати-

время греческого восстания и 1830–1838 гг. – после греческого восстания.

Прибывший в 1839 г. из Константинопольской миссии в Яффу (на место скончавшегося в 1838 г. Мостраса) новый консул К.М. Базили (1839–1853 гг.) продолжил линию на укрепление русского духовного и консульского присутствия на Святой Земле.

Копоть Е. М.

Антиохия или Иерусалим: проблема русского присутствия на православном Востоке

Историки русского присутствия на православном Востоке по-разному очерчивали границы этого взаимодействия. Часто употребляющиеся определения «библейский регион», «Святая Земля и Ближний Восток» (Н.Н. Лисовой), Машрик, Билад аш-Шам, «сиро-палестинские провинции» (М.И. Якушев), «Сирия и Палестина» (Д. Хопвуд), «православные Леванта», «православие на Арабском Востоке» (К.А. Панченко) делали акцент на обобщении характеристик региона по одному из признаков. Соответствующая логика вела к представлению о единстве политики России на данном направлении. Анализ характеристик субъектов взаимодействия – Антиохийского и Иерусалимского патриархатов – показывает невозможность единого подхода к столь разнородным патриархатам.

Паства Антиохийского патриархата (более 200 тыс. человек, по данным Ф. Хитти, и около 300 тыс. в оценке русского Генерального консула в Бейруте), располагавшегося главным образом на территории Аданского, Халебского, Бейрутского и Сирийского вилайетов, более чем в десять раз превосходила православных «независимого санджака» Иерусалима (Кудс-и Шериф санджак). Вместе с вакуфами, население составляло главный источник доходов клира, представленного арабским большинством (за исключением Киликийской епархии в Аданском вилайете). Поэтому местные общины играли значительную роль при выборе митрополита, постоянно проживавшего в своей епархии и находившегося с ней в тесной связи. Антиохийскими патриархами в сер. – к.

их прав и интересов занимался итальянский консул, служивший в Яффе, который помимо своих прямых обязанностей, «управлял и Российско-Консульскими делами». Так, например, в 1797–1798 гг. управляющим делами российского консульства в Яффе был итальянский консул Пьетро Дамиани.

Прибывший в 1816 г. в Царьград чрезвычайным посланником и полномочным министром при Порте Оттоманской тайный советник барон Г.А. Строганов (1816–1821 гг.) первым из российских посланников в Константинополе обратил внимание вице-канцлера К.В. Нессельроде (1816–1856 гг.) на проблемы, связанные с паломничеством к святым местам.

Для учреждения российского вице-консульства в Яффе Г.А. Строганов командировал в Палестину первую консульскую экспедицию во главе с государственным советником Константинопольской миссии Д.В. Дашковым.

1/13 января 1820 г. император Александр I подписал указ об учреждении в Яффе вице-консульского поста во главе с находящимся при российской Константинопольской миссии актуариусом Г.И. Мостраса (1820–1838 гг.), который сопровождал в первой консульской миссии Д.В. Дашкова. Именно Дашков стал автором инструкций Мострасу, в которых говорилось о размещении вице-консула в Яффе, его полномочиях и прерогативах.

Российский вице-консул в Яффе Мострас состоял в переписке со своим коллегой вице-консулом в Акре Антуаном Катафаго (1818–1834 гг.), управлявшим делами российского консульства в Акре с 1814 г.

В Яффе Георгий Мострас нанял на службу внештатных консульских агентов. Функции драгоманов стали выполнять Франсуа Ванин, Николай Марабути и Франческо Дамиани, а секретарем был назначен Андрей Булгари.

Таким образом, российская миссия в Константинополе, возглавляемая Г.А. Строгановым, и вице-консульство в Яффе во главе с Г.И. Мострасом стали играть важную роль в организации института русского паломничества в Османской империи. Первый этап деятельности российского консульского представительства в Яффе можно условно разделить на три периода: 1820–1821 гг. – до греческого восстания, 1821–1829 гг. – во

ческие факторы. Кроме того, сами по себе исследования лексики были умышленно ограничены лишь наименованиями улитки как представителя фауны, распространенного по всей стране. Однако ни современники ученого, ни более поздние поколения диалектологов не могли, да и не пытались доказать или, напротив, опровергнуть эту оригинальную концепцию.

Возможно, привлечение принципов, предложенных Янагита, для анализа сходства ряда фонетических и грамматических особенностей диалектов северо-востока и юга Японии в дополнение к расширенному в сравнении с эпохой написания вышеприведенной работы лексическому анализу окажется плодотворным с точки зрения разъяснения загадочной общности этих диалектов.

Крнета Н.

О различиях в мужской и женской речи в японском языке в жанре телевизионного интервью

Различия в подсистемах мужской и женской речи проявляются, в основном, в устной речи. Наиболее заметны эти различия в повседневном обиходном разговоре. В формальных ситуациях участники речевого акта стремятся использовать стандартный японский язык, в котором почти не наблюдается различий между упомянутыми подсистемами. Интервью как жанр устной речи сочетает в себе особенности спонтанной повседневной беседы людей, которые в некоторых случаях могут быть хорошо знакомы друг с другом, а с другой стороны является ситуацией высокоформализованной. Отсюда возникают определенные особенности разговорной речи в жанре интервью.

В самом жанре интервью возникают языковые различия в зависимости от содержания и природы интервью. В данном случае мы рассматривали серию интервью, которые отличались дружественной атмосферой.

Если говорить о лексических различиях, нужно отметить использование различных личных местоимений первого лица. Женщины использовали «ватаси» и «ватакси», а также более разговорный вариант «атаси». Мужчины использовали преимуще-

ственно «боку», и в несколько случаев «ватаси». Этот результат еще раз подтверждает то, что мужчины используют «ватакуси» исключительно в высоко формальных ситуациях, а интервью им как таковая не рассматривается. У мужчин также отмечается отсутствие более разговорного и просторечного местоимения «орэ». Мужчины пожилого возраста использовали некоторые «мужские» (т. е. более грубые слова), такие как «мэси» (рис; еда), «куу» (грубо «есть»), «хара» (живот). Женщины использовали исключительно нейтральные или даже вежливые слова, некоторые с добавлением вежливых префиксов *о* и *зо*. Например, «гохан» (рис; еда), «осё: суй» (теплая вода), «онака» (живот).

Что касается уровня вежливости то наиболее почтительные и скромные формы использовались в том случае, если ведущая и гость не были ранее знакомы а гость старше ведущей. Особенно высокий уровень вежливости использовался обеими сторонами, если гость была ранее незнакомая женщина старшего возраста. Таким образом, можно отметить, что, все-таки, более высокий общий уровень вежливости наблюдался в речи старших женщин. Ведущая в почти трети случаев в беседе с молодыми собеседницами по собственной инициативе переключалась на более низкий уровень вежливости. С гостями-мужчинами и старшими женщинами она переключала стиль только в том случае если подобное переключение стиля происходило у собеседника.

В интервью, так же как и в повседневной беседе, участники беседы прерывают друг друга. Подобное прерывание принято рассматривать как показатель агрессивного стиля, желания перехватить инициативу и контроль над беседой, показать, что данное лицо обладает преимуществом в данной ситуации. В опровержение этого утверждения при анализе японских интервью выяснилось, что наиболее часто молодые женщины – гости прерывали ведущую. Большинство прерываний носило уточняющий характер, т. е. представляло дополнительную или уточняющую информацию, или подтверждало сказанное собеседником. В этом случае можно утверждать, что данные прерывания были направлены на облегчение понимания и протекания беседы. Такую же роль выполняло и обилие *айдзутти* (сигналов обратной связи) и незаконченных предложений, окончить которых негласно предлагалось собеседнику.

обратить внимание на проблему русских паломников, которая не раз становилась предметом обсуждений представителей Порты с российскими дипломатами.

Маршрут российских поклонников, предпринимающих путешествие на Святую Землю, включал в себя несколько пунктов на территории Российской империи, последним из которых была Одесса, где в канцелярии градоначальника они получали пакет паломнических документов: «свидетельство о добропорядочном поведении», «проходной билет» на поездку в Иерусалим и паспорт подданного Российской империи. Получив вышеперечисленные документы, богомольцы отправлялись на парусных судах в Константинополь, который был первой и главной остановкой во время путешествия по Османской империи и служил перевалочным пунктом основного паломнического маршрута к святым местам.

Прибыв в Царьград, русские паломники различных вероисповеданий (христиане, мусульмане и иудеи) направлялись в российскую дипломатическую миссию, при которой действовала коммерческая канцелярия, в функции которой, в частности, входило ежегодное составление списков прибывших в Константинополь богомольцев, следовавших на Афон, Синай, в Иерусалим, Мекку и Медину.

В коммерческой канцелярии паломники получали определенное денежное пособие на путешествие, «именной указ» (*фирман*) и заграничный «поклоннический паспорт» на итальянском, а позднее на русском языке, дававшие им право следовать далее по территории Османской империи на поклонение святым местам. Кроме того, коммерческая канцелярия выдавала им деньги на проживание в Константинополе и на наем судов до Яффы и других портов Восточного Средиземноморья.

Главным пунктом назначения для российских богомольцев был морской порт в Яффе, откуда караваны с ними следовали по основному паломническому маршруту через перевалочный пункт в Рамле в Иерусалим. Из дипломатических документов и записок русских путешественников конца XVIII – начала XIX в. явствует, что до 1820 г. в Яффе Россия не имела своего консульства, занимавшегося нуждами поклонников из России. Защитой

жала принимать самое активное участие в военном деле в Грузии. Со стороны духовенства это выражалось в укреплении боевого духа в войсках, в руководстве войсками, а также в непосредственном участии в сражениях с оружием в руках. Церковные *кма* в основном были военнообязанными. В Восточной Грузии церковные крестьяне, как правило, от воинской повинности не освобождались. А в Западной Грузии военнообязанными были порядка 1/3 церковных *кма*.

Все вышеуказанные аспекты отношения Церкви к военному делу, кроме того, привлечение кахетинских епископов к командованию войсками, а также существование войск у Мцхетского и Западногрузинского католикосатов указывают на деятельное участие Грузинской Православной Церкви в общественно-политической жизни страны. Многоплановое участие Церкви в военной жизни Грузии было обусловлено непростым внешнеполитическим положением страны исследуемого периода: постоянной угрозой военного вторжения со стороны Османской империи, Сефевидского Ирана и Северного Кавказа.

Якушев М.М.

Российская миссия в Константинополе и русские паломники в начале XIX в.

В 1774 г. между Россией и Османской империей был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор, в котором, в частности, прописывались права российских подданных, совершавших паломничество и просто путешествующих по территории Османского государства. Османское правительство обязывалось обеспечивать религиозные свободы российских богомольцев в пределах Османской империи и подтверждало право русских паломников на свободное и беспрепятственное посещение святых мест без уплаты сборов и пошлин.

Государственная политика России по содействию паломничеству на Ближний Восток начинает активизироваться в начале XIX в. после подписания Бухарестского мирного договора 1812 г. и Венского конгресса 1815 г., когда российский двор был вынужден

Румак Н.Г.

Ономатопозитические слова как семантический компонент значения глаголов вращения

Ономатопозитические единицы японского языка, передавая звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывая действия и состояния предметов, как правило, содержат несколько компонентов значения – как лексические, так и грамматические (последние обычно выражены структурой единицы).

Эти единицы могут сужать лексическое значение глагола (например, *наку* – «издавать звуки», *варау* – «смеяться»), внося дополнительный семантический элемент: *тю: тю: наку* – пищать (*о мыши*), *бю: бю: наку* – петь (*о флейте*), *уо:н (то) наку* – выть (*напр., о собаке*), *пи:тику наку* – чирикать (*о птичке*); *гэрагэра варау* – хохотать, *хэрахэра варау* – смущённо хихикать, *ниания варау* – ухмыляться, *кусукусу варау* – тихонько хихикать.

Кроме этого, ономатопозитические единицы могут дополнять основное значение глагола, внося такие семы, как интенсивность, однократность, повторяемость (в том числе, благодаря своей структуре), наличие или отсутствие звука (например, путём фонематического противопоставления) и т.п. При этом подобные ономатопозитические единицы, в зависимости от своего «основного» значения, употребляются лишь с конкретными глаголами, и, таким образом, не могут быть отнесены к сочетающимся с большим количеством различных глаголов «универсальным» наречиям со значениями «очень», «значительно», «весьма» и т.п.

Например, следующие единицы сочетаются с глаголами, обозначающими вращение: *гуригури*, *курукуру*, *гуругуру*, *корокоро*, *горогоро*, *бюмбюн*, *бурумбурун*, *бумбун*. Можно отметить группу родственных корней KVPV/GVPV, передающих значение вращение, а также корни BV (P) VMБV (P) VH с общим значением «звук рассекаемого воздуха».

Единица *гуригури* связана, в первую очередь, с вращением глазами, с округлыми предметами; она сочетается с глаголами *мава-су* (вращать), *курункуу* (вытаскивать, вращая), *осу* (надавливать) и, кроме значения повторяющегося движения, выраженного формой

единицы (редупликат), добавляет значение «совершающегося с усилением действия».

Курукуру сочетается не только собственно с глаголом вращения *мавару*, но и с глаголом *маку* (заворачивать), *карамару* (обвивать), а также переносит сему «быстрое многократное (движение)» на глаголы *угоку* (двигаться), *хатараку* (работать) и даже *кавару* (изменяться). При этом синонимичная ей единица *гуругуру*, видимо, уже выражающая большую интенсивность за счёт употребления звонкого согласного, уже не сочетается с последними тремя глаголами.

Единицы *корокоро* и *горогоро* означают не просто вращение, а перекачивание, сочетаясь, таким образом, с глаголами *корогару* (катиться), *отиру* (падать). При этом *горогоро*, подобно *гуругуру*, добавляет сему «интенсивность» (перекачивание довольно тяжёлого предмета) и утрачивает сочетаемость с глаголом *кавару* (меняться), которую имеет *корокоро*.

Бюмбюн описывает, в первую очередь, звук рассекаемого воздуха, поэтому, в частности, может сочетаться с глаголом *мавару* (вращаться), например, описывая движение пропеллера.

Бурумбурун (а также синоним *пурумпурун*) описывает «продолжительное вращение, описывание кругов вокруг оси» и также сочетается с глаголом *мавару* (вращаться). Однако сонорный Н в конце редуплицированного элемента, возможно, указывает на паузу в движении, связанную с приложением усилия для совершения каждого нового оборота тяжёлого предмета, поэтому эта единица употребляется, например, для описания вращения молота: *хамма: о бурумбурун то фуримавасу*. Кроме того, обе эти единицы добавляют сему «звучание» или «отсутствие звука» соответственно. По наличию этой семы к ним можно добавить единицу *бумбун*, которая также может описывать звук, возникающий при вращении и само такое вращение.

Таким образом, основное значение оноματοпоэтической единицы («вращательное движение», «движение округлого предмета», «повторяющееся движение рассекающего воздух предмета») ограничивает сочетаемость единиц с глаголами по семантическому признаку «совершение вращательного движения», однако при этом возможно расширение значения по второстепенным

Сведения о воинской повинности церковных крестьян можно почерпнуть из жалованных грамот: при пожаловании крестьян Церкви цари освобождали их от большинства государственных налогов и повинностей, но, как правило, за исключением *лашкар-надироба* (воинской повинности). Этот же порядок соблюдался и при освобождении крепостных той или иной кафедры от обязанностей перед государством. Однако в некоторых случаях церковные крестьяне освобождались и от воинской повинности.

Следует сказать, что военнообязанными были далеко не все церковные *кма*. Опираясь на данные списков оброков с церковных крепостных в Западной Грузии, можно сказать, что в большинстве селений среди церковных *кма* военнообязанных не было вообще. В других процент отбывавших воинскую повинность колебался от 11 до 100. В среднем по владениям той или иной кафедры или католикосата в Западной Грузии военнообязанных было порядка 35%, однако для отдельных епископий эта цифра могла составлять и 4%.

Также следует отметить, что согласно некоторым грамотам как XVI–XVII, так и начала XVIII в., крестьяне, по крайней мере, некоторых церковных владений в Картли и Кахети вместо воинской повинности платили определённый налог (*джуруми*, *джарима* – букв. «штраф»), половина из которого шла государству, а половина – Церкви. В одном из документов этот налог упомянут буквально как «штраф за пропуск *лашкар-надироба*». В грамотах XVI–XVII вв. это явление характеризуется как обыкновенное и установленное издревле.

Имеются некоторые численные показатели по церковным войскам. Согласно списку ратных (*молашкре*) людей Западногрузинского католикосата, в 1616–1621 гг. у католикоса было в распоряжении порядка 516 «ратных» азнауров и мсахуров. Согласно списку оброков этого же католикосата от 1621 г., в распоряжении католикоса было ещё 179 военнообязанных в различных селениях. Что касается Восточной Грузии, то в первой четверти XVIII в. во владениях Мцхетского католикосата, не считая азнауров, было 866 военнообязанных крестьян.

На основе изложенного выше материала можно сделать следующие выводы. В XVI–XVII вв., как и ранее, Церковь продол-

При общении с войском основной целью Церкви было укрепление воинов и их психологическая подготовка к предстоящим сражениям. Когда грузинское войско выступало в поход, с ним вместе шло и поддерживало их духовенство, в т. ч. и высшее, будучи готовым разделить участь войска.

Затем, священники и епископы могли сами принимать участие в военных действиях, с оружием в руках, что засвидетельствовано как в грузинских, так и в иностранных источниках. Так было в частности во время битвы при Марабде (1625 г.), в которой фактически решалась судьба Картли и Кахети.

Грузинская Православная Церковь имела и свои военные подразделения. В Картли один из четырёх военных округов был царским; в него в качестве отдельной единицы входило войско Мцхетского католикосата (*самцхето джари*). Согласно грамотам, к войску Мцхетского католикосата относились вассалы и крепостные (*кма*), а именно азнауры, мсахуры, крестьяне Светицховели (кафедрального собора Мцхетского католикосата), проживавшие на территориях Картли, Кахети, Саатабаго и Имерети.

Во время войны или учений (*лашкар-надироба*), войско Мцхетского католикосата возглавлял католикос, а в случае его отсутствия, эту функцию исполнял его полководец (*сардали*). Известно, что, по крайней мере, со второй половины XVII в., должность полководцев войска Мцхеты являлась наследственной, и принадлежала представителям рода Гедеванишвили – Элиозисдзе. Кроме полководца, в управлении католикосским войском участвовали вельможи (*дарбаиселни*) католикосата, а также азнауры и мсахуры. «Прочие», как говорится в документах (видимо, государственные), полководцы (*сардали*) и амирспасалары и другие чиновники (*мосакме*, букв. «деятели») не имели власти (*хели*) над войском католикоса. При *лашкар-надироба* войско Мцхетского католикоса должно было вставать под флагом царя.

В Западной Грузии епископы также должны были выводить войско по требованию царя или мтаваров. В Кахети, как было показано выше, военная функция епископов была гораздо шире, чем в остальных частях Грузии.

признакам («интенсивное вращательное движение» – «интенсивное движение вообще» – «интенсивное изменение»; «звук от движения воздуха» – «движение воздуха» – «движение, приводящее к колебаниям воздуха»).

Кроме того, как и другие ономатопоэтические единицы, лексемы со значением «вращение» могут передавать интенсивность, повторяемость, многократность движения (или, напротив, единичность и однократность – в зависимости от формы единицы, например, *корот* в отличие от *корокоро*), звук от движения (или его отсутствие – при противопоставлении звонких и глухих согласных) и т. п.

Бессонова Е.Ю.

О стилеобразующем иероглифе стиля соробунтай

Иероглиф 候, кунное чтение которого *со: ро:*, — основной стилеобразующий элемент исторического эпистолярного японского стиля. Благодаря частому применению иероглифа 候 и его значимости в рамках эпистолярных текстов сформировалось название письменного стиля, закрепившееся в дальнейшем за эпистолярным стилем: соробун/соробунтай (*со: ро: бун 候文/со: ро: бун-тай 候文体*). Несколько веков данный стиль обслуживал эпистолярные тексты, в 1946 году его использование было официально отменено. Возникновение стиля относят к завершающим годам Хэйан и периоду Камакура, когда в частной переписке для выражения вежливости стали использовать слово *сабурау さぶらふ (самурау さむらふ/саурау さうらふ、さふらふ)*, имеющее буквальное значение «служить верой и правдой», с начертанием соответствующего иероглифа 候. Свои позиции стиль соробун укрепил в 16 веке, когда из большого числа письменных стилей, обслуживающих эпистолярный текст, был выделен стиль соробун, образчиком его применения считается письмовник «Тэйкин о: рай» 庭訓往来 (приб. XIV в.). Именно в этот период происходит переход дифтонга [ау] в долгое [о:], в результате чего слово *саурау さふらふ* стало произноситься [со:ро:]. Необходимо отметить, что в дальнейшем в заключительной и определи-

тельной позиции данное слово всегда читалось в соответствии с исторической орфографией, то есть [со:ро:], а не по правилам прочтение глаголов с завершающим слогом [у]: [со:рау]. В период Эдо (1600–1868) соробун уже использовался не только в частной переписке, но и в официальной.

Появление слова *со:ро:* связано с характером заочной диалогичности эпистолярных текстов, так как именно в диалоге большая роль уделяется выражению вежливости. Первоначально используемое только в устной разговорной речи слово *сабурау* 候 в эпистолярных текстах конца периода Хэйан применялось наравне с появившимся еще в конце периода Нара словом *хабэри* 侍 (букв. «прислуживать») в качестве вспомогательного скромного глагола (в рамках 謙讓語 *кэндзё:го*) для передачи значения 居^り *ори/ури* «быть». Слово 候 *со:ро:* со временем заняло доминирующую позицию в обозначении эпистолярной вежливости, и, полностью утратив самостоятельность, стало гонорифическим элементом (в рамках *тэйнэйго* 丁寧語), аналогом суффикса вежливости *масу* ます, *дэсу* です, а в дальнейшем заметным стилиобразующим элементом. Для данного элемента в основном использовалось иероглифическое начертание. 候 применялось как наращение после второй основы глагола, после прилагательных и суффиксов, изменяющихся по типу прилагательных, в форме на *-ку*, и после имен существительных с предшествующим послелогом *ни* (реже *нитэ*). Глагол *сэурафу* спрягался по следующим основам: *со:рава* *сэура*は (отрицательная), *со: раи* *сэура*い (соединительная), *со:ро:* *сэура*ふ (определяющая и заключительная), *со:раэ* *сэура*へ (условная). В заключительной и определяющей позиции окуригана ふ не прописывалась, хотя для других глаголов данного спряжения это было свойственно. Форма прошедшего времени применялась очень редко, в третьей основе *со:ро:* в зависимости от контекста могло выражать все три категории времени (настоящее, прошедшее и будущее).

Начертание иероглифа 候 соединяет в себе несколько смысловых элементов: слева – «человек», правая часть состоит из элементов «перевернутая горизонтально мишень» и «стрела, нацеленная на мишень», между левой и правой частью расположен элемент «вертикальная черта», которая указывает на то,

в Грузии системе эриставств (*саэриставо*) пришла система военных округов (*садрошо*, от слова *дроша* – «флаг»), которые, также как и ранее эриставства, стали военно-административными единицами. В каждой из сформировавшихся в результате разделения Грузии на царства и самтавро политических единиц было образовано по 4 садрошо. В Картли и Кахети эта реорганизация произошла в 70-х гг. XV в. Примерно в это же время должна была появиться система садрошо в Имерети. Что касается Самегрело и Гурии, то в них, по крайней мере, в конце XVIII в. также было по 4 садрошо. Какой-либо информацией об устройстве военной системы в Сванети и Апхазети того времени мы на данный момент не располагаем.

Глава садрошо именовался полководцем (*сардали*). Ему подчинялись тавады, епископы, моуравы и другие лица его садрошо. Они были обязаны вставать под флагом полководца с войсками из своих феодалов или подвластных территорий. Основными обязанностями полководца было руководство войском своего садрошо в военное время и его тренировка во время мирное (*лашкар-надироба*). Кроме этого, в обязанности полководца входил суд и управление в своём военном округе.

На должности полководцев, как в Картли, так и в Имерети, назначались крупные феодалы. В Кахети же дело обстояло иначе: во главе каждого из четырёх садрошо там были поставлены епископы. Эта мера имела целью укрепление центральной власти – ведь сан епископа, в отличие от звания тавада, не наследовался.

Военная система в Грузии XVI–XVII вв., как и ранее, была организована по принципу ополчения.

Возвращаясь к рассматриваемой теме, следует отметить, что в Грузии на протяжении всего времени существования национальной феодальной государственности Церковь и военное дело были тесно связаны друг с другом. В отдельных случаях представители духовенства руководили военными операциями: так, при царе Давиде IV Восстановителе (1089–1125) грузинские отряды под руководством *мцигнобартухуцеса* (главного везира, – чиновника аппарата центрального управления) св. Георгия Чкондидели (Чкондидского архиепископа) (ум. 1118) взяли города Самшвилде и Рустави.

литве приобретают иные оттенки и молитву отделяют от других добрых дел. «Молитва есть теоцентрическое устройство души» (Г. Флоренский), это общение и беседа разума с богом.

Формирование высшего уровня молитвенного созерцания оказывается, как проблемой онтопсихологической техники, так и проблемой агиографических текстов. Рождение классически зрелого исихазма завершается отнюдь не в поздневизантийском периоде (как часто полагают), а раньше, о чем свидетельствуют грузинские агиографические памятники.

Таварткиладзе Д. Т.

Православная Церковь и воинская повинность в Грузии XVI–XVII вв.

В настоящем сообщении рассматривается место Грузинской Православной Церкви по отношению к воинской повинности в Грузии XVI–XVII вв., а в частности, такие вопросы, как:

- роль Церкви в укреплении боевого духа в войсках;
- отношение церковных крепостных и вассалов (*кма*) к воинской повинности;
- сведения о церковных военных подразделениях;
- численность военнообязанных церковных крепостных и вассалов;
- роль церковных деятелей в управлении войсками;
- сведения о церковных полководцах.

Перечисленные вопросы в какой-то мере освещались в грузинской историографии, имеются также публикации соответствующих документов.

Источниковой базой данного сообщения является материал грузинских оригинальных грамот, а также описания иностранных авторов XVI–XVII вв.

Приведём некоторые сведения об устройстве военной системы в Грузии рассматриваемого периода. Во второй половине XV века, в результате разделения единой Грузинской феодальной монархии, в устройстве военной системы в Грузии произошли значительные изменения: на замену существовавшей до этого

что данный иероглиф обозначает не человека, а его действие. Первоначальное значение иероглифа «церемониальные действия приближенного к императору война-лучника» трансформировалось со временем в понятие: «прислуживать знатному лицу, заходить, осведомляться о здоровье». В настоящее время иероглиф 候 входит в утвержденный стандартный список иероглифов, изучается в школе в 4 классе, онное чтение иероглифа *ко*: コウ, кунное – *со:ро*: そうろう. В современном японском языке употребление данного иероглифа в основном ограничено его верхним онным чтением, например, в словах 兆候 *тё:ко*: «симптом, признак, примета», 天候 *тэнко*: «погода», 気候 *кико*: «климат» 候鳥, *ко:тё*: «перелетные птицы», 候補 *ко:хо* «кандидатура» (элемент 候 – в зависимости от слова передает следующие значения: «признак», «сезонность», «ожидание»). В современном эпистолярном стиле используется как отдельное слово в сезонных приветствиях: 秋涼の候 *сю:рё: но ко*: «пора осенней прохлады» 新緑の候 *синрёку но ко*: «время молодой листвы», где 候 *ко*: – обозначает «период», «сезон», «время», «пора».

Стругова Е.В.

Еще раз о переводе реалий

Обращение к проблеме перевода реалий объясняется особенностями функционирования в современном японском языке единиц словарного запаса, обусловленного человеческим, культурным и собственно языковым факторами.

Первый из аспектов проблемы состоит в уточнении самого понятия «реалии». Второй предполагает анализ этого явления в плане межъязыковых трансформаций. Нельзя сказать, что именно второй аспект позволит предложить новые способы поиска переводных эквивалентов для реалий. Собственно языковые решения, похоже, связаны со свойствами явления, которое, несмотря на то, что обозначается одним термином, включает единицы с разными свойствами.

Уточнить понятие «реалия» предлагается путем различения следующих, условно названных типов: культурные реалии, языковые реалии, авторские реалии.

Первые традиционно связываются с наименованием предметов материальной культуры, которые отражают особенностями жизни народа. Для них испытанным приемом отражения в тексте перевода долгое время были два способа – заимствование и описательный перевод, хотя практика показывает, что по отдельности каждый из способов не в состоянии обеспечить адекватный перевод, даже в пределах специальных текстов. Временная характеристика источника, характеристика адресата играют немаловажную роль.

Исторически реалии связаны с культурными традициями, но в наше время продуктивным источником их появления являются «модные слова» или «ключевые слова», которые можно считать предвестниками первых.

Новообразования могут приобрести свой статус в том числе благодаря высокой частоте употребления. Так, в свое время ставший бестселером роман Ю. Мисима Nagasugita haru («Затянувшаяся весна») привел к появлению «модного выражения» nagasugita haru.

Способы передачи таких реалий в переводном тексте в силу действия разных механизмов не могут быть универсальны.

Языковые (или коммуникативные) реалии связаны с особенностью речевого поведения. Они отвечают представлению о фразеологии и в узком (единство содержания при варьировании способов выражения), и в широком (словоупотребление) смысле. Необходимым и достаточным условием их функционирования является акт коммуникации, а следовательно, присутствие адресата. Эти реалии сложились на ранней стадии развития общества, когда оно формировало основы речевого поведения, отвечающего нормам совместной жизни и совместной деятельности. В современном обществе носители языка употребляют их в ситуациях, далеких от первобытных, но, по всей видимости, имеющих некий общий компонент с ситуациями историческими.

Именно это и вызывает сложности при поиске переводных эквивалентов. Практическая деятельность в области перевода дает основание утверждать, что в данном случае определяющим должен стать анализ коммуникативной ситуации.

Наиболее сложным представляется проблема перевода реалий, условно названных авторскими. Зачастую они – признаки автор-

деятельность 13 «сирийских» отцов стала наносить удар по одному из специфических принципов грузинской религиозности того времени – она разрушала веру в магическую значимость обряда, искупительного жертвоприношения, проводимого *хэвисбери* – старейшиной ущелья.

Ощущая необходимость в продолжении евангелизации Картли, они решили искоренить архетипы ветхозаветного и языческого культурного сознаний, противопоставляя этому не индивидуальную молитву, апологетами которой анахореты являлись по определению, но храмовое, литургическое действие, которое своим масштабом и размахом могло конкурировать с мистерией, проводимой *хэвисбери* и всей общиной.

Так, литургия являлась не только орудием осуществления политической экспансии, но и верным союзником в деле евангелизации *эри*. Когда этого требовали обстоятельства, литургическая традиция использовалась в целях оборонительного самоутверждения, поскольку практика всегда выше правил. Смена парадигм в лоне грузинского православия красноречиво свидетельствует о сакраментальном значении литургии. Иерусалимская богослужebная практика VI-VII вв., господствовавшая в Грузии, антиохийская традиция (т.н. формуляр св. Якова), которая сменила иерусалимский канонарь, византийская богослужebная практика, объявленная грузинскими монахами единственно приемлемой в X-XI вв. свидетельствуют о смене политического и культурного вектора посредством литургии.

В составе чина молитвы, точнее, домостроительства молитвы, отдельное место занимает личная молитва сирийских отцов, именно такая молитвенная практика является предметом детального описания агиографов. «Ассиметрический диалог» с Богом продолжается и в литургии, ибо только этот контекст предполагает существование институциональной иерархии, поскольку никто не может полагаться только на собственную молитву. «Всекий молящийся просит заступничества всей церкви. За нас молятся ангелы, апостолы, мученики, патриарх, а также честнейшая Матерь Спаса нашего. Это святое единение составляет саму жизнь церкви». (А. Хомяков)

До VI в. Святые отцы считали молитвой любые добрые дела. С указанного периода, теологические трактаты посвященные мо-

епископов, верило только в Святого Духа, поскольку в истории христианской церкви бывали эпизоды, когда все вселенские патриархи и богопомазанные властители «поддерживали» ересиархов и ереси различного толка. И критерием истины мог служить только Святой Дух. Трагическая судьба св. Максима Исповедника (580–662) наглядный пример тому, как ошибались все, и их величества – император Византии, и первопастыри пяти кафедр, и достопочтенные епископы.

Имея, быть может, общую духовную ориентацию с официальным государственным христианством, монашество, т.н. первые великие отцы-пустынники, прибывшие в Картли из Сирии (30-ые годы VI в.), отличались степенью строгости реализации основных положений христианской доктрины. Их опыт не мог служить идеалом и руководством для *эри*, народа, ведущего мирской образ жизни, не мог содействовать церковной, соборной жизни христиан. Поэтому-то они и не поощрялись многими теоретиками христианства и практикующими клириками, посвятившими себя заботе о духовной жизни и спасению всего «стада» Христова. В самом деле, размежевание между православной и «мессалианской» духовностью пролегает в признании значении литургии.

Избирая путь мистического постижения Бога и разнообразные формы монашеского любомудрия, ананхореты-мистики, надеясь на себя, нередко пренебрегали литургией и храмовым действием.

Подобная позиция, по мнению И. Мейендорфа, легко воплощалась в антииерархические, сектантские или мессалианские течения там, где монашеская среда не оставалась целиком верной сакраментальному или литургическому пониманию церкви.

Антропологический максимализм, присущий первым отцам, желание подвизаться в пустыне, жажда сокрушения, подвига, невидимой брани, сведения ума в сердце, непрестанной молитвы, стяжания благодати и синергии, нередко склонял ананхоретов к неповиновению епископам и отрицанию литургии. Приобретённые в Сирии аскетический опыт и традиции иудео-христианства, носителями которых были т.н. «сирийские» отцы, пустили корни на благодатной почве, поскольку в горах Картли, где они проповедовали, почитали, и в том числе, библейского Бога. Впоследствии,

ского стиля, например, аналоги постоянных эпитетов. Так, у Ира Исида в книге рассказов «Дом, где нет любви» цвет пасмурного неба – это «цвет пепла» *haiigo*. Переводной эквивалент «серый» в данном случае, несомненно, обедняет образ. В этом же произведении в качестве авторского приема, призванного объединить отдельные повествования-рассказы, используется некий повторяющийся образ *arumisasshi ni shikaku ni kiritorareta sora* «вырезанный окном квадрат неба». В таком случае при переводе постоянство образа следует поддерживать с помощью постоянства формы, другими словами, сохранять препозицию развернутого определения.

Отдельного внимания заслуживает проблема поиска переводных эквивалентов в том случае, когда автор употребляет не исконно японские, а слова, заимствованные из европейских языков. В современной художественной литературе использование этих слов может быть связано с пристрастиями автора, а не с желанием «расцветить стиль» за счет синонимов.

Выбор переводного эквивалента возможен между словами, относящимися к устоявшейся лексике и сравнительно новыми заимствованиями. Так, японское *Fudo:san'ya* в языке источнике органично, так как принадлежит к полностью усвоенной системой модели словообразования – многочлену, состоящему из китайских корней. Именно поэтому в переводе на русский лучше воспользоваться его эквивалентом, частично отражающим перевод на уровне морфем: сотрудник агентства *недвижимости*, а не заимствованным, хотя и более кратким *риелтер*.

С другой стороны, следует учитывать семантические оттенки, присущие в языке перевода слову-кандидату на переводной эквивалент. Так, отличительный признак заимствованного из английского в японский язык слова *sensa* в сочетании *sensa no ii* «с хорошим вкусом, знающий толк...» нельзя передать при помощи единицы «сенсуальный», так как области применения этих, имеющих общий источник заимствований, не совпадают.

Нечаева Л. Т.

Употребление суффикса ぶり в современном японском языке

Суффикс ぶり имеет два основных значения: указание на то, что действие совершается через определенный промежуток времени, и указание на стиль, манеру поведения.

В первом случае, суффикс ぶり присоединяется к словам, включающим указание на временной промежуток, например:

1 5日発表された3月の月例経済報告は景気の基調判断を8か月ぶりに引き上げたものの、デフレ脱却にはほど遠い。Дзю: гонитихаппё:-сарэтангацу-но гэцурэй-кэйдзай-хо: коку ва кэйки-но китё:-хандан-о хатикагэцубури-ни хикиагэта мононо, дэфурэ-даккяку-ни ва ходо тоой. *Хотя в опубликованном 15 числа ежемесячном докладе правительства о состоянии экономики говорится о положительной динамике за 8 месяцев, но до выхода из дефляции ещё достаточно далеко.*

С суффиксом ぶり могут употребляться слова, обозначающие какие-либо повторяющиеся события – конференции, соревнования, матчи и т. п., например:

今夏、日本女子は2大会ぶりにアテネ五輪へ出場する。Конка, нихондзёси ва нитайкайбури-ни атэнэгорин-э сюцудзё:-суру. *Летом этого года женская сборная Японии спустя 2 Олимпиады будет выступать на Олимпийских играх в Афинах.*

Во втором случае, суффикс ぶり присоединяется к отглагольным существительным (2-я основа глагола), словам канго, ваго и гайрайго, например:

土地の人と話すと、机上ではわからない庶民の暮らしぶりや人生観まで伝わってくる。Тоти-но хито-то ханасу то, кидзё:-дэ ва вакаранай сёмин-но курасибури я дзинсэйкан-мадэ цуваваттэ куру. *Когда разговариваешь с местными людьми, то воспринимаешь образ жизни простых людей, их взгляды на жизнь, что недоступно для понимания, когда работаешь в кабинете.*

実際は10年前の方が危険であり、その言葉に混乱ぶりが表れていた。Дзиссай ва дзю:нэнмаэ-но-хо:-га кикэн-дэ ари, соно котоба-ни конрамбури-га араварэтэ ита. *Действительно, это было опасно 10 лет назад, в этих словах проявлялось паническое настроение.*

Современная феминистка Мадху Кишвар, известная индийская общественная деятельница и основательница феминистского журнала «Мануши», говоря о своем отношении к обряду *сати*, до сих пор совершаемому в некоторых индийских штатах, подчеркивает, что в основе самого термина – *сати* – лежит понятие «сат» («истина»), а следовательно, надо надо различать самосожжение как добровольное желание и самосожжение как убийство. В первом случае оно, в понимании Кишвар (как это не парадоксально), не противоречит ни религии, ни здравому смыслу. Что же касается убийства, то оно, полагает Кишвар, не имеет никакого отношения к древнему обряду.

Несмотря на возможность разнообразных трактовок вопроса о долге и функциях женщины, содержащихся в индийских религиозных текстах, современные феминистки ставят своей целью борьбу с самим духом индуизма. По их словам, в нем проповедуются терпимость к дурному обращению, подчинение мужчине, традиционно благоприятное отношение к рождению сына и отрицательное – дочери, институт приданого и нередко его постулаты противоречат положениям, прописанным в Конституции Индии.

В докладе рассматриваются основные тезисы представительниц индийских феминистских организаций в сопоставлении с религиозными постулатами индуизма и рассказывается о наиболее ярких активистках женских движений в Индии.

Башелеишвили Л. О.

Домостроительство молитвы. Грузинская традиция.

Богословское измерение литургического действия, великолепность и великолепие молитвы для харизматических вождей восточнохристианского монашества всегда было «выше всякой славы / блеска / начальства / власти / обладания / могущества / земного царства» (Симеон Новый Богослов – ок. 949-1022). Умалить значение храмового действия в пользу личной молитвы, неизбежно вело к ереси.

Монашество, которое в определенной степени противопоставляло себя как «святоначалию» светской власти, так и учительству

Литвинцева Е.

Индуистские представления о женщине в трактовке феминистских движений в современной Индии

Роль и статус женщины в индийском обществе не раз подвергались пересмотру. Одна из первых попыток «нового взгляда» была предпринята с началом национально-освободительного движения в Индии в конце XIX в. Наибольшие усилия реформаторы направляли на борьбу против таких явлений, как обряд самосожжения вдов – *сати*, убийство новорожденных девочек, практикуемое в ряде провинций, а также запрет на повторное замужество вдов. В период с 1910 по 1920 год в Индии возник целый ряд женских организаций: Бхарат Стри Махамандал («Великое собрание индийских женщин»), Махила Самити («Совет женщин»), многочисленные женские клубы и общества. Некоторые из них, например, Индийская женская ассоциация, образованная в Мадрасе в 1917 году, существуют до сих пор. Основательница женского движения и женских учебных заведений в Бенгалии Сародж Налини Датт (1887–1924) и первая женщина-председатель Индийского национального конгресса Сароджини Найдю (1879–1926) стали одними из самых известных женщин-политиков того периода.

Мощный импульс женскому движению в Индии придавали выступления М. К. Ганди во время его поездок по стране.

На первых этапах женщины боролись не только и не столько за свои права (право на образование, на участие в выборах и др.), но и разделяли цели национально-освободительного движения. Выделение из женского движения непосредственно феминистского произошло лишь в 1970-х годах.

В том, что касается религиозного аспекта феминистской борьбы, то в отличие от западных феминисток многие индийские борцы за права женщин не восставали против традиции, а, скорее, хотели добиться правильного, с их точки зрения, толкования тех или иных религиозных норм. Так, еще Сароджини Найдю, говоря: «Дайте образование вашим женщинам, и страна сможет сама позаботиться о себе... Рука, качающая колыбель, сможет управлять миром», доказывала свою правоту, приводя в пример поступки индуистских богинь и героинь индуистских мифов.

В Японии того типа театры не так распространены, как в Европе, и поэтому увидеть их было для меня большой удачей. Японцы, как и европейцы, предпочитают театры, в которых играют профессиональные артисты. В Японии театры существуют с древних времен, и это является одной из особенностей культуры этой страны. Японцы любят театр, и это можно увидеть по тому, как они относятся к театру. В Японии театры являются неотъемлемой частью культуры, и это можно увидеть по тому, как они относятся к театру. В Японии театры являются неотъемлемой частью культуры, и это можно увидеть по тому, как они относятся к театру.

Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре. Де・Ниро – это актер, который играет в театре.

Слова с суффиксом *ぶり* являются существительными и изменяются как существительные, например:

日中関係のなかで、日本側が東シナ海の開発問題と並ぶほどに重視してきたギョーザ事件の捜査の節目にしては、ずいぶん簡単な報道ぶりだ。ニッポン・カンクэй・ノ・ナカ・デ、ニホンガワ・ガ・ヒガシシナカイ・ノ・カイサツ・モンダイ・ト・ナラブ・ホド・ニ・ジユ・シ・シテ・キタ・ゲ・ダ・ジクэн・ノ・ソ・サ・ノ・フシマエ・ニ・シテ・バ、ジユブун・カンタン・ナ・ホ・ド・ブ・リ・ダ。Если завершат расследование по инциденту с гёдза, которому придавали большое значение в японо-китайских отношениях наряду с проблемой разработки шельфа в Восточно-Китайском море, то это будет в форме очень простой информации.

その失望ぶりは、読売新聞の世論調査で、内閣支持率の下落が止まらないことから明らかだ。ソノ・シツブ・ブ・リ・バ、エミウリスンブン・ノ・セロント・サ・デ、ナイカク・シジリツ・ノ・ゲラク・ガ・トマラン・コト・カラ・モ・アカカ・ダ。Это настроение разочарования понятно из того, что по исследованию общественного мнения газетой «Ёмиурисимбун», не прекратилось уменьшение процента доверия кабинету министров.

Некоторые из слов с суффиксом *ぶり*, образованные от ваго или от отглагольного существительного, в определительной позиции могут употребляться как полупредикативные прилагательные, например:

この小ぶりの露天風呂のすぐ横を、滝の水がしぶきをたてて落ちていく。コノ・コブ・リ・ノ・テウテン・フー・ロ・ノ・スグ・ヨコ・ヲ、タキ・ノ・ミヅ・ガ・シブキ・ヲ・タテ・テ・オチ・テ・イク。Коно кобури-на ротэмбуро-но сугу ёко-о, таки-но мидзу-га сибуки-о татэтэ отитэ ику. На воздухе прямо на угол маленького бассейна с горячей водой с брызгами падает водопад.

ですから思わせぶりの言動は禁物です。 *Дэсукара омовасэбури-на гэндо: ва кимбуцу дэсу. Поэтому запрещены намекающие на что-либо слова и действия.*

Некоторые слова с суффиксом *ぶり* в процессе лексикализации вошли в словарь, например: *ひさしぶり хисасибури спустя-долгое время, 思わせぶりの омовасэбури-на намекающий, 素振 собури манера себя держать, 身振り手振り* с мибуригэбури-дэ *жестами* и др.

Перевод слов с суффиксом *ぶり* редко даётся в словаре, поэтому необходимо научиться подбирать соответствующее слово или словосочетание в русском языке. Слова – *стиль, манера действия или поведения* не всегда подходят для перевода. Можно использовать дополнительно ещё такие слова, как *образ, настроение, форма* и т. п.

личие собственной идентичности. В основу этой идентичности легли два параметра – язык и религия. Язык пришельцев был ближе к северным вариантам панджаби – соответственно, бахавалпурцы начали делать акцент на лингвистическом различии. В 1960-е гг. для обозначения языка южных панджабцев впервые был использован термин «сираики»; он лег в основу теории о наличии уникальной южнопанджабской культуры, основанной на особой религиозной традиции. Дело в том, что именно области Бахавалпура и Мултана являются основными оплотами суфизма в Пакистане. Необходимо подчеркнуть также, что наиболее влиятельные и зажиточные семьи этих областей – Гиллани, Курейши, Аббаси – своим положением обязаны высокому религиозному статусу: уже с XV в. их предки возглавляли местные суфийские братства и играли ведущую роль в распространении ислама в регионе. Именно эти семьи в 1969 г. начали движение за выделение территории бывшего княжества Бахавалпур в отдельную провинцию, подчеркивая желание жителей региона жить в соответствии с нормами шариата и собственной религиозной традицией. Использование термина «сираики» позволило придать движению массовость, поскольку затрагивало жителей не только Бахавалпура, но всего южного Панджаба. В дальнейшем этнолингвистической составляющей идентичности сираики стало придаваться большее значение, чем религиозной. Однако именно приверженность суфизму стала на современном этапе главным подспудным двигателем движения за Сираикистан.

То обстоятельство, что идеологами и лидерами этнолингвистического движения сираики выступают суфийские авторитеты, позволяет сделать вывод о первостепенной роли религиозного фактора в этом движении.

Филимонова А.Л.

Религиозный фактор в движении за раздел пакистанского Панджаба

Пакистанская провинция Панджаб на протяжении длительного времени являлась единственной частью страны, где не наблюдалось ярко выраженных этнических или религиозных конфликтов. Раздел Панджаба, осуществленный в 1947 г. в рамках раздела Британской Индии на государства Индию и Пакистан, привел к образованию в Пакистане этнически и религиозно однородной провинции, где панджабцы-мусульмане составляли не менее 90% населения.

Однако в конце 1960-х-начале 1970-х гг. ситуация в Панджабе резко изменилась: начались разговоры о наличии в южном Панджабе уникальной этно-лингвистической культуры «сираики», носители которой, с точки зрения южнопанджабских политиков, имеют полное право на создание собственной провинции – «Сираикистана».

Строго говоря, термин «сираики» обозначает не этнос, а носителей сираики (эклетичного языка, представляющего собой смесь панджаби и синдхи). В настоящее время вопрос о происхождении и статусе сираики является предметом острых дискуссий среди пакистанских лингвистов. Однако этимология самого слова «сираики» парадоксальна. Оно пришло из языка синдхи и исторически использовалось в Синде для обозначения переселенцев, пришедших в эту область в XVII–XIX вв. из южного Панджаба (в то время – княжество Бахавалпур). Эти переселенцы были этническими панджабцами и носителями языка панджаби (его южного диалекта, содержащего элементы синдхи). При этом те южные панджабцы, которые остались на родине, по-прежнему считались (и сами себя считали) панджабцами – жителями панджабского княжества Бахавалпур. Однако именно среди этих панджабцев-бахавалпурцев в середине XX в. стали развиваться протестные настроения, приведшие к современному движению сираики.

После образования Пакистана началась миграция в Бахавалпур панджабцев из индийского Панджаба; этот процесс вызвал весьма негативную реакцию местного населения, которое стало пытаться дистанцироваться от переселенцев, подчеркивая на-

Литературоведение

Акимушкина Е.О.

Основные принципы организации системы персонажей в маснави М. А. Фанаи «Достойный конец» (XIX вв.)

Настоящее сообщение посвящено рассмотрению системы персонажей в поэме «Достойный конец» (*‘Āqibatbakhair*), написанной на языке урду Миром Али Фанаи (XIX в.), принадлежавшим к Делийской поэтической школе. В поэме описывается военное противостояние последнего афганского правителя Мултана (совр. Пакистан) Музаффара-хана Садозаи (1779–1818) и махараджи Панджаба Ранджита Сингха (1780–1839), в результате которого Музаффар-хан был убит в неравном бою в осажденной крепости, а Мултан был взят. Практически сразу же после гибели Музаффара-хана мусульмане северо-западной Индии стали почитать его как одного из мучеников-шахидов, погибшего во время джихада, который он вел против сикхов.

Рукопись данной поэмы была обнаружена пакистанским юристом У.К. Ханом, интересующимся историей своего родного города Мултана, в 1974 г. в библиотеке Общества по развитию языка урду в г. Карачи (Пакистан) и издана в 2004 г. Насколько нам известно, эта поэма никогда не исследовалась с литературоведческой точки зрения.

В качестве модели для описания событий 1818 года в Мултани, в частности мученической кончины наваба Музаффара, Фанаи избрал трагические события десяти дней месяца мухаррам 680 года,

когда в пустыне в местечке Нинава (в будущем там возник город Кербела) приняли мученическую смерть внук пророка Мухаммада имам Хусейн и его 72 спутника.

В качестве источников образности и мотивов для поэмы Фанаи, прежде всего, следует назвать произведения в жанре оплакивания (*марсийя*), которые писались как на урду, так и на персидском и которые пользовались огромной популярностью в Иране и в Индии.

Персонажи в данной поэме распределяются по двум группам – положительные во главе с Музаффаром-ханом (его родные и ближайшее окружение) и отрицательные во главе с Ранджитом Сингхом (‘Абд ас-Самад Бадозаи, Кхарак Сингх и др.). Основой для создания образа центрального персонажа – наваба Музаффарахана – послужил образ имама Хусейна. Соответственно наваб наделяется качествами, сходными с качествами имама Хусейна, описываемыми в *марсийя*: он богобоязненный, посвящает много времени чтению Корана, молитве и добрым делам, при этом он демонстрирует качества, необходимые для правителя (справедливость, щедрость, заботу о подданных и т. п.). Как и имам Хусейн, Музаффар-хан стремится к мученической смерти и принимает ее, поскольку он хочет таким образом стать угодным Богу.

Функцию Йазиды в рассматриваемой поэме выполняет махараджа Ранджит Сингх. Одной из основных черт его характера Фанаи называет жадность: именно этим качеством поэт объясняет его желание захватить Мултан. Как и халиф Йазид, он не присутствует при решающем сражении, находясь в своей ставке в Лахоре. Он не хочет смерти Музаффарахана, ему совсем не выгодно с политической точки зрения, чтобы тот стал мучеником, он желает, чтобы тот сдал город и стал его вассалом, приняв от него земельный надел, полагающийся тем, кто находится на военной службе (джагир). Сын Ранджита Сингха – Кхарак Сингх – выполняет в поэме функцию Ибн Са‘да, предводителя войска халифа Йазиды, а роль злодея Шимра, по всей видимости, играет ‘Абд ас-Самад Бадозаи, который помогал Ранджиту Сингху воевать против своих соплеменников.

В течение достаточно долгого времени индологии считалось, что в литературе урду нет своего героического эпоса, полагали,

это писатели эпохи Нового времени, эпохи, когда религия отступает на задний план, уступая свои позиции разуму, науке, современному образу жизни. Во-вторых, «внешне джайнизм и индуизм могут показаться похожими: храмы, учителя-аскеты, пищевые запреты, учение о *карме* и *мокше*» (Ткачева 1995:89). Однако это внешнее сходство при знакомстве с джайнизмом и более глубоком рассмотрении произведений писателей, родившихся и воспитанных в джайнской среде, исчезает, уступая место кардинальным различиям. Уже первый из вышеупомянутых писателей Натху Рам Према (1881-1960) – яркий пример этому. Этот выдающийся интеллектуал, писатель, поэт, переводчик, редактор и издатель принадлежал к дигамбарскому направлению джайнизма. Но как светский литератор и самое главное – основатель и глава издательства «Хинди Грантх Карьялай» – он публиковал, часто в собственном переводе, произведения авторов – шветамбаров и дигамбаров. Здесь же публиковались произведения самых ярких писателей Индии – от Премчанда и Х. П. Дживеди до Рабиндраната Тагора. В этом издательстве увидели свет и романы Дж. Кумара (1905-1988). Этот младший современник и друг классика литературы хинди Премчанда был почитателем и последователем Махатмы Ганди, приверженцем идеи ахимсы. Отметим, что в джайнизме концепция ахимсы более важна и соблюдается более строго, нежели в индуизме. Дж. Кумар считается основоположником психологического направления в романе хинди. На наш взгляд, это отчасти обусловлено джайнизмом, ролью и местом *дживы* в этой религии. В раннем возрасте Ананди Лал, как звали будущего Джаянендру в детстве, был обращен в джайнизм своим дядей, очень известным джайнским махатмой Бхагван Дином. Начальное образование Дж. Кумар получил в джайнской школе – гурукуле в Хастинапуре. Хастинапура – место, священное как для индусов, так и для джайнов. В докладе будет рассказано об атмосфере, в которой проходило детство писателя, и о значении Хастинапуры как джайнского религиозного центра в наши дни. Но главная задача доклада – продемонстрировать на примере романов Дж. Кумара, каким образом в творчестве этого писателя проявляются идеи джайнизма, прежде всего ахимсы.

Стрелкова Г. В.

Джайнизм и творчество Джайнендры Кумара

Джайнизм – одна из древнейших религий, которая зародилась в Индии в 6–5 вв. до н. э..

В Древней Индии это была третья по значению религиозная традиция – после брахманизма и буддизма. Джайнизм не стал мировой религией, но он до сих пор распространен в Индии. Стремительный рост индийской диаспоры в мире способствует тому, что количество исповедующих джайнизм за пределами Индии также растёт. Возрастает и роль, которую играет джайнизм в современном обществе. До сравнительно недавнего времени в отечественной индологии интерес к джайнизму был небольшим: в 1968 г. вышла книга Н. Р. Гусевой «Джайнизм», которая давала общее представление об этой религии. Мифологии джайнизма посвящена статья О. Ф. Волковой в «Мифах народов мира» (1980). Но начиная с 90х годов XX в. внимание к джайнизму возрастает. Появился ряд исследований, посвященных философии джайнизма и исследованию классических джайнских философских текстов. Это работы Н. А. Железновой, А. А. Терентьева и В. К. Шохина. Небольшая статья А. А. Ткачевой «Женщина и джайнизм» рассматривает роль женщины в джайнизме.

Данный доклад посвящен тому, каким образом джайнизм – как религия и мировоззрение – отражается в современной литературе хинди, прежде всего в творчестве Джаянендры Кумара. Примечательно, что эта тема практически не привлекает внимание исследователей – ни у нас в стране, ни в Индии. Однако сами джайны гордятся тем, что именно в их религиозной общине родились многие выдающиеся писатели и литераторы: Натху Рам Прем, Дж. Кумар, Мридула Гарг, Манну Бхандари, Инду Джайн. При этом сами писатели, как правило, не подчеркивают свою религиозность. Их творчество и читателями, и литературными критиками воспринимается как светское, в общеиндийском литературном контексте. Если же заходит речь об их религиозных воззрениях, то они воспринимаются как часть традиционного индуизма. Это не случайно. Во-первых,

что его функцию выполняют произведения в жанре *марсийи*, описывающие трагические события 680 г. Однако наличие данной поэмы, которую сам Фанаи именуется *джанг-нама* (с. 61), то есть «произведение о войне», доказывает, что, по крайней мере, в первой половине XIX века героические поэмы-маснави на урду уже существовали. Здесь следует отметить, что У. К. Хан в предисловии к рассматриваемой поэме утверждает, что он обнаружил и собирается издать несколько поэм, написанных в этом жанре (он их именуется «warballads»). Открытым остается вопрос о роли героических поэм на персидском языке (в том числе написанных сикхами и посвященных подвигам вышеупомянутого Ранджита Сингха) и на панджаби (*вар*) в становлении героического эпоса на урду.

Стрелкова Г. В.

Цветочная символика в современной прозе хинди

Известно, насколько большую роль играет цветок-символ в мировой литературе, как Востока, так и Запада, как меняется «язык цветов» в зависимости от времени и пространства. В классической индийской литературе цветочная символика была тщательно разработана и служила одним из любимых литературных приёмов, что подтверждают и драмы Калидасы, и классические поэмы – *махакавьи*. Памятники средневековой индийской литературы, например, двустушия самого известного поэта эпохи *рити* Бихарилала Чоубе или традиционная поэма «Оннода монгол» бенгальского поэта Бхарат Чандра Рая также дают блестящие образцы использования цветов-символов. Эта традиция продолжается и в современной литературе хинди, что будет продемонстрировано в докладе на примере произведений двух прозаиков: Мохана Ракеша (рассказ «Третья клятва, или погубленный Гульфам») и романов Мридулы Гарг.

Мохан Ракеш, один из основоположников двух литературных направлений – «*Наикахани*» (Новый рассказ) и «*Анчалик упаньяс*» (региональный роман), свой рассказ о любви перевозчика Хирамана и танцовщицы Хирабаи строит на традиционных образах

цветка *чампака*, обыгрывая его золотистый цвет, и розы. Цветочная символика в этом рассказе обогащается символикой драгоценных камней и помогает создать яркие образы героев – заурядных по происхождению, но глубоких, духовно богатых личностей.

В отличие от Мохана Ракеша, Мридула Гарг, одна из выдающихся современных писательниц хинди, прибегает к неожиданной, часто экзотичной цветочной символике. Её героини – творческие личности, которые противостоят традиционному, патриархально-ориентированному обществу. Они воспринимают себя не просто женщинами, но индивидуумами и стремятся состояться, раскрыться как самостоятельные личности-творцы. И они создают свой собственный мир, будь то реальный или вымышленный. На этом пути они становятся поэтами или писательницами. И у каждой из героинь есть свой символ – цветок, который может многое рассказать и рассказывает о характере героини, о её взаимоотношениях с мужем или возлюбленным, о её понимании своего внутреннего или же внешнего мира. М. Гарг создала своеобразную трилогию о женщинах, которые становятся писателями: «Частица солнечного тепла ей на долю», «Читтакобра», «Я и Я». К ним примыкает роман «Катхгулаб» (Китайская роза), одна из героинь которого становится популярной романисткой. Цветочная символика этих романов разнообразна: от экзотичных для индийского мира нарциссов и орхидей до удивительного, редкого цветка *катхгулаб*, который выглядит как засохшая, землисто-древесного цвета роза.

Если Мохан Ракеш прибегает к традиционным цветам-символам, сочетая их с драгоценными камнями, то М. Гарг объединяет цветы с деревьями. Это вполне естественно и логично: символика деревьев – и цветущих, и не дающих цветов – очень развита в индийской литературе. Так, очень популярно манго – и само дерево, и цветы его, и плоды. Это главный символ романа Манну Бхандари «Ваш Банти», он олицетворяет взросление ребёнка в мире взрослых. Цветок ашоки стал главным символом сборника эссе Х.П. Дживеди «Цветы ашоки», который посвящен проблемам литературы хинди. Однако деревья-символы Мридулы Гарг необычны для Индии. В романе «Катхгулаб» это клён, покрытый осенней листвой, от пунцово-красного до янтарно-жёлтого цвета. Романтический мир М. Гарг насыщен цветом, в нём многое становится понятным

мом месте рождения Равидаса в Бенаресе (Варанаси), был провозглашен главным паломническим центром равидаси.

Этот храм открыл двери для посетителей еще в 1970-х гг., заметно расширился в 1990-х и с 2000 г. стал местом проведения ежегодных широкомасштабных празднеств по случаю дня рождения гуру Равидаса. Центральное место в нем занимают статуи и графические изображения Равидаса; по всем остальным параметрам он мало чем отличается от сикхских храмов-*гурдвар*. Особая роль отводится священному тексту – Амритбани Сатгуру Равидас Махарадж, включающему произведения Равидаса. В 177-страничную книгу входят 240 гимнов (включая 40 из священной для сикхов Ади Грантх, книги-гуру). Амритбани размещается на специальном возвышении в центральной части храма рядом с главной статуей Равидаса и широко используется при проведении различных церемоний, транслирующихся по собственному телеканалу.

Одним из столпов деятельности равидаси является благотворительность. При храме действует трапезная, где бесплатно раздают еду; ежегодно увеличивается площадь помещений, в которых размещают нуждающихся в приюте, прежде всего, низкокастовых. При поддержке общественного фонда, щедро спонсируемого индийской и зарубежными общинами, храм публикует большое количество пропагандистской литературы, посвященной Равидасу и истории равидаси.

В последние несколько лет «равидасское пространство» в Бенаресе заметно расширилось: недалеко от главного храма появился большой парк, носящий имя Равидаса, огромный Равидас гхат – ступенчатый спуск к Ганге, а также Равидас сету – мост через реку.

В докладе будет показано, что конфигурирование религии равидаси является примером проявления протестной идентичности и осуществляется на базе перекраивания основных понятий и атрибутов сикхизма под конкретные нужды общины.

Бочковская А. В.

Община равидаси на пути конструирования идентичности (о главном паломническом центре в Бенаресе)

Равидаси (низкокастовые *чамары*-кожевники) занимают особое место в социально-кастовой структуре индийского Панджаба. С появлением сикхизма на рубеже XV–XVI вв. многие панджабские неприкасаемые, включая *чамаров*, стали переходить в новую веру, декларировавшую всеобщее равенство, в том числе кастовое. Отличительной чертой сикхов-равидаси было почитание – наряду с первыми десятью гуру – поэта-проповедника Равидаса (XIV–XV вв.), *чамара* по касте; при этом равидаси поначалу не противопоставляли себя сикхской общине.

Начиная со второй половины XIX в. с увеличением численности войск, размещенных в Панджабе и нуждавшихся в постоянном обслуживании, а также поставках необходимого обмундирования, доходы равидаси стали заметно расти. С начала XX в. многие из них мигрировали за пределы Индии; так стали складываться крупные и весьма влиятельные общины равидаси в Канаде, США, Великобритании, Италии, Австрии и других странах.

Противоречие между новыми финансовыми возможностями и прежним, чрезвычайно низким, социальным статусом равидаси привело к неуклонному росту конфликтов последних с «ортодоксальными» сикхами. К концу XX в. у равидаси появились многочисленные собственные храмы (*гурдеры*) – и в Индии, и за ее пределами.

Противостояние общин достигло своего пика после так называемой «венской бойни», когда в мае 2009 г. в Вене (Австрия) сикхские экстремисты застрелили одного из лидеров панджабских равидаси во время богослужения, проходившего в местной *гурдере*. 30 января 2010 г. старейшины общины официально объявили о создании самостоятельной религии равидаси/равидассия, «не имеющей ничего общего с сикхизмом» и располагающей полным набором атрибутики (включая священный текст, символ, приветственную формулу и пр.). Шри Гуру Равидас джанмастхан мандир – храм, расположенный на предполагае-

через расшифровку цветовой и цветочной символики – попытка сделать это и будет предпринята в докладе.

Своеобразное «связующее звено» между цветочными символами произведений М. Ракеша и М. Гарг – роман выдающейся писательницы Кришны Собти «Подсолнухи во тьме». Он построен на трёх цветах и символах: белом (снег), чёрном (мрак) и золотом (подсолнух). Здесь присутствует лишь один цветок, но он становится прекрасным и лаконичным средством выражения всего, что невозможно выразить словом. Таким образом, цветочная символика в произведениях современных писателей хинди продолжает оставаться плодотворным литературным приёмом, который позволяет достигать разнообразные цели.

Софронова Л. В.

О соотношении массового и элитарного в творчестве турецкой писательницы Элиф Шафак

Проблему соотношения массового и элитарного в художественном литературном произведении мы рассматриваем на материале трех романов современной турецкой писательницы Элиф Шафак (род. 1971), лидирующей в последнее десятилетие по количеству издаваемых и продаваемых книг в Турции. Ее романы отражают в миниатюре проблемно-тематическую картину современной турецкой прозы. С точки зрения жанровой формы выбранные нами романы относятся: «Отец и ублюдок» (*Baba ve piç*, 2006) – к семейной мелодраме, «Любовь» (*Aşk*, 2009) к любовному роману с философским подтекстом, «Искендер» (*İskender*, 2011) к социально-психологическому роману. Но сложность композиционного построения произведений Элиф Шафак, многолинейность сюжета и рванная хронология романного действия приводят к размытости жанровых границ, сочетанию в одном произведении специфических черт разных жанров.

Композиционно роман «Любовь» построен по принципу «роман в романе». Вставной роман посвящен событиям XIII века, истории взаимоотношений известного поэта Джеляледина Руми и дервиша Шемси Тебризи, основоположников турецкого суфиз-

ма. Повествование ведется от имени разных участников событий, включает несколько вставных историй и притч, опосредованно связанных с основной сюжетной линией, и 40 постулатов суфизма в современной интерпретации, предписывающих определенные нормы нравственного поведения. Вставной роман вполне может рассматриваться как самостоятельное, самобытное произведение. Название романа «Aşk» подразумевает двойственную трактовку: в суфийском смысле как любовь к богу и в общепринятом смысле земной любви. Действие рамочного романа происходит в США в XXI веке, сюжет строится стереотипно, по законам женских историй о поиске счастья, герои современной романной истории весьма схематичны, однолинейны, их поступки не подкреплены логикой развития характеров. Традиционный для данного жанра хэппи-энд решен в суфийском ключе: при приближении к земной цели, она наполняется более глубоким божественным смыслом, путь к которому только начинает приобретать смутные очертания.

Роману «Отец и ублюдок» присуща мозаичность в композиционном построении, разветвленная образная система, перегруженность повествования второстепенными персонажами и их историями жизни. Две основные сюжетные линии пересекаются на протяжении рассказанной в романе столетней истории двух семей, турецкой и армянской. В фокусе авторского внимания находятся проблемы межнационального общения, порожденные мультикультурностью как современного общества, так и общества периода Османской империи. Призыв к взаимной толерантности и взаимопониманию, приоритет общечеловеческих ценностей над национальными составляют лейтмотив всего произведения. В композиционной структуре прослеживается аналогия с романом Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке», к тому же история турецкой семьи рассказана в стиле, созвучном латиноамериканскому магическому реализму. Ретроспекция в развитии сюжета проливает свет на цепочку взаимовытекающих событий, восходящих к сегодняшнему дню и помогающих пониманию современных коллизий. Две сюжетные линии также и в этом романе не равнозначны по своему художественному уровню.

Если в романе «Отец и ублюдок» с самых первых страниц до последних сохраняется интрига в развитии сюжета, то в романе

цию со стороны сикхской общины. Проводившиеся англичанами ограниченные демократические реформы политической системы не только не ослабляли, но напротив усиливали консолидацию населения на религиозной основе.

В отличие от прибрежных регионов Северной Индии (Бенгалии, Гуджарата), где раньше других укрепились капиталистические отношения, а вместе с ними началось и становление наций, предполагавшее формирование национального самосознания, в Панджабе и регионах Центральной Индии религиозное самосознание в целом довлело и довлеет над этническим. Одним из важных свидетельств приоритета религиозного сознания здесь был и остается избираемый для письма алфавит: арабский для мусульман, деванагари для хинду, гурмукхи для сикхов. Причем алфавит воспринимается именно как конфессиональный символ, так что вопросы о его удобстве для конкретного языка представляются неуместными. В этой связи интересно замечание Дж. Неру, сделанное им в ходе дебатов между сторонниками и противниками создания нового штата «Панджаби Суба»: «Как сикхи, сторонники панджаби с алфавитом гурмукхи, так и хинду, апологеты хинди, записываемого шрифтом деванагари, как правило, пишут статьи в газетах и полемизируют друг с другом на языке урду, записываемом арабским алфавитом, что, конечно, служит лишним доказательством коммуналистского характера всей этой полемики».

Показательно, что в Гуджарате или Бенгалии как областях, где рано сформировалось национальное самосознание, и хинду, и мусульмане не склонны напрямую связывать свою конфессиональную принадлежность с использованием той или иной системы письма.

– письма, которое применялось в основном кашмирскими брахманами. По мнению многих историков, эволюция гурмукхи была постепенной, так как первые образцы текстов на нем, найденные в дистрикте Лудхияна, относились к началу 15-го века, то есть были созданы на полвека раньше рождения первого сикхского гуру Нанака. В соответствии с сикхской традицией, шрифт «гурмукхи» (букв. «из уст гуру») был «изобретен» вторым гуру сикхов – Ангадом для записи стихов Нанака. Причем необходимость введения гурмукхи мотивировалась вполне рациональными соображениями: ланда не позволял адекватно записывать стихи гуру, кроме того, требовался более удобный алфавит для обучения детей родному языку.

Гурмукхи постепенно начал восприниматься прежде всего как шрифт, которым записан священный сикхский канон, однако арабский алфавит до прихода англичан, по-видимому, тоже не воспринимался как «чужой», мусульманский. Им были записаны стихи суфийских поэтов, например, Фарида, которые хорошо знали и высоко ценили сикхские гуру. Сами гуру и другие образованные сикхи владели несколькими языками, в том числе и обязательным для изучения персидским; они нередко пользовались и несколькими разными системами письма, в частности, умели писать арабским шрифтом.

«Закрепление» различных алфавитов за определенными конфессиями произошло уже в рамках Британской Индии. После аннексии Пенджаба в 1849 г. британские власти запретили использовать гурмукхи для обучения пенджаби в начальной школе, так как считали его символом сикхизма, который не может быть принят мусульманской общиной. Высказывались также предложения перевести пенджаби на латиницу, что, по мнению английских чиновников, устранило бы межконфессиональные конфликты, а также способствовало бы изучению английского языка населением и его приобщению к британской культуре и христианской религии, так как многие тексты, переведенные миссионерами на пенджаби, издавались на латинице. Программа британцев по христианизации жителей Пенджаба оказалась отчасти успешной, и многие представители сикхской элиты обратились в христианскую веру. Это незамедлительно вызвало «защитную» реак-

«Искендер» в самом начале читателю известна развязка, а интрига строится вокруг мотивировок и обстоятельств поступка главного героя. История рассказана в трех временных планах на тридцатилетнем временном отрезке и композиционно зиждется на множестве вставных рассказов, включенных в канву основной сюжетной линии, некоторые из них стилизованы под прецедентные тексты. Они призваны раскрыть определенные черты характера главных героев, позволяющие выстроить единую логическую цепь происходящего. Но, к сожалению, художественно воссоздаваемый образ распадается на отдельные элементы, не составляющие единого целого. Подчеркнутая экзотичность одной из сюжетных линий соединяется с правдоподобием бытовых деталей в другой. Попытка Элиф Шафак выйти за рамки собственно женских историй, к сожалению, не состоялась, так как образ главного героя романа Искендера, как и мужские образы в предыдущих ее произведениях, весьма схематичен, поверхностен и не жизнеспособен, его поступки, составляющие главный сюжетный хребет произведения, слабо мотивированы и не отражают эволюцию воззрений героя, необходимую для мотивации романного действия. Центральная тема произведения может быть сформулирована как выживание человека с восточным менталитетом в мультинациональной европейской среде, утрата национальной идентичности и поиск своего места в мультикультурном обществе.

Рассмотрение последних романов Элиф Шафак приводит нас к выводу о зыбкости границы между инновационным и стереотипным, массовым и элитарным в современном художественном произведении. Достоинства творческого метода Элиф Шафак несомненно лежат в сложном композиционном построении произведений, в занимательности фабулы, актуальности поднятых проблем для современного читателя. Но множественность поверхностных образов без глубоких психологических характеристик, перегруженность образной системы второстепенными персонажами, а сюжета вставными историями, слабо связанными с основным действием, воссоздание образов главных героев в соответствии с читательскими ожиданиями, а не с правдой характера, снижают художественную ценность произведения, придают ему стереотипный предсказуемый характер.

Оганова Е.А.

О роли мифа в современной турецкой драматургии

1. Для художественного творчества, и драматургии в частности, характерно метафорическое, образное освоение действительности. Важную роль в этом процессе играл и продолжает играть миф.

Миф лежал в основе тюркских театрализованных представлениях с момента их появления (предположительно начиная с 7 века до н. э.). Тюркская мифология, уходя своими корнями в восточную мифологию, складывалась под большим влиянием шаманизма, что проявлялось в первую очередь в мифах о сотворении вселенной. Позже, с принятием турками ислама значительную роль с точки зрения проявления в турецких театрализованных представлениях мифологизированного сознания стали играть шиитские «газийе» (траурные театрализованные ритуальные представления в память о трагической гибели имама Хусейна – внука пророка Мухаммеда при Кербеле в 680 г.). Также отголоски мифологических представлений древних тюрков можно проследить встраиваемых в Турции по сей день традиционных деревенских театрализованных представлениях (*köy seyirlik oyunları*).

2. В турецкой авторской драматургии существует целый ряд пьес с мифологическими – преимущественно древнегреческими – сюжетами: «Ифигения в Тавриде» (*Iphigenia Tauris*, 1942) и «Елена Прекрасная» (*Güzel Helena*, 1954) Селяхаттина Бату, «Боги и люди. Гильгамеш» (*Tanrılar ve insanlar. Gilgamesh*, 1954) Орхана Асены, трилогия о фригийском царе Мидасе (*Midas üçlemesi*) – «Уши Мидаса» (*Midas'ın kulakları*, 1959), «Золото Мидаса» (*Midas'ın altınları*, 1968) и «Узел Мидаса» (*Midas'ın düğümü*, 1974) Гюнёра Дильмена, «Медея» (*Medea*, 1963) Мунисы Фаика Озансой, «Антигона» (*Antigone*, 1966) Кемаля Демиреля и некоторые другие.

С точки зрения роли, которую миф играет в создании произведений современной турецкой драматургии, можно условно выделить три основные модели пьес:

1) пьесы с «закрытой» структурой «стилизированные» под миф, при создании которых драматургиисходят из установки создать

трины «ахимса» (= «ненасилие»). Изоляция Ганди в последний период его жизни со стороны политических единомышленников из-за недовольства его активностью в провинциях и существованием его «ходячих костылей». Заговор некоторых членов РСС и кончина Ганди.

Хохлова Л. В.

Алфавит как символ конфессиональной самоидентификации в Северной Индии

Большинство современных индийских алфавитов развилось из брахми – письма, возникшего в первом тысячелетии до н. э. Значительная часть западных ученых связывает происхождение брахми с одним из северосемитских алфавитов, в то время как многие индийские лингвисты и антропологи возводят брахми к до сих пор не дешифрованному письму хараппской цивилизации. Примером одного из ранних использований брахми служат записанные им буддийские тексты на праkritах. Позднее – видимо, на рубеже двух эр – это письмо стало применяться и для записи санскритских текстов, причем текстов «светского» содержания: художественной литературы, административных и научных сочинений. Священные тексты внутри как брахманистской, так и буддийской традиций передавались в основном изустно – от учителя к ученику. Полностью исключать возможность письменной фиксации священных текстов нельзя, однако *сакральными свойствами* обладал в первую очередь именно устный, *произнесенный*, текст.

Идея сакральности текста, *записанного* на одном из индийских алфавитов, возникла достаточно поздно, при этом исследователи связывают ее с *исламским* влиянием на сикхских гуру. Созданный в 17-м веке и записанный шрифтом гурмукхи сикхский канон «Ади грантх» стал первым памятником, которому были приписаны сакральные свойства именно как *письменному* тексту. Гурмукхи был создан на основе ланда – письма, которое использовалось чиновниками и торговцами на территории Панджаба и Синда. Ланда, в свою очередь, был разновидностью шарада

род в ходе Иудейской войны (66–73 гг.), восстания в диаспоре (115–117 гг.) и восстания Бар-Кохбы (132–135 гг.), являют пример культурной травмы, потребовавшей соответствующей интерпретации. Близость еврейских и христианских мессианских образов, как и их отличия, свидетельствуют о сложных путях формирования мессианских представлений иудаизма изучаемой эпохи и вновь привлекают внимание исследователей.

Захарьин Б.А.

Религиозно-мифологические основания концепций «воздержание» и «ненасилие» в учении М. К. Ганди

Автобиографическое сочинение М. К. Ганди «Моя жизнь» как источник информации об объективных событиях и об их отражении в сознании и психике героя. Некоторые сведения о социальных и религиозных установках вишнуитов касты «бания» в Гуджарате. Отношения Ганди с родителями и родственниками. Круг чтения юного Ганди.

Практика детских браков в княжестве Раджкот. Женитьба подростка Ганди. Брачные отношения внутри пары Мохандас – Кастурба в течение первых 23 лет семейной жизни. Выезды Ганди для учебы и работы за пределы Индии. Идеологические установки и мировоззрение взрослого Ганди. Начало 20-го века как важный рубеж в окончательном формировании системы взглядов Ганди.

Традиционная схема четырех «ашрамов» (= «жизненных стадий»), характеризующих данное существование представителя трех высших сословий. Эталонные требования к вступившему в третью стадию «ванапрастха» (= «лесного отшельника»): сосредоточенность исключительно на религиозном поиске, отказ от сексуальности в отношениях с супругой. Идеал йогина: сексуальное воздержание, «возгонка» семени, отсутствие агрессивных проявлений при социальных контактах.

Принятый Ганди обет брахмачарьи, имплицитно предполагавший совмещение идеалов ванапрастха и йогина. Полная асексуальность в отношениях с супругой и разработка социальной док-

у читателя/зрителя впечатление того, что перед ним – не современная история, а именно миф. Сюжетный рисунок пьес максимально точно соответствует таковому в мифе. Драматургическое время совпадает с мифологическим. Стилизация усиливается наличием хора и рассказчика. Характерно, что основные функции хора и рассказчика – поддерживать содержательную структуру мифа, прежде всего, для того чтобы избежать эпической статичности и повысить драматизацию действия в пьесе.

Наиболее репрезентативным образцом пьес этого типа является драма О. Асены «Боги и люди. Гильгамеш», созданная на основе аккадо-шумерского мифа о Гильгамеше. В сюжете пьесы реализуется традиционный мифологический мотив о желании человека стать бессмертным. Гильгамеш все же становится бессмертным, но это бессмертие оборачивается для него трагедией – он познал счастье человеческих чувств, но лишился всего человеческого, потеряв даже свое лицо: так боги наказали его за дерзость посметь быть выше их. Несмотря на то, что атмосфера мифа всячески поддерживается драматургом путем сохранения его формальных признаков, пьеса не теряет своей универсальности и современности, в первую очередь благодаря актуальности поставленных О. Асеной философско-нравственных и социальных проблем (проблема лидер – общество и др.). Именно благодаря такому ракурсу подачи мифологического материала пьеса приобрела свой особый статус.

2) пьесы с «открытой» структурой, в которых сохраняются лишь основные сюжетные ходы мифа. Разветвляя и «удлиняя» сюжетный рисунок мифа, включая дополнительные сюжетные ходы, драматурги насыщают их новым идейным содержанием, переставляют акценты, сознательно «вытравливая» мифологический дух. В пьесах такого рода мифологическая основа выступает как средство «метафоризации» современной драматургии действительности. Здесь также может наличествовать рассказчик и хор, но их функции – не поддерживать сюжетную линию пьесы, как это происходит в пьесах первого типа, а давать «взгляд извне», комментировать, анализировать происходящие на сцене события. Этот прием коррелирует с брехтовским методом отчуждения. «Современность» происходящего подкрепляется благодаря

сохранению драматургами особенностей современной разговорной речи, аллюзиям на современные авторы события, анахронистическим сдвигам и пр. В современной турецкой драматургии эта модель пьес оказывается весьма продуктивной. Наиболее удачным примером пьес такого типа является трилогия Дильмена-Гюнгёра о царе Мидасе. Иллюзия мифа разрушается активным обращением драматурга к вышеуказанным приемам (Хор коз, рассказчик, танцы, пантомима, «мифологизация» национальных и местных мотивов и пр.). Миф о царе Мидасе здесь своеобразно «дописан» драматургом. В первую очередь эта пьеса – о борьбе Мидаса с самим собой, со своими страхами, комплексами и пр. Вывод, к которому Д. Гюнгёр подводит своего читателя/зрителя, заключается в том, что Мидас силен прежде всего благодаря своему положению, но не своим человеческим качествам. Тот же подход драматург сохранил и в двух других пьесах цикла.

3) пьесы без каких бы то ни было формальных и содержательных признаков мифа, при создании которых драматурги лишь вдохновляются мифологическим сюжетом/сюжетами. Самые репрезентативные пьесы такого типа «Жертва» (Feda, 1966) Гюнгёра Дильмена и «Медиха» (Mediha, 1992) Юкселя Пазаркайи.

В последние годы появился целый ряд пьес, созданных по такой модели: «Мем и Зин» (Mem-ü Zin, 2008) Джумы Бойнукара, «Место посередине земли» (Dünyanın ortasında bir yer, 1996) и «Безопасность на ближнем востоке» (Yakın doğuda emanet, 2002) Озена Юлы и др.

3. Турецкие постмодернистские пьесы (Муратхана Мунгана, Тургая Нара и др.). Вопрос о роли мифа в них должен стать предметом отдельных научных изысканий.

претации Торы различными группами внутри иудаизма, столь характерных для конца эпохи Второго Храма. В это время евреи были вынуждены не только признать реальность чужеземного владычества, но и столкнуться с новой мировоззренческой системой – эллинизмом. Еврейская мысль искала новые ответы на брошенный ее традиционным религиозным представлениям вызов. Одним из таких ответов стала апокалиптика, в символических картинах и чудесных видениях изображающая пришествие Мессии, который должен привести в исполнение все данные израильскому народу предсказания, произвести праведный суд и возвестить наступление тысячелетнего Царства Божия на земле. Следуя традиции 1 Еноха и его утверждению о том, что вечное осуждение ждет тех, кто не выполнил Закона Господня (1 Ен 1:5), в 3 Ездры приближение суда и множество погибающих также связывается с тем, что они презрели Всевышнего, пренебрегли законом Его (3 Ездра 8:55–61). В апокрифах, продолжающих пророческую традицию Израиля, очевиден интерес пост-библейского иудаизма к вопросам будущей жизни – к вечности, воскресению мертвых и ожидаемому Мессии. О мессианских фигурах говорится в кумранских текстах, хотя и весьма скупое. Кумраниты ожидали наступления божественного суда в ближайшем будущем и готовились к нему, конец дней они представляли себе как завершающую всю историю драму и, наконец-то, рассвет мессианской эры. Мессианские чаяния, нашедшие столь яркое выражение в апокрифической еврейской литературе, разделялись всеми – от представителей образованных кругов иудейского общества до простонародья. Близость мессианизма апокрифов и проповеди Иоанна Крестителя и Иисуса подчеркивала еще Н. В. Пигулевская. Тора в процессе формирования мессианских представлений оказалась в центре перемен, а методы ее толкования и пути исполнения в эпоху Мессии – одними из основных пунктов богословской полемики между всеми группами внутри иудаизма.

В настоящей работе проводится сравнение мессианских чаяний различных групп внутри иудаизма поздней античности, имеющих непосредственное отношение к Торе. Потеря Второго Храма и Иерусалима, катастрофа, постигшая еврейский на-

власти считаться с мнением мирового сообщества и поддерживать статус кво в исламизированных регионах страны и в отношениях со «своими» мусульманами.

Запрометова О.М.

Мессеианские чаяния иудаизма поздней античности

Религиозное учение о грядущем спасении человечества, которое должно наступить в результате вмешательства Мессии, впервые получает оформление в иудаизме, отражая настроения и верования евреев, страдающих от чужеземного господства (ассиро-вавилонского, персидского, сиро-селевкидского, римского). Представление о мессии-помазаннике (евр. Машиах – 'помазанник') было одним из основных понятий Священного Писания. По древнему обычаю царей, первосвященников и пророков помазывали оливковым маслом в знак того, что Бог даровал им силу и способность исполнить возложенную на них миссию (Лев 4:3,5,16; Ис 45:1 и др.). Титул мессия был применим к ним, как слугам или агентам Всевышнего, в том числе и к не-израильскому царю Киру (Ис 45:1). Лишь в конце эпохи Второго Храма слово «Мессия» приобрело особый смысл: оно стало означать не просто царя, но избавителя, который спасет евреев от подчинения унижительной власти Рима. Этот термин стали применять к идеальному царю, помазанному Богом для того, чтобы принести избавление своему народу и утвердить царство праведности (Дан 9:26–27).

В свое время А. Я. Гуревич справедливо заметил, что в исторической науке до недавнего времени не рассматривался социально-культурный аспект проблемы времени – то, как воспринимали время люди в тот или иной период истории. Это замечание имеет непосредственное отношение к настоящей работе, касающейся формирования представлений иудаизма о Мессии, о Торе и времени, о надеждах на восстановление былого величия Израиля. Автор сообщения склонен рассматривать формирование мессеианских представлений в иудаизме поздней античности в свете появления разнообразных подходов к интер-

Рейснер М.Л.

Роль лирических вставок в персидском любовно-романическом эпосе XI–XIII вв.: от темы к форме

Художественные цели, стоявшие перед авторами первых романтических поэм на персидском языке, требовали особых средств их достижения. Обращение к «внутреннему человеку», стремление описать его чувства требовали специфических приемов, к которым относятся не только монологи и диалоги персонажей, но и внесюжетные элементы. Эти лирические вставки в персидских классических поэмах о любви могли быть двух видов и обозначаться разными терминами – «послание (*нама*) или «стихотворение о любви» (*газал*). В тех случаях, когда лирические стихи, вводимые в текст поэмы, ассоциировались с песней, могла применяться группа терминов близких по значению и понимаемых как «песня», «напев», «мелодия» (*суруд*, *нагма*, *нава*). На песенную природу лирического фрагмента мог указывать и термин *газал*, поскольку с VIII в. в арабской традиции, а позже и в персидской сложилась устойчивая практика вокального исполнения любовных стихов – газелей. Генетические корни «вставных» элементов различались в зависимости от происхождения сюжетов. В сюжетах об арабских поэтах 'узритского направления («Варка и Гулшах» Аййуки, «Лайла и Маджнун» Низами) лирическая стихия была неотъемлемой частью предания, поскольку истории о влюбленных первоначально служили комментарием к любовной лирике 'узритов. В ранней персидской поэме Аййуки, в основе которой лежит 'узритское предание, вставные газели отличаются от всего остального текста поэмы рифмовкой. Весь повествовательный текст, заменивший арабскую прозу, рифмуется, как все поэмы-маснави по схеме *aa-bb-cc-dd* и т. д., а вставные газели сохранили изначальную монорифмическую схему – *aa-ba-ca-da* и т. д. Более сложную генетическую картину дают сюжеты местного происхождения, которые имели прототипы в доисламской иранской эпической традиции – «Вис и Рамин» Гургани и «Хусрав и Ширин» Низами. В поэме Гургани лирические вставки носят эпистолярный характер и называются «письма». Они включе-

ны в поэму единым блоком и образуют две главы. Первая из глав содержит письмо Рамина, в котором он извещает свою возлюбленную о разрыве и своей женитьбе на другой женщине, вторая – десять ответных писем Вис. Объединенные общим названием «Десять писем», послания Вис к Рамину, сочетающие элементы лирики и дидактики, никакими повторяющимися формальными средствами за исключением традиционных обращений в поэме не выделены. Возможно, эпистолярная форма вставок в поэме «Вис и Рамин» восходит к традиции иранского героического эпоса «Шах-нама» (не менее 170 посланий разного содержания, при этом ни одного любовного). Гургани полностью изменил содержание писем.

Низами, взявший за основу своей любовно-романической поэмы «Хусрав и Ширин» историю Хусрава II Парвиза Сасанида, рассказанную в «Шах-нама», использовал и опыт Гургани, и опыт Аййуки. В его поэме можно найти оба вида внесюжетных лирических вставок – письма героев друг другу и песни-газели, исполняемые придворными певцами от лица двух влюбленных. В отличие от Аййуки, который выделил газели в тексте с помощью рифмы, Низами применяет другой приём их оформления внутри поэмы. Каждый «песня» вводится словом «газель», упоминанием имени певца, который её исполняет, и названием музыкального лада. Несмотря на то, что эти газели по рифме от других частей поэмы Низами не отличаются, способ их включения в повествование демонстрирует более высокую степень формализации, чем у предшественников. В дальнейшем процесс формализации лирических вставок в эпической поэзии продолжается. Так, в творчестве Амира Хусрава Дехлеви (XIII в.) газели становятся формальным способом завершения главы в повествовании о влюбленных. Что касается «Десяти писем», то их формализация пошла по другому пути – в литературе XIII в. появились самостоятельные поэмы о любви, носящие название «Десять писем» или «Десять глав», которые имели дидактическую направленность, но обязательно содержали десять вставных газелей. В этой новой жанровой разновидности *маснави* произошел синтез двух видов лирических вставок – генетически эти поэмы связаны с «Десятью письмами» Вис, но в них используется и приём вставных газелей.

кам сбыта побуждают китайские власти проводить относительно гибкую политику в отношении мусульман и ускоренно развивать экономику западных мусульманских регионов. Жестко отвечая на любые антиправительственные действия, китайское правительство одновременно немало делает для развития мусульманских территорий и поддержки их культуры. В 2000 г. стартовала Великая Программа Развития Запада, предполагавшая увеличение правительственных инвестиций в инфраструктуру, экологические проекты и образование. Государство стало привлекать в Синьцзян научно-технические кадры из восточных провинций, предлагая высокую заработную плату и жилье. Но вместе с экономическими благами реализация программы способствовала и увеличению притока мигрантов, что привело к росту межэтнической напряженности. Новые сложности возникли, в частности, в сфере делопроизводства, языком которого, по мнению местного населения, должен быть уйгурский, но, по мнению ханьцев, путунхуа, официальный государственный язык. При этом на общем рынке образования и труда предпочтение по-прежнему отдается путунхуа как языку профессиональных элит. Кроме того, браки между уйгурами и ханьцами остаются редкими, и заметной этнолингвистической ассимиляции в этой области не происходит.

Новая миграционная политика китайского правительства, а также возникновение в Центральной Азии ряда тюркских государств, бывших республик Советского Союза, стимулировали в последние два десятилетия активизацию в Синьцзяне сепаратистских мусульманских сил. Такие группы, как Исламское Движение Восточного Туркестана, с 1955 г. выступающее за независимость Синьцзяна, рассматриваются правительством КНР как угроза номер один. Вместе с тем китайское правительство считает недалеким курс на явно антимусульманскую политику в регионе и при этом считается и с внешнеполитическими факторами: более половины нужной Китаю нефти поступает из мусульманских стран Ближнего Востока, которые, в свою очередь, превращаются в рынок сбыта китайских товаров; кроме того, Китай ими все чаще воспринимается как потенциальный инвестор, способный прийти на смену экономически слабеющим и непопулярным Соединенным Штатам. Все эти обстоятельства заставляют китайские

ствием, либерализмом в делах веры, ислам всегда был суровой монотеистической доктриной со строгим перечнем предписаний и запретов. В отличие от буддизма, сосредоточенного в основном на нравственном самосовершенствовании человека, ислам имеет строгий свод законов, шариат, предполагающий строгую самоидентификацию своих адептов и охватывающий все аспекты жизни и в доме, и в социуме. Идеологическая несовместимость ислама с другими конфессиями дополняется тем, что мусульманские этносы Китая не только физически отличны от ханьцев, но и говорят на своих языках (обычно тюркских) и имеют собственные культурные традиции. К примеру, пищевой кодекс мусульман не допускает в рационе питания блюд из столь любимой китайцами свинины, не разрешен и алкоголь, в отношении которого китайцы традиционно запретов не имели.

Таким образом, китайские мусульмане представляют собой самобытные и не всегда лояльные в отношении власти религиозно-этнические меньшинства. Самобытность последних нередко предполагала стремление к экономической, культурной и политической независимости, но это, конечно, никогда не могло устраивать правящую элиту. Если буддизм трактовался властями как религия традиционного плана, а христианство – как религия враждебного Запада, то в исламе неизменно усматривали чуждую религию этнических меньшинств, нуждающихся в постоянном контроле.

Как и христианство, мусульманство в современном Китае находится под строгой опекой властей. Главы мечетей, имамы, назначаются государством; издание исламской литературы строго регламентируется. Средства массовой информации тщательно цензурятся. Поскольку ислам распространяется в основном через семьи, под особый контроль взяты дети мусульман: для детей до 18 лет религиозное образование запрещено; лицам, не достигшим 18 лет, запрещен и вход в мечеть; девочкам-мусульманкам в школах не разрешено носить хиджаб, и всем учащимся-мусульманам школьными властями не разрешено соблюдать пост при Рамадане.

Однако глобализация экономики, зависимость от импорта нефти из мусульманского мира и интерес к мусульманским рын-

Семененко И.И.

Периодичность в ритмическом строении древнекитайской философской прозы

О большой роли ритма в литературе Древнего Китая писал еще в 1934 г. М. Гране. В отечественной синологии первыми стали изучать это явление Л. Д. Позднеева и Л. Е. Померанцева. К сожалению, их инициатива у нас осталась в значительной степени незамеченной. Только в последнее время вновь возникает интерес к данной проблеме, но ее рассмотрение носит слишком общий характер, не учитывает связь с риторикой и не исходит из конкретного анализа текста. Особенно большой материал для такого анализа дает древнекитайская философская проза. В качестве примера можно рассмотреть подраздел 10.2 в книге Мэнцзы (372-289).

В нем этот выдающийся представитель философского красноречия обрисовывает свой идеал бюрократической иерархии. Приводимая им здесь классификация определяется множеством различных цифр. Все они могут быть отнесены к исходным числам в нумерологии. Если ей руководствоваться, то главное в мысли Мэнцзы следует искать в традиционной символике этих цифр, восходящей к гаданию по гексаграммам. Издавна та же нумерология трактуется и как разновидность математической логики. Тогда в мысли Мэнцзы должны заключаться математические формулы, обуславливающие структуру текста. Но он о них не думал. У него не было ориентации и на гексаграммы. Вместо них он использует логику, но не как исчисление, а в ее риторическом варианте. Мэнцзы обращается к делению понятий, их определению, многоступенчатой классификации, транзитивному отношению. И ему совершенно не требовалось выражать эти приемы в цифрах.

Но числа напрямую соотносились со стилем и в особенности с ритмом его речей. Это значение числа подчеркивал в западной традиции еще Аристотель: «Все измеряется числом, а по отношению к форме стиля числом служит ритм...» (перев. Н. Платоновой. Античные риторики. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978, с. 139;). И уточнял свою мысль положением о том, что «периодическая речь имеет число». Здесь же он давал определение периода:

«Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозримы» (там же, с. 140). Избранное для анализа рассуждение Мэнцзы как раз и может служить одним из примеров периодической речи в древнекитайской философской прозе.

Период образует простое или сложное предложение, отличающееся смысловой и ритмико-интонационной законченностью. В нем вычленяются две части: протазис, с повышением голоса, и аподозис, с понижением тональности. Его по смыслу и интонационно-ритмически структурируют также колоны, или колена, члены, т. е., по словам Цицерона, «краткие высказывания чего-то о какой-то вещи без выявления целиком всей мысли, которая вновь подхватывается другим коленом речи» (цит. по кн. «Античные риторика», с. 323). Аристотель о них пишет: «Период может состоять из нескольких членов (сōla) или быть простым. Период, состоящий из нескольких членов, имеет вид законченной фразы, может быть разделен на части и произнесен с одного дыхания весь... Простым я называю период одночленный» (там же, с. 141). В соответствии с этими определениями высказывание Мэнцзы может быть разделена на 11 периодов, совпадающих в переводе с абзацами. Они равны по числу титулам, и первый период, будучи обобщающим вступлением к остальным 10, образует с ними такое же соотношение 1/10, как звание сына неба с другими степенями знатности. Значение единичности выражается структурой периодов, примечательной тем, что в первых восьми периодах до десятого (в шестом заключительный член опущен) аподозис, соответствующей в логике определяемой части, состоит из одного колона: 1) 4/1, 2) 5/1, 3) 6/1, 4) 5/1, 5) 4/1, 6) 3/-, 7) 7/1, 8) 7/1, 9) 7/1, 10) 2/6, 11) 1/1. В последнем аподозис тоже одночленный, но он логически является уже не определяемым, а определяющим. Ряд колонов, особенно во втором и третьем периодах, близки к коммам, т. е. к тому, что Деметрий (ок. I в. н. э.) определял как «короткий уменьшенный колон» (там же, с. 239). Не везде в литературном переводе можно было четко обозначить границы между колонами. Например, в первом периоде членение по оригиналу: 其詳不可得聞也, /諸侯惡其害己也, /而皆去其籍, /然而軻也, // 嘗聞其略也 (досл. перевод: «Подробно об этом нельзя

Захарьин А.Б.

Ислам в Китае. Религия и власть

Ислам начал распространяться в Китае в 7-м веке благодаря арабским купцам, торговавшим по Шелковому пути. Поскольку первых мусульман интересовала преимущественно коммерция, а не прозелитизм, ислам распространялся медленно. Мусульманское население значительно увеличилось после военных кампаний Чингисхана. После основания монгольской династии Юань множество мусульман осело в Китае, преимущественно в его западных районах. В правлении Юань мусульмане имели высокий социальный статус: в социальной иерархии они были ниже только правящих монгольских элит, но выше китайского чиновничества. Однако в эпоху династии Мин многие привилегии были отменены, и рассеянные по стране мусульмане стали объединяться в общины, из которых позднее сложились десять этно-религиозных групп: уйгуры, хуэй, татары, таджики, узбеки, халка, казахи, сала, баоани и дунгане. Они расселились в основном в западных провинциях: Нинся, Ганьсу, Цинхай, Юньнань, и особенно в Синьцзяне. В настоящее время эти десять этнических групп представлены более чем 20 миллионами жителей, и эта цифра, по сути, и демонстрирует общую численность мусульман в Китае. Важным показателем религиозно-этнической обособленности китайских мусульман является географический фактор: более половины из общего их числа в 20 миллионов проживают в Синьцзяне.

Исторически в Синьцзяне не было ханьцев: в 1949 г. 90% населения составляли уйгуры и только 5% – ханьцы. Синьцзян имеет также собственную историю политической независимости: уже в середине 18 века здесь существовали самостоятельные царства уйгуров, и до 1949 г. уйгурские группировки в регионе дважды провозглашали его независимость. Поскольку рост числа адептов традиционно происходил через браки, а не через обращение к самому вероучению, принадлежность к исламу здесь всегда определялась принадлежностью к соответствующему этносу.

В то время как основные религиозные представления китайцев традиционно характеризовались плюрализмом и, как его след-

Мехмет Али Шахин	председатель ВНСТ (2009-2011), вице-премьер (2002-2007)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Бешир Аталай	глава МВД (2007-2011)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Али Бабаджан	вице-премьер по экономике (с 2009 г.), госминистр (2002-2007), глава МИД (2007-2009)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Веджди Гёнюль	министр обороны (2002-2011), депутат ВНСТ	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Али Джошкун	министр промышленности и торговли (2002-2007)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Кемаль Унакытан	министр финансов (2002-2009)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Реджеп Акдаг	министр здравоохранения (с 2002 г.)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Биналы Йылдырым	министр транспорта (с 2002 г.)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Сами Гючлю	министр сельского хозяйства (2002-2005)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Хильми Гюлер	министр энергетики и природных ресурсов (2002-2009)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Зеки Эргезен	министр благоустройства и жилищного строительства (2002-2005)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Мурат Башесгиоглу	министр труда и социального безопасности (2002-2007) и государственный министр (2007-2009)	джемаат Нурджулар
Хюсейн Челик	министр образования (2003-2009) и депутат ВНСТ	джемаат Нурджулар
Мехмет Айдын	государственный министр (2003-2011)	джемаат Нурджулар
Бюлент Арынч	вице-премьер (с 2009 г.), председатель ВНСТ (2002-2007)	джемаат Нурджулар

узнать,/князьям было ненавистно то, что оно вредило им,/и все устранили его записи,/и хотя так, но что до Кэ (меня), // (я) слышал о нем в общих чертах»). Или в конечном периоде: 庶人在官者, // 其祿以是為差 (досл. перевод: «Если говорить о простолюдинах, находящихся на государственной на службе, // то их жалование различалось в соответствии с этим»). Акцент в содержании речи на удвоении стилистически тоже вполне выражается в том, что основу ее формы составляет синтаксический параллелизм в сочетании с приемом перечисления. Почти во всех периодах протазис, а в предпоследнем аподозис, состоит из многократного повтора параллельных колонов, сами же периоды, кроме первого, разделяются на группы, в которых они конструируются параллельно друг другу.

Стеженская Л. В.

Методология исследования литературы в средневековом китайском трактате «Вэнь синь дяо лун» (V–VI вв.)

Трактат «Вэнь синь дяо лун» Лю Се (465/466–520/522) может быть рассмотрен двояко: с одной стороны, как литературный текст, обладающий своими художественными особенностями, с другой – как теоретическое произведение, автор которого использует свою научную методологию изучения литературы. При рассмотрении методологии Лю Се необходимо учитывать время создания его произведения, китайскую литературную традицию, личные религиозные и философские взгляды автора, а также специфические свойства китайского языка, в частности, иероглифическую письменность и грамматику вэньяня. Все эти факторы влияют на то, что подходы Лю Се к изучению литературы могут отличаться от современных. Итак, перечислим основные методологические принципы, выявленные нами в трактате:

Комплексное исследование литературы. В Послесловии к «Вэнь синь дяо лун» Лю Се заявляет о различии объекта исследования по объему: «Легко оценивать одно произведение, но трудно всесторонне исследовать все литературные сочинения».

Прошлое и современное ему литературоведение он укоряет в узости взгляда, когда «освещается какая-то сторона [вэнь] (то есть литературы), но редко рассматривается весь вопрос в целом». Лю Се считает неправильным специализироваться только на «талантах своего времени» или «прежних писателях», рассматривать только «намерения» авторов или подходить к литературе «тематически».

Общественная роль литературы. Общественная роль литературы у Лю Се задается ее ориентацией на конфуцианские основы, отразившиеся в канонических сочинениях. Литература открывает «уши и глаза народу». Она должна наследовать и историческую миссию авторов «Шицзина», которые «ненавязчиво поучали правителей».

Многослойность вэнь. Методология Лю Се соотнесена с коренным свойством предмета тракта – *вэнь*. Составной характер этого предмета даже на самом высшем уровне его понимания (Небо-Земля) предполагает двойственность, а затем и множественность компонентов. *Вэнь* – широкое понятие, оно встречается у Лю Се в семи различных значениях, от «существования» до «цивилизационного лидерства», также в виде бинама *вэньчжан* используется в значении «литература». Методологический подход Лю Се состоит в неистребимости качества *вэнь*. Если существует что-то, то это в то же время и *вэнь*. Поэтому нет примера, чтобы произведение было по качеству не-*вэнь* или анти-*вэнь*.

Исторический подход. Все исследователи подчеркивают важное место исторического подхода в методологии Лю Се. Однако никто не обращает внимания на то, что в историческом литературоведении он явно отходит от провозглашенных еще Конфуцием и освященных традицией дидактических задач общего «историописания» (*ши чжуань*) – не говорить об отрицательных чертах положительных исторических героев, не упоминать женщин-правительниц. В своем историческом портрете литературы Лю Се не столь традиционен. Он посвящает целую главу «опальным» в его время апокрифам, напоминая, что «в прежние времена апокрифы рассматривались в паре с канонами».

Соответствие конфуцианским канонам. Однако соответствие литературного произведения конфуцианским канонам явля-

Идея толерантности и межкультурного/межконфессионального диалога, с которой выступает движение Фетхуллага Гюлена, выглядит как продукт для внешнего потребления, подыгрывающий риторике США и многих стран Запада, стремящихся примерить маску «друзей ислама и мусульман» в борьбе с международным терроризмом. Настоящая цель, которую ставят перед собой турецкие исламисты, – демонтаж тех социальных, культурных и этических норм и ценностей, на которых строилась светская Турецкая Республика.

Сам Гюлен довольно четко сформулировал задачи своего движения, выступая в 1999 г. перед своими сторонниками (многие турецкие телеканалы показали тогда репортажи с этим выступлением, а ряд газет опубликовали выдержки речи Гюлена). В своем выступлении Гюлен предупреждал своих последователей, что необходимо набраться терпения и дождаться момента, когда «общество созреет», чтобы «предпринять следующий шаг», в противном случае их сметут подобно тому, как это было в Алжире, Сирии и Египте. Тем временем его сторонники «должны проникать во все артерии существующей системы, причем делать это незаметно до тех пор, пока они не достигнут всех центров влияния и власти». Однако активность адептов Гюлена давно уже перестала быть «незаметной». Члены тарикатов больше не хотят держаться в тени и мимикрировать на фоне светского турецкого общества. Даже участвуя в выборах, нередко не скрывают своей принадлежности к тому или иному тарикату или джемаату.

Связь политической элиты ПСР с тарикатами и джемаатами (по данным турецкой прессы)

Реджеп Тайип Эрдоган	премьер-министр (с 2003 г.), председатель ПСР (с 2002 г.)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша
Абдуллах Гюль	президент (с 2007 г.)	тарикат Накшбандийя
Абдулькадир Аксу	глава МВД (2002-2007), депутат ВНСТ от ПСР (с 2002 г.)	тарикат Накшбандийя, ветвь Искендерпаша

Ученики и последователи Гюлена, их широкомасштабная деятельность стали одним из наиболее обсуждаемых факторов исламизации Турции и «консерватизации» турецкого общества. Деятельность институтов и дочерних структур Фетхуллаха Гюлена ощущается не только в Турции, но и далеко за ее пределами. Во многих странах, где открываются школы Гюлена, уже задаются вопросом об истинной миссии движения турецкого проповедника.

Даже если рассматривать движение Фетхуллаха Гюлена исключительно как социальный феномен, в нем все равно проступают черты социальной инженерии. Само по себе оно напоминает протестантские миссионерские движения XIX в., у которых, правда, не было столь далеко идущих политических планов и претензий на власть. На сегодняшний день в распоряжении Гюлена и близких к нему структур свои средства массовой информации, широкая сеть лояльных движению государственных служащих, ученых, судей и прокуроров, университетов и школ, свои люди в силовых структурах и среди полиции, свои бизнесмены и бизнес-ассоциации, свои НПО, профсоюзы, учителя, врачи и медицинские центры.

Доподлинно неизвестно, сколько на самом деле школ Гюлену удалось открыть в Турции и за границей, поскольку часть из них создаются открыто, часть – просто имеют классы, сформированные из сторонников Гюлена, но скрывают свои тесные связи с его движением. К этому надо также добавить и специальные общежития для бедных студентов – т. н. «дома света» (*Işık Evleri*).

О географии распространения школ Фетхуллаха Гюлена можно судить по количеству стран, участвующих в международных конкурсах турецкого языка: 2003 г. – 17 стран, 2004 г. – 24, 2005 г. – 41, 2006 г. – 83, 2007 г. – 100, 2008 г. – 110, 2009 г. – 115, 2011 г. – 130.

У Гюлена есть свои телевизионные каналы (в Турции – это “*Samanyolu TV*”, в США – “*Ebru TV*” и “*Mehtap TV*”), его поддерживают и спонсируют бизнесмены из МЮСИАД. Под контролем Гюлена даже банк, работающий на принципах исламской «беспроцентной» экономики “*Asya Finans*”. Университет Фатих в Стамбуле и Международный университет в Виржинии (в США).

ется важнейшим принципом оценки произведения. Она остается в рамках литературных требований и конкретизируется в отдельных аспектах сочинения. Лишь иногда эта оценка дается в обобщенном виде, как, например, сделано в отношении «блестящих и роскошных» произведений Чу и Хань, которые «не возвращаются» (*бу хуань* 不還), т. е. не восходят к конфуцианству в своей основе.

Предсказательный характер канонических памятников. Реальная жизнь и стихия языка у Лю Се не разделяются. Доказательство на примере в речи является доказательством и для обозначаемых явлений. Если этого явления нет в жизни, то оно может быть предсказано и сбудется. Сам язык действует как своеобразная «Книга перемен». Лю Се подчеркивает, что каноническим текстам свойственно описывать аллегорически, они предметно говорят о «близком», но подразумевают «далекое». Это предостережение против прямого чтения канонических текстов рождает у современного человека впечатление, что каноны художественные и аллегорические по своей «жанровой» принадлежности. Однако имеется в виду совсем другое – предсказательный характер канонических памятников.

Рисунок и фон. Большинство описаний в трактате построено метафорически, как проступание рисунка на некотором фоне. Это можно считать как художественным приемом, так и особенностью методологии, поскольку взаимодействие «рисунка» и «фона» переносится Лю Се и на литературу. Личные и творческие качества авторов проявляются как узор, которому требуется фон. По мнению Лю Се, для литератора лично таким фоном должен выступать Конфуций, для его произведений – канонические памятники.

Гурия А.Г.

Развитие психологизма в рассказах Премчанда

Премчанд (1880–1936) – родоначальник жанра рассказа в литературе хинди и урду. В первом его сборнике, «Любовь к родине» (1907), психологию героев раскрывает почти только поэтико-риторический монолог в стилистике традиционной прозы урду. Рассказы начала 1910-х гг., вошедшие в сборник «Девять сокровищ» (1917), содержат большее разнообразие приемов: кроме монолога присутствуют ремарка-сентенция, мотивирующая поступки героев, сцена со сменой точки зрения (событие – реакция героя – событие – реакция и т.д.), контрастирование реакции героя контексту. Однако образы героев в этих квазиисторических рассказах строятся по традиционным канонам, полностью обусловлены их статусом или сюжетной ролью, и это иногда приводит к схематичности и даже противоречивости образов. В 1910-х же Премчанд начинает писать реалистические рассказы. Однако, хотя герои в них уже не тождественны заданному традицией сословному или ролевому идеалу, важнейшую роль здесь играет идеал добродетельного человека (*sajjan*). Почти все реалистические рассказы 1910-х построены на сопоставлении реального героя и этого идеала. Конфликт рассказа обычно связан с борьбой чувства и долга, с нравственным выбором. Последний и здесь оформляется как монолог, причем риторически-логизированный: двигателем решений героя оказывается только разум. Такое упрощение ведет иногда к неправдоподобным ходам сюжета и ослабляет убедительность образов. В 1910-х у Премчанда психологически сильны и достоверны отдельные сцены, но не всегда весь рассказ. В 1920-х картина меняется: идеал отодвигается из центра внимания на периферию, оставаясь как эталон для сверки, но не как основа, из которой создавался бы конкретный характер. Теперь основой становится реальный характер, узнаваемый и правдоподобный, поскольку типический. Типы его героев в 1920-х – социальные: пугливый и жадный лавочник, жестокий ханжа-помещик, простодушный крестьянин и т.п. Они функционируют так же, как разные животные в басне: каждый из них несет свой всем знакомый набор характеристик, из которых складывается характер. Психологизм создается всеми доступными

«Подъем» различных религиозных организаций в Турции в 1980-е и 1990-е гг. происходил параллельно распространению неолиберальных идей и усилению консерватизма, во многом был детерминирован этими процессами. В это время наблюдается фактическая легитимация, а порой и открытая поддержка разного рода религиозных общин, скомпрометированных и дискредитированных в первые годы существования Турецкой Республики, в форме организаций гражданского общества. Уход государства из экономической и отчасти социальной сферы или, выражаясь словами французского социолога Пьера Бурдьё, упразднение «левой руки государства» создали условия максимального благоприятствования для социально-политической активности религиозных движений и групп. За последние двадцать лет наряду с частными компаниями и фирмами религиозные общины с энтузиазмом заполняли образующийся с уходом государства вакуум, особенно это касалось сферы образования и здравоохранения. На сегодняшний день почти у каждой религиозной общины есть свои частные учебные заведения, медицинские центры, служащие целям расширения их социальной и финансовой базы.

География распространения Сулейманджи и Нурджу охватывает всю территорию Турции, по данным СМИ и публикациям на интернет-ресурсах этих организаций, их ячейки и отделения открыты и функционируют практически во всех 81 илех Турции. География распространения относительно небольших тарикатов и джемаатов не столь обширна: Кадирийя, Халветийе, Галибийя, Исмаилджилер, Джеррахилер, Ушшакилер, Мензильджилер, Тиллоджулар, Хакикатчилар, Меламилер имеют ячейки в Адьямане, Афьоне, Анкаре, Анталье, Айдыне, Батмане, Болу, Бурсе, Чоруме, Дюздже, Элязыге, Эрзуруме, Эскишехире, Газиантепе, Хатае, Стамбуле, Измире, Кайсери, Килисе, Конье, Кютахье, Манисе, Мардине, Сакарье, Шанлыурфе, Сиирте, Трабзоне, Ушаке, Ване.

Одно из наиболее влиятельных исламских движений в Турции – международное исламское миссионерское движение, возглавляемое Фетхуллахом Гюленом и являющееся частью Нурджу. На современном этапе исламизации Турции Гюлен и его группа играют очень важную роль, избавляя ПСР от обвинений в проведении насильственной исламизации турецкого общества.

Шлыков П.В.

Исламистские движения в Турции в 1990-е и 2000-е гг.: география и динамика распространения

Одной из отличительных характеристик общественно-политического процесса в Турции начиная с 1970-х гг. стала десекуляризация, получившая новый импульс после военного переворота 1980 г. Тюрко-исламский синтез выступил в роли «лекарства» от левых идеологий и превратился в один из системообразующих элементов политики правящего режима. Создававшаяся в стране атмосфера благоприятствовала расширению участия исламистов как в политической, так и социально-экономической жизни страны. В настоящей работе предпринята попытка проанализировать механизмы адаптации и внедрения «турецкого исламизма» в социально-политическую структуру Турецкой Республики. В фокусе исследования три взаимосвязанных процесса: поступательное расширение религиозной сферы, рост влияния турецкого исламизма и его взаимодействие с распространением неолиберальных идей, переформатирование военно-гражданских отношений. Эти процессы не только серьезно изменили облик и трансформировали турецкое общество, но и создали широкое поле для общественно-политической деятельности исламских движений и условия для прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР).

В фокусе исследования – влиятельные тарикаты и джемааты Кадирийя, Накшбандийя, Сулейманджи и Нурджу, а также ряд радикальных исламских организаций, ведущих свою деятельность на территории Турции, – турецкая ветвь Хизб ут-Тахрир аль-Ислами и Хезболла, а также Фронт исламских завоевателей Великого Востока (*İslami Büyük Doğu Akıncıları Cephesi*), механизмы их вовлечения в текущую общественно-политическую жизнь Турции и активность во время избирательных кампаний.

Влияние исламских организаций на общественно-политическую жизнь базируется и реализуется не столько через институт постоянного членства в тарикатах и джемаатах, сколько через подконтрольные им СМИ (газеты, теле- и радиоканалы), просветительские учреждения и организуемые массовые мероприятия.

способами. Монолог теперь используется при ироническом изображении героя; отвлеченная ремарка-сентенция становится конкретным житейским наблюдением; сцены со сменой точки зрения более часты и динамичны. В 1930–1936 гг. в рассказах Премчанда появляются типические образы не социальные, а индивидуальные. Если в 1910-х для него главное в рассказе – нравственная проблема, в 1920-х – общественные отношения и порожденные ими типы людей, то в 1930-х это почти всегда отдельный персонаж, со своим неповторимым характером, на раскрытие которого работает вся сюжетная схема: первое поверхностное знакомство – характеристика от автора – событие-испытание, заставляющее героя сделать выбор и проявить себя (при этом мотивировки и размышления героя сведены к минимуму) – нериторическое, максимально жизнеподобное развернутое высказывание героя (монолог или диалог), в котором раскрывается полностью его характер и оценка событий – итоговая сценка-описание. Развитие психологизма в рассказах Премчанда – яркий пример т.н. ускоренного развития литературы: от традиционных орнаментальных монологов через схематичную идеальность романтизма и рассудочное морализаторство Просвещения он шел к бытовому реализму и, наконец, к собственно реализму, сравнимому с работами величайших мастеров прозы XX в., и все это – за тридцать лет творчества.

Кузнецова Ю.А.

Динамика развития экспериментального театра в Китае в последние 20 лет XX века

Известный журналист и писатель Чжа Цзяньин отмечала, что 80-е гг. в Китае можно охарактеризовать следующими ключевыми словами: страстные, искренние, романтические, наивные, простые, стремящиеся к истине. Главной отличительной чертой 80-х в мире литературы и искусства можно назвать стремление художников к самостоятельному, индивидуальному осмыслению жизни в обществе. Недолгая «оттепель» вызвала к жизни надежду на свободное творчество без политической ангажированности. Однако уже в 1983 г. Дэн Сяопин выступил с программой

о возрождении курса Мао Цзэдуна в области искусства: «Мы должны продолжать идти в направлении, указанным нам Мао Цзэдуном. Литература и искусство должны служить широким массам». Более того, любое произведение, оставлявшее неблагоприятное впечатление о Партии или социалистической системе, подвергалось жесткой критике и не допускалось к печати. Как видно, механизм, регулирующий степень свободы выражения художественной мысли в искусстве, даже в эти «простые» и «романтические» годы сбоев не давал. В таких сложных и неоднозначных предлагаемых обстоятельствах разговорный театр *хуа цзюй* искал пути для раскрытия своего творческого потенциала. На протяжении более 50 лет он был эффективным инструментом, работающим в области реалистического отображения социальных конфликтов своего времени. «Прошло время, когда театр был только развлечением. Театр в современном обществе занимает важное место. Он – одно из колес, которое движет общество вперед; он – рентгеновский луч, обнаруживающий в обществе очаг болезни». Уже позже линия критического реализма в драматургии была мощно и талантливо продолжена Тянь Ханем, Цао Юем, Го Можо, отчасти Лао Шэ, а система Станиславского заняла прочное место в сценической реализации новых пьес.

Какие изменения в начале 80-х гг. произошли в области формы и содержания разговорной драмы, какова была динамика ее развития на протяжении последних 20 лет XX века – это центральные вопросы исследования, ответы на которые позволят нам комплексно изучить данное художественное явление.

В апреле 1982 г. на первом совещании драматургов и режиссеров, проведенном в Пекине, прошла дискуссия, где обсуждалось будущее разговорного театра. Поднимались вопросы, касающиеся художественного статуса *хуа цзюй* и ее целей. Слова Мао о пропагандистской направленности искусства отошли на второй план, первоочередная задача состояла в преодолении дискурса соцреализма посредством новой театральной эстетики, позволявшей экспериментировать с традиционными техниками *си цюй* и направлениями западного авангардного театра – символизмом, абсурдизмом, экспрессионизмом и сюрреализмом.

и, особенно, в силовых структурах. На фоне роста протестных выступлений и перехода от мирного сопротивления оппозиционеров к вооруженной борьбе, усилилась поляризация сирийского общества по принципу конфессиональной принадлежности. Подавляющее большинство оппозиционеров (как умеренных, так и радикально настроенных) составляют представители суннитского большинства, в то время как большинство алавитов не просто сохраняет лояльность властям, но и готовы защищать их.

При этом оппозиционные настроения отчасти затронули и алавитскую общину. Недовольство существующим положением вещей и стремление к демократическим переменам с целью построения гражданского общества свойственно части алавитской интеллигенции и молодежи. Однако даже эти гражданские протестные настроения сочетаются со страхом перед возможным силовым свержением правящего режима оппозиционерами-суннитами, среди которых широкое хождение имеют радикальные лозунги, призывающие если не к физическому истреблению, то к изгнанию алавитов из государственного аппарата и столичного региона.

В то же время, отождествление правящего режима с алавитской общиной представляется неверным в силу двух обстоятельств: во-первых, среди сторонников действующего президента Башара аль-Асада можно встретить далеко не только алавитов, но и представителей всех других конфессиональных общин Сирии, – фактически, власти продолжают пользоваться поддержкой большинства населения. С другой стороны, некоторые представители алавитской общины Сирии пытаются самостоятельно наладить диалог с представителями оппозиции. Но так или иначе, согласно большинству оценок, вопрос о сохранении или уходе от власти действующего президента и его сторонников во многом зависит от готовности алавитов с оружием в руках защищать власть и самих себя перед лицом вооруженной оппозиции (преимущественно суннитской по своему составу). Наличие алавитских общин в соседних с Сирией странах (в Ливане и Турции) способствует выходу внутрисирийского конфликта на региональный уровень и вовлечению алавитов Ливана и Турции в политическую борьбу в поддержку сирийских властей.

помочь в решениях о назначении должностей и пособий), хранящиеся в отделе рукописей Публичной библиотеки г. Рабата. Труд ас-Самлали любопытен тем, что почти не выходит за пределы официально признанных воззрений, и в большей степени, чем «Та'зим ал-мунна», отражает сущность религиозной политики двора.

Модернизаторская позиция Али ас-Самлали в наибольшей степени основывается на доверии к европейским достижениям. Отдавая дань традициям благочестивых предков (*ал-аслаф ас-салихун*), он призывал современников осознать корни материальной мощи европейцев и вооружиться их знаниями в инженерном деле, медицине, политике, экономическом строе и военных порядках. «Эти науки, как и другие, – писал ас-Самлали, – что увеличиваются числом и разветвляются, потребны для отражения вреда и приобретения благ ... и для всего, что относится к вере, телесному бытию и делам сего мира, и к труду посредством тела, движения души, или души и тела, – все это в Коране». Поддерживая реформы султанов второй половины XIX столетия – Сиди Мухаммада (1859–1873 гг.) и Мулай ал-Хасана (1873–1894 гг.), – Али ас-Самлали видел в рациональной системе знаний единственное для Дальнего Магриба средство преодолеть европейское вмешательство и достойно встретить перемены предколониальной эпохи.

Жантиев Д.Р.

Алавитская община Сирии на фоне революционных событий

Представляя собой меньшинство среди населения Сирии, представители алавитской общины, тем не менее, занимают доминирующее положение в политической системе Сирийской Арабской Республики. В силу теснейшей связи правящего режима с алавитской общиной, являющейся его главной социально-политической опорой, революционные протестные выступления против властей, начавшиеся в Сирии весной 2011 г., оказались во многом направленными против «засилья алавитов» во власти

Хуа цзюй трансформировалась в экспериментальную драму (не финансируемый государством театр «малой сцены»), но не превратилась в интеллектуальный продукт, понятный лишь искушенным театраловедам. Знаковые пьесы театра были ориентированы на болезненные вопросы настоящего, проблемы осмысления прошлого Культурной Революции. На свой страх и риск драматурги обращались в своих текстах к темам-табу, а эксперименты в области формы служили некой ширмой, прикрывающей их стремление к *запретному плоду*.

Кукушкина Е. С.

Жанровые и художественные особенности аллегорической прозы Малайзии

Традиция создания аллегорических произведений с зооморфными героями имеет давнюю историю в малайской словесности. С одной стороны, у нее глубокие местные корни в виде очень развитого жанра животной сказки, с другой стороны, она подпитывалась внешними влияниями – сначала индийским, позднее ближневосточным.

Если в прозе образцы аллегорических произведений относительно немногочисленны (например, «Повесть о хитроумном мышине оленькэ», «Повесть о Калиле и Дамине» и др.), то в поэзии они получили большое распространение. В тематическом разнообразии повествовательных поэм-*шаири* выделяется довольно большой круг популярных аллегорических произведений. В свою очередь, данная группа включала несколько категорий: это были *шаиры* любовного, религиозно-философского и условно «социально-политического» содержания. Все они были в значительной степени проникнуты учительным пафосом.

Имея в виду достаточно прочную преемственность с традицией, которая по ряду параметров обнаруживается в малайской литературе Новейшего времени, можно было бы предположить, что интерес авторов к созданию аллегорических произведений найдет свое продолжение и в период современности (с первой

четверти XXв.). Однако в развитии аллегорической традиции в довоенный и военный период происходит некоторый спад.

Возможно, это объясняется тем, что в первой половине прошлого столетия малайские литераторы активно вырабатывали принципы реалистического изображения действительности. Аллегория наряду другими формами художественного вымысла временно утратила актуальность. Однако положение изменилось после Второй мировой войны, особенно в 1960-х гг. Вышел в свет ряд аллегорических романов и многочисленные рассказы-аллегии. Подобные произведения выходят по сей день.

Изучение современных аллегорий позволяет сделать следующие наблюдения:

В отличие от средневековых произведений, больше создаются прозаические аллегии.

В них, как правило, отсутствует или не играет ведущей роли любовная линия. Иногда наблюдается появление религиозно-мистических аллегорий. Безоговорочно преобладает общественно-политический подтекст, который в традиционных произведениях обычно лишь угадывается; ныне доминирует злободневная проблематика с аллюзиями на конкретные события.

Сюжет и композиция современных аллегорий подчеркнута просты. Сюжет, как правило, развивается однолинейно, чаще следуя хронологическому ходу событий, лишь иногда включая несложные и небольшие по объему отсылки к прошлому.

Количество действующих лиц ограничено, их образы не разрабатываются, и в большой степени символически обусловлены традиционным восприятием (Мышь-полёвка, Колченогий таракан и т. д.).

Язык произведения лаконичен, стилистические украшения скудны, дескриптивный элемент сводится к минимуму. Создается впечатление, что нынешние авторы в целом более скупы на художественные приемы даже в сравнении с традиционными литераторами, которые прибегали к клишированным описаниям.

Психологическое состояние героев дается в общем виде, в основном с помощью прямолинейных эпитетов, которые иногда могут отсутствовать. В этом случае читатель может понять душевные переживания героев только из их реплик.

В творческом наследии алима, чиновника и историка Ахмада ан-Насири мы наблюдаем высокую степень интереса к Европе и модернизации, а также многогранное истолкование понятий *джихада*, *васка* и *бид'а*. В этом плане показателен не только 9-й том его летописного свода «Китаб ал-истикса», но и рукописное сочинение ан-Насири «Та'зим ал-мунна би нусрат ас-сунна» (Увеличение жизненных сил путем поддержания сунны), хранящееся в отделе рукописей Публичной библиотеки г. Рабата. Этот трактат, написанный в 80-х годах XIX в., представляет собой своего рода манифест восприятия высокообразованным алимом практических задач, стоящих перед мусульманским государством в эпоху военного и политического преобладания Европы. При изучении взглядов ан-Насири бросается в глаза выраженный рационализм его мировосприятия. В отличие от большинства современных ему законовевов, он подходил к провозглашению «священной войны» реалистически, признав, что «осуществление джихада приостановилось в наши времена из-за ослабления могущества мусульман». Воззрения ан-Насири демонстрируют облик салафита-прагматика, отличающего недопустимость нововведений в вероучении и в законодательстве от желательности обновления и модернизации в материальной сфере. Отношение его к европейской культуре двойственно: подчеркивая, что она угрожает «арабской исламской сущности» Марокко, он с гордостью описывает элегантность стиля европейской мебели, заказанной для нового дворца султана Мулай ал-Хасана (1873–1894 гг.). Наконец, внешне сходясь с ваххабитами в призыве изгнать «иллюзии людей нововведений и заблуждений», ан-Насири в качестве средства *иджтихада* избрал не столько, как писал марокканский историк Хусни Абд ал-Латиф, «кристаллизацию значений, свойственных айатам Корана», сколько выведение логических заключений посредством разума.

Наряду с текстами ан-Насири свободный подход к *иджтихаду* и пропаганда идеологии *махзена* свойственны творчеству Али ас-Самлали. Он также принадлежал к элите, сориентированной на торговлю с Европой и правительственную службу, и в 80-х годах XIX в. составил по просьбе Ахмада ибн Мусы (камергера султана Мулай ал-Хасана) сочинение «Китаб 'инаят ал-исти'ана фи хукам ат-таузиф ва-л-ма'ана» (Книга попечения о просьбах

Орлов В.В.

Духовно-культурная адаптация алимского корпуса Марокко к европейскому опыту реформ (XIX в.)

Обращаясь к анализу воззрений марокканских ученых мужей (*улама*) и их общественно-политической деятельности в 60–70-х гг. XIX в., мы сталкиваемся с двумя принципиально различными подходами к делу преобразования Дальнего Магриба и возможностям заимствования извне. Первый такой подход основывался на необходимости «сбережения пользы общины» (*харас 'ала масалих ал-умма*) как в этом мире, так и в потустороннем. Он логически вел алима к творческому применению рационального истолкования священных текстов (*иджитихада*) и сужению спектра применимости понятия «недозволенного нововведения» (*бид'а*). Второй же подход исходил из опасения перед преобразованиями как проводником иноземного вмешательства, угрозой разрушения сложившихся веками духовно-юридических порядков и краха политической независимости страны. Значимость «пользы общины» здесь отступала на второй план перед необходимостью противостояния (*джихада*) «неверным» и сопровождающему их появлению техническому превосходству (даже ценой критических человеческих и финансовых потерь).

Противоречивость идейных устремлений марокканских улама 60–70-х годов наглядно видна из предметов критики алимами проектов и действий алауитского двора. Наиболее острыми для правоведов Марокко оставались проблемы неправомерного взимания налогов, не освященных Кораном и сунной (*мукус*), экспорта «неверным» продовольствия (*васк*), высокого уровня коррупции в султанском правительстве (*махзене*) и военно-технических заимствований при организации регулярной армии (*джайш ан-низам*).

Разнообразие идей и воззрений, волновавших алимский корпус Дальнего Магриба в 60–70-х годах, возможно проиллюстрировать на примере творчества и политической деятельности двух видных представителей ранней салафитской мысли в Марокко – Ахмада ибн Халида ан-Насири (1835–1897) и Али ибн Мухаммада ас-Самлала (ум. в 1893 г.).

Современные аллегории обычно пронизаны назидательностью или подчинены определенной идее, связанной с поднимаемой автором общественной проблемой.

Аллегории, созданные конкретными авторами резко контрастируют с другими их произведениями. Независимо от творческого метода писателя, неаллегорические произведения значительно богаче средствами художественной выразительности и часто гораздо менее дидактичны.

Перечисленные выше особенности во многом характерны для аллегорических произведений как таковых. Однако в литературе Малайзии мы наблюдаем определенную динамику: дидактическая (или идеологическая) установка начинает существенно преобладать над художественностью. Этот процесс настолько заметен в аллегориях последних десятилетий, что независимо от их принадлежности к романистике или новеллистике, возможно, есть основания выделять эти произведения в отдельную жанровую форму.

Осипова К.Т.

Искусство быть идеальным сотрапезником (на материалах трактатов IX–XIV вв.)

Сотрапезник или *надим* представлял отдельную категорию людей в придворной жизни Халифата. Описание надлежащих качеств и умений *надима* встречается как в крупных трудах синкретического характера (например, ал-Джахиз (776–868) «*Китаб ал-бухала*»), ал-Мас'уди (896–956) «*Мурудж аз-захаб*», ал-Нувайри (1279–1332) «*Нихайат ал-'араб фи фунун ал-адаб*»), так и в специальных трактатах (Исхак ал-Маусули (ум. 850) «*Китаб ан-нудам*»), 'Али ибн 'Убайда ар-Рихани (ум. в начале IX в.) «*Китаб мадх ан-надим*», Кушаджим (ум. 961) «*Адаб ан-надим*»). Материалы немногочисленных сохранившихся трактатов по нормам, которые должен усвоить желающий стать сотрапезником (или *адаб ан-надим*), создают собирательный образ идеального человека, едва ли не самого разносторонне развитого представителя общества.

Сам термин *надим*, по указанию филологов, происходит от глагола *надама* «сожалеть», т.е. это либо «человек, от расставания с которым сожалеют», либо «который сам жалеет, что наговорил или натворил лишнего, будучи пьяным» (Кушаджим, ар-Ракик ал-Кайрауани (ум. 1027)). Среди терминов, обозначающих схожий тип людей: *адиб* («эрудированный человек»), *джалис* («собеседник»), *зариф* («изысканный, рафинированный», понятие более широкое, чем *надим*), *муджун* («чрезмерно увлекающийся запретными удовольствиями»).

Данный слой общества можно изучать в нескольких направлениях. Правила и нормы поведения *надима* могут служить основой для анализа развития придворного этикета. Образ сотрапезника будет стилистически отличаться в зависимости от того, в прозе о нем идет речь или в поэзии. Прозаический материал отличается четкостью, даже некоторой сухостью повествования, избыточностью в описаниях, т.к. в нем речь идет о *надимах*, обеспечивавших «службу настроения» правителей. Поэзия же, главным образом, посвящена *надимам*-друзьям, т.е. людям равноправным, тем, с кем можно посоревноваться в щедрости и доблести. Поэтому пассажи, отведенные теме сотрапезника в *касыдах*, отличаются большей образностью и экспрессией.

Особый интерес представляет рассмотрение качеств сотрапезника. В целом источники рисуют человека, который имеет приятную внешность, хорошо одетого, глубоко осведомленного во всех науках, владеющего кулинарным мастерством, военным делом и прекрасно играющего в разные игры; при этом он искусный психолог, красноречивый рассказчик и надежный человек.

Манера подачи темы *надима* отличается в разных трактатах. Так, в главе, отведенной качествам сотрапезника в труде «*Китабат-тадж*», приписываемой ал-Джахизу, акцент сделан на физиологическо-медицинские описания придворных *надимов*. Ибн ал-Му‘тазз (861–908) в антологии «*Фусулат-тамасил фи табашир ас-сурур*» намеренно не касается сотрапезников правителей, поясняя, что «требований в этом деле больше, чем пользы» и говорит только о пирующих на равных. Самым богатым фактами источником является книга Кушаджима «*Адаб ан-надим*», в частности главы «О характере и нравственных

сти в 35 общенациональных газетах сотрудничают 494 ведущих колумниста. За время правления ПСР число авторов комментариев существенно выросло, превратившись в новую влиятельную элитарную группу. В начале 2000-х гг. вышедшие на первый план журналисты в большей части относились к Доган групп, но при ПСР положение несколько изменяется и растёт число тех, кто скрыто или открыто поддерживает правящую партию. Среди них можно назвать таких влиятельных авторов как Али Булач, Али Байрамоглу, Омер Лютфи Мете и др.

Важным результатом процессов, происходящих в турецких медиа в последнее десятилетие под влиянием команды Эрдогана, является формирование новых медийных холдингов и обретение ПСР не просто партнёрской группы, как было в случае с Доган групп с 2002 по 2007 гг., а идеологически дружественных медийных холдингов, например группа Ахмеда Чалыка. В отношении последних правительство создаёт максимально благоприятные условия, способствующие росту их влияния и процветания бизнеса. Это вполне объяснимо, т.к. медийную часть холдинга Чалыка возглавляет зять Эрдогана.

ПСР, осознавая важность СМИ, в последние годы предпринимает энергичные усилия по установлению своего контроля над ними. Наиболее ярким примером этого могут служить меры, предпринимаемые против ранее дружественной Доган групп. Её вытесняют с рынка в пользу «зелёных» медиахолдингов, Ихляс холдинг, группа Чалыка и др. Как говорится: «друзьям – всё, а противникам – закон». В сегодняшней Турции СМИ, принадлежащие противостоящим лагерям, борются не только за право выражать свои собственные интересы и цели, но так же и подавлять взгляды оппонентов. В сущности пресса и телевидение на своих первых полосах и сводках новостей демонстрируют свою крайнюю ангажированность.

большинство. С момента прихода к власти партия действовала осторожно; сосредотачивалась на обеспечении выхода из рецессии, продвигала либеральные реформы, необходимые для того, чтобы предоставить Турции возможность ведения официальных переговоров о членстве в ЕС. Благоприятная международная конъюнктура помогла экономике очень быстро прийти в норму. ПСР выступила самым успешным «приватизатором» государственных компаний, и Доган Групп была одним из основных бенефициаров этих операций по приватизации.

Когда ПСР объявила о досрочных выборах в 2007 г., то владельцы крупных и средних капиталов, либеральные интеллектуалы и профессура, некоторые сегменты политизированных курдов, религиозные тарикаты все могли найти что-то для себя в ПСР. Более того, имела место беспрецедентная поддержка со стороны медиа с тех пор как в дополнение к государственному радио и телевидению правящая партия теперь напрямую контролировала вторую крупнейшую медиагруппу Ахмеда Чалыка в стране, включающую крупнотиражную газету «Сабах» и ведущий частный телеканал ATV. Более того, самые мейнстримовские медиа отражали проправительственную точку зрения. Однако положение изменилось самым драматическим образом вслед за впечатляющей победой ПСР на парламентских выборах 22 июля 2007 года.

Воодушевлённая очевидной поддержкой электората и уверенная в прочном большинстве в меджлисе ПСР оставила свою прежнюю политику поисков консенсуса. После того как бывший министр иностранных дел А. Гюль стал президентом, ПСР могла позволить себе отказаться от своей умеренной позиции. Теперь можно было с гораздо меньшими затруднениями продвигать своих активных и /или проверенных сторонников в верхние эшелоны госаппарата и оказывать материальные поощрения своим сторонникам.

Начиная с 1990-х гг. в турецких медиа растёт число колумнистов. Постепенно газеты всё больше удаляются от своей основной функции «сообщать новости» и переходят на распространение комментариев, рассматриваемых как более эффективное средство манипулирования общественным мнением. Согласно информации Генеральной дирекции по печати и издательской деятельности

качествах *надима*» и «О беседе». Последующие филологи (например, ал-Кайрауани в трактате «*Кутб ас-сурур*» и ан-Наваджи (1385–1454) в «*Халбат ал-кумайт*») систематизировали материал, встречающийся у предшественников, ничего нового в целом не добавляя.

Репенковой М.М.

Модели мира в реализме, модернизме, постмодернизме

Реализм, модернизм и постмодернизм – господствующие идейно-эстетические системы XX в., за каждой из которых стоит своя «модель мира». В реалистическом искусстве эта «модель» основывается на «непоколебимой иерархии материалистического детерминизма викторианской морали» (И. Ильин), иными словами на бесспорной доминанте внешнего объективного мира вещей/предметов, который способно правильно осмыслить и понять человеческое сознание. На этой «модели», ведущей начало от Аристотеля, римской логики, средневековой схоластики и получившей окончательное воплощение в картезианстве, и строится всё западноевропейское искусство Нового времени. В основе реалистической образности лежит принцип мимесиса – максимально жизнеподобного, узнаваемо фигуративного отражения материального мира в произведении, т. е. таким, каким видит его человек. При этом реалистический образ не является просто удвоенной копией мира. Это концентрированная копия, в которой автор типизирует/обобщает явления внешнего мира на основе своего эстетического идеала, жаждающего на гуманистической триаде «истина – добро – красота»: человек ставится в центр Вселенной; вера в его разум безгранична; прекрасным представляется только нравственное. Постепенное изнашивание кодов реалистического искусства приводит к его чрезмерной «идеологизации» (социалистический реализм в СССР и его национальные модификации в странах Востока, например, «социальный реализм» в Турции) и стереотипизации (использование писателями утвердившегося набора художественных средств).

Модернизм – идейно-эстетическая система, включающая в себя авангардные течения в культуре первой половины XX века (фовизм, кубизм, дадаизм, конструктивизм, экспрессионизм, футуризм, сюрреализм, символизм и др., а также крупные фигуры, не принадлежащие ни к одному из указанных течений арт-деятельности – Джойс, Пруст, Кафка и т. п.), и собственно модернизм/академизировавшийся авангард 1940–70-х гг. (экзистенциализм, фрейдизм, конкретное искусство, поп-арт, кинетизм, минимализм, концептуализм и т. п.). «Модель мира» модернистского искусства основана на признании доминанты внутреннего, субъективного мира (сознания и бессознательного) над миром внешним, объективным. Подчёркнутая субъективность индивидуального мировидения, ориентация на новизну как главный критерий оценки художественных произведений приводит к многим инновациям в художественно-эстетической системе модернизма: к отказу от миметического принципа искусства и принципов антично-винкельмановской эстетики. Иными словами, модернисты «от изображения предметов перешли к изображению идей: художник ослеп для внешнего мира и повернул зрачок внутрь, в сторону субъективного ландшафта» (Х. Ортега-и-Гассет). Для модернистских образов характерен отказ от фигуративности: деформация контуров предметов и форм, изменение привычной перспективы, излишняя внешняя усложнённость или простота. Всё это призвано подчеркнуть, что перед читателем не жизнь, а художественный продукт, артефакт. В итоге, модернистское искусство предлагает новую парадигму, новый способ видения мира, уводящий от реальности массового буржуазного общества XX века и предлагающий противопоставить типичному, стандартному, штампованному уникально неповторимое, существующее в единственном экземпляре (символистское царство «Истины и Красоты», экзистенциалистскую экзистенцию и т. п.).

Постмодернистская «модель мира» не признаёт преимущества ни одной из сторон оппозиции внешнее (мир объективной реальности) – внутреннее (субъективный мир человеческого сознания и чувств). Для постмодернистов всё представляет собой текстовую знаковую гиперреальность, к которой они подходят с позиций плюралистической, релятивистской эстетики. Во многом продолжая авангардно-модернистское искусство XX века (отказ мимесиса;

сом, характеризующимся растущей концентрацией производства. Поэтому стартовый капитал, потребный для издания общенациональной газеты весьма значителен. Но его качество прибыли совершенно низкое из-за очень острой конкуренции на рынке. Вследствие этих обстоятельств общее финансовое положение турецкой национальной печати весьма слабое и очень уязвимое. В результате поглощений на медийном рынке стали доминировать всего лишь несколько групп. Крупнейшей из этих групп является Доган групп, владеющая семью общенациональными газетами, включая ежедневную газету на английском языке.

Вновь созданная Партия справедливости и развития (ПСР) позиционировала себя как консервативную партию, которая защищает либеральную рыночную экономику и членство Турции в ЕС. Спустя короткое время большое число правоцентристских политиков и интеллектуалов вступило в ряды ПСР. Организация крупного турецкого бизнеса ТЮСИД, выражавшая взгляды неолиберального крупного бизнеса, заинтересованного в политической стабильности, не скрывала к партии своей симпатии. Причина, по которой они почти с энтузиазмом приняли ПСР являлось то, что партия, представлялась единственным политическим актором со значительной массовой поддержкой, способным обеспечить выполнение копенгагенских критериев и продвинуть вперёд интеграцию в ЕС. Обращение ПСР к либеральной и симпатизирующей левым интеллигенции основывалось в первую очередь на её про-европейской позиции. Газета «Хюрриет», принадлежащая Доган Групп, известная как «флагман» турецких СМИ приветствовала создание ПСР как противоядие исламистам и разрушающемуся политическому центру. Её передовицы и колумнисты с рвением подчёркивали тот факт, что новая партия называла себя «консервативно-демократической», а не «исламско-демократической». Действительно, почти все медиа, отражавшие мейнстрим, старались легитимизировать партию и её лидера Эрдогана.

Победа ПСР на досрочных парламентских выборах 3 ноября 2002 г. была одержана в немалой степени благодаря смятению в рядах её оппонентов, чем её собственным силам. Тем не менее, особенности избирательной системы обеспечили партии солидное

ческие газеты были далеки от самокупаемости. Поэтому все они в значительной степени зависели от прямых или косвенных субсидий со стороны государства. Самой важной и наиболее распространённой их формой была публикация финансируемых правительством официальных объявлений.

После военного переворота 27 мая 1960 г. военный режим принимает новый Закон о печати. Он не только расширил свободу прессы, но также и обеспечил гарантии для работы журналистов. Появление коммерческой массовой прессы, усвоившей общепринятые взгляды и концентрирующей на публикации сенсационных материалов за счёт политических новостей, означало конец узкопартийной прессы. С принятием в 1980-х гг. рыночной и экспортноориентированной экономической стратегии модернизации Турция пережила важные изменения в экономической, социальной и политической сферах. Одной из конкретных иллюстраций этих изменений является квази-тотальная трансформация медийного пространства.

Современное состояние СМИ Турции является результатом почти полувекового процесса развития коммерческой прессы, в результате которого в этой области произошло формирование крупных медийных холдингов. Однако подобно многим странам, где имелся недостаток накопления капиталов, в Турции продолжает сохраняться высокий уровень взаимосвязи между государством и владельцами СМИ. Эта взаимосвязь реализуется или в форме субсидий и режима регулирования, или в форме клиентельных связей.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Турция в результате трансформации инфраструктуры средств коммуникации быстро продвигалась от сравнительно слаборазвитой медийной среды к качественно новому уровню её развития. В 1993 г. тираж ежедневных газет достиг 4 млн. экземпляров. Рост числа читателей общенациональных газет привёл к фактической ликвидации региональных и местных газет. Более того, три ведущие общенациональные газеты «Хюрриет», «Сабах» и «Миллиет» с целью увеличения своих тиражей распространяют среди своих читателей бесплатные энциклопедии. Сегодня газетная индустрия в Турции, подобно большинству стран современного мира, является крупным бизне-

использование игрового принципа искусства с восстановлением мощном игровом поле прежних крупных стилей; иронизм; особое внимание к субъективности – сознанию и бессознательному), постмодернизм развивает идеи своих предшественников в ином направлении, на принципиально иной мировоззренческой основе (постнеклассической философии). Например, его интересует не столько индивидуальное, сколько массовое сознание, не столько личное, сколько коллективное бессознательное, их роль в историческом процессе. В отличие от модернизма он имеет дело не с реальностью «внутренних миров», а с реальностью мира-текста – мира знаков, что позволяет ему освободиться от власти Трансцендентального Означаемого (внетекстового голоцентрического детерминанта), воплотить представление о множественности истины, отрицающее моноцентризм любой из мировых идей. Он использует новый тип знака (симулякр) – деконструированный знак со скользящим означающим, которое может отсылать лишь к другому означающему в мире-тексте. А так как все означающие здесь связаны ризоматическими связями и отсылают друг к другу, то означаемое симулякра оказывается множественным. В то время как в модернистском типе знака означающее сопрягается с воображаемым означаемым и господствует над ним при том, что в разных авангардно-модернистских течениях связь означающего и означаемого колеблется в сторону ослабления взаимной зависимости.

Постмодернизм заменяет аутентичную (подлинную) реальность виртуальной, совершив рывок от фигуративности реализма и нефигуративности авангарда и модернизма к «новой фигуративности» с её реабилитацией телесности в виртуальном «новом натурализме». Постмодернизм выдвигает иную эстетику, в которой берёт верх принцип релятивизма – границы эстетического максимально расширяются, утрачивают чёткость, высокое/духовное уравнивается с низким/телесным, а чувственно-эмоциональное с рациональным. Это и много другое приводят к тому, что в постмодернистском искусстве, которое часто уже и не называет себя искусством, но арт-практиками, арт-проектами, арт-производством и т. п., единственным художественным «критерием» становится по-новому понятая конвенциональность – художник сам даёт объекту имя произведения искусства.

*Семенюк М.В.***Трансформация реализма в творчестве Ван Аньи.**

Характеристика художественного произведения в рамках литературного направления - один из значимых ракурсов литературоведческого исследования. Это верно и для исследований китайской современной литературы, однако во многих произведениях нового и новейшего времени мы можем наблюдать процесс синтеза и трансформации признаков литературного направления в произведении. Исследуя этот процесс на материале творчества известной шанхайской писательницы Ван Аньи, мы можем отметить полифоническую структуру художественных приемов и трансформацию в частности реалистического художественного метода.

В творчестве Ван большую роль играют такие литературные направления как критический реализм и социалистический реализм, что в целом характерно для писателей второй половины XX века. Черты реалистического направления ярко представлены в ее произведениях: глубокий психологизм, развитая художественная деталь, освещение актуальных исторических и социальных противоречий общества. Многие исследователи также отмечают «панорамность» творческой манеры - широкий охват тем и проблематики, объемное художественное изображение, характерное для произведений и крупной, и малой формы.

Одновременно при анализе структуры и средств художественной выразительности мы можем обнаружить признаки значительного отхода от реалистического метода. Это в первую очередь создание принципиально иного хронотопа произведения: на плане времени присутствуют такие приемы как «размывание» времени, осуществление временной характеристики исключительно посредством художественно-бытовой детали, широкое использование субъективного времени, олицетворение времени и конструирования времени как самостоятельного персонажа со своей телесной формой, модальностью и авторской позицией в произведении. В плане пространства - создание псеводокументального пространства и прием «растворения» пространства во времени или в системе персонажей. Нужно отметить разработку

**Религия стран Азии и Африки:
история и современность***Шлыков В.И.***Исламистская «Партия справедливости
и развития» и СМИ в Турции**

Общеизвестно ключевое место, занимаемое СМИ в общественной жизни, но ещё более важную и определяющую роль они играют в политической жизни. Современную подлинно представительную демократию невозможно себе представить без свободных СМИ. Рост числа политических партий происходит параллельно с увеличением числа СМИ, выражающих различные политические интересы и предпочтения. В отличие от западных стран исторически турецкая пресса была укоренена в мире политики и литературы, и отношения между политикой и масс-медиа в Турции были всегда и продолжают оставаться очень тесными.

Переход к многопартийной системе в 1946 году также повлиял на структуру масс-медиа в Турции. Во-первых, вновь созданная Демократическая партия связала себя с оппозиционной прессой, и подобная политическая инструментализация вела к появлению политической партийной прессы в Турции. В результате борьба за свободу прессы становится центральной темой политического соперничества. Во-вторых, с созданием в мае 1948 года газет «Хюрриет» и «Миллиет» возник новый тип прессы – коммерческой, единственной целью которой было получение прибыли, а не обслуживание определённого политического направления. Эти газеты были нацелены на финансирование за счёт публикации рекламы. Однако в связи с узостью рынка СМИ коммер-

прилагают усилия для обучения китайского персонала и передачи ноухау. Большое внимание уделяется максимальному упрощению эксплуатации и эффективному распределению функций между работниками.

В отношении материалов и компонентов с наиболее серьезными проблемами сталкиваются японские компании, которые перешли на материалы китайского производства. В этом случае японские предприятия стремятся учитывать менталитет китайских поставщиков и применять соответствующую переговорную тактику. Компания KPI Management дает японским компаниям следующие советы: как можно чаще посещать заводы и фабрики поставщиков; не показывать поставщику, что у заказчика нет другого выбора; постоянно напоминать поставщику о своих требованиях; выбрать поставщика и «воспитать» его под свои требования; хорошо координировать работу отдела разработки продукта и технического отдела с отделом, занимающимся закупкой деталей и компонентов для производства.

Безусловно, все эти советы представляют ценность и для других иностранных заказчиков.

нереалистического типа героя, при этом чаще всего главного героя: героя-ярлыка, героя-мифа, героя-иллюзии. Также важно, что художественном мире произведений Ван олицетворение из стилистического становится структурным приемом. В сюжетах и конфликтах произведений Ван мы тоже видим ряд нереалистических художественных приемов: создание сюжета по типу истинно-ложного повествования, присутствие параллельного повествования, формирование не динамического, а антитетического конфликта. Значимым признаком является и использование приема «хоушэ», темы «осознанной литературности», а также широкое использование и отсылка к приемам живописного или кинематографического творчества.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, внешне оставаясь в рамках реалистического художественного направления, внутренняя структура произведений Ван обнаруживает принципиально иные художественные приемы и явления, посредством чего формируется полифоническая художественная ткань.

Африканистика

Громова Н. В.

Первый опыт университетского преподавания языка суахили

В историографии отечественной африканистики возникновение и первые шаги африканского языкознания изучены довольно слабо. Так, общепризнано, что Дмитрию Алексеевичу Ольдерогге (1903-1987) по праву принадлежит заслуга в постановке преподавания и изучения в советской России важнейших языков Африки южнее Сахары. Но документальные подтверждения не всегда точны, об этом периоде его преподавательской деятельности сохранились лишь скудные строчки в личном деле.

В своей биографии он пишет: «В 1931 г. при организации отделения Черной Африки (негритянского отделения) в Ленинградском Восточном институте им. Енукидзе был приглашен в качестве профессора и с этого года веду в Восточном Институте преподавание языков суахили и хауса».

Позднее, в автобиографии 1940 г., отмечается, что «В 1927–28 гг. был в заграничной командировке от АН для получения специального образования по африканским языкам. Работал в Seminar für Orientalische Sprachen у профессора Вестермана... В 1929 г. читал курс этнографии в ЛГУ. В 1931 (30) – 33 (34) гг. был приглашен в Ленинградский Восточный Институт, где в течение 2 курсов вел язык суахили». В анкетном листе (ф. 142, л. 106) архива РАН

неуклонно повышаются, проблема контроля качества продукции в Китае вызывает большие опасения у иностранных инвесторов и заказчиков. Сохраняется негативное отношение многих потребителей к ярлыку «сделано в Китае». Наличие проблем с качеством китайской продукции подтверждает и статистика брака продукции китайского происхождения в США и странах Евросоюза. Кризисом имиджа Китая как производителя можно считать 2007 год, когда по всему миру прокатилась волна возвратов товаров, сделанных в КНР.

Важно отметить, что ответственность за контроль качества лежит не только на китайских производителях, но и на иностранных заказчиках. Учитывая активность использования японскими компаниями Китая как производственной базы и успехи японских предприятий в организации производства качественной продукции, их опыт контроля качества в Китае представляет большой интерес.

Японская консалтинговая компания KPI Management делит проблемы контроля качества, с которыми сталкиваются японские предприятия в Китае, на три группы: 1) проблемы, связанные с персоналом (человеческий фактор); 2) проблемы, связанные с производственным оборудованием; 3) проблемы, связанные с материалами и компонентами.

С точки зрения персонала, основными проблемами, с которыми сталкиваются японские компании в Китае, являются: низкая квалификация местной рабочей силы и непопулярность японских предприятий среди квалифицированного китайского персонала; высокая мобильность рабочей силы; различие менталитета китайских наемных работников и японских управляющих. В связи с этим японские предприятия прилагают усилия для создания адекватной модели управления персоналом, которая повысила бы их привлекательность как объекта трудоустройства среди китайцев и способствовала бы воспитанию среди наемных сотрудников соответствующей культуры контроля качества и преданности компании.

Часто к проблемам с качеством производимой в Китае японской продукции приводит неправильная эксплуатация оборудования. Для устранения этой проблемы японские предприятия

лось в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и после него. Все чаще стали говорить о ТНК из развивающихся стран, ТНК из стран Востока. Все чаще ТНК в странах Востока – это ТНК из (других) стран Востока. Присутствие ТНК из стран Востока и – шире, капитала из стран Востока – среди элиты транснационального бизнеса стало более заметным. ТНК из стран Востока по сравнению с «классическими» западными ТНК обладают определенными специфическими чертами и с точки зрения ведущих отраслей их деятельности, и с точки зрения структуры их капитала (среди них много государственных и полугосударственных компаний). Наряду с ТНК из стран Востока увеличила в 2000-х гг. свои прямые зарубежные инвестиции и другая группа инвесторов из стран Востока – фонды национального благосостояния из арабских стран Персидского залива, КНР, Сингапура, Южной Кореи. В целом роль стран Востока в международном движении капитала приобрела менее асимметричный характер, они становятся активными субъектами этого процесса.

Следует отметить что, показатели, характеризующие ПИИ, – это только видимая часть «айсберга». Значительная часть зарубежных операций ТНК сегодня, в том числе и в странах Востока, – это так называемые неакционерные формы сотрудничества, причем для отдельных отраслевых направлений деятельности ТНК (и для стран Востока, в которых получили развитие именно эти направления) характерны свои специфические неакционерные формы сотрудничества.

Кульнева П.В.

Проблема контроля качества при производстве в Китае и опыт ее решения японскими компаниями

За несколько десятилетий политики реформ и открытости Китай превратился в центр мирового производства и стал одним из самых популярных направлений производственного аутсорсинга. Хотя роль китайской экономики в мировой цепочке создания стоимости и технологический уровень китайской продукции

указаны даты «1930–34 гг. – Ленинградский Институт восточных языков – доцент, профессор».

Чаще упоминается 1931 год как начало преподавания языка суахили: В 1931 г. студенты африканского цикла Восточного Института (на котором учился и будущий первый директор Института Африки И.И. Потехин) «обратились к Дмитрию Алексеевичу с просьбой расширить преподавание, были включены в программу занятия по истории и географии Африки, по языку и литературе суахили».

Сам Дмитрий Алексеевич окончил этно-лингвистическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, где изучал древние восточные языки и стал египтологом. На работу по окончании университета был принят в Музей антропологии и этнографии, где стал интересоваться историей Западного Судана и приступил к изучению языка хауса. Африканские языки он изучал во время заграничной командировки, посещая семинары профессора Д. Вестермана.

В связи с реорганизацией Восточного института преподавание африканских языков было прекращено. Но в 1934 г. в Историко-филологическом институте (ЛИФЛИ) при ЛГУ была организована кафедра семито-хамитских языков и литератур, на которой преподавались также и африканские языки. Д.А. Ольдерогге был первым преподавателем языка суахили в первой группе студентов-африканистов в нашей стране.

Об этом периоде преподавательской деятельности Д.А. Ольдерогге можно судить по сохранившимся тетрадям студентки этой группы И.П. Купаловой и письмам студента этой же группы С.Р. Смирнова.

На первом курсе студенты изучали три языка – английский, арабский и суахили. Как сетуют и нынешние студенты, «заниматься приходится очень много – ведь три языка, и арабский один может нормального человека свести с ума... Каждый из уважаемых наших наставников считает свой предмет главным и жмет немилосердно».

Записи в этих двух, чудом уцелевших, тетрадях начинаются с объяснения фонетической структуры языка суахили: «Фонетика суахили проста – итальянская система гласных, которые мы про-

износим четко и ясно». По всей вероятности, это была первая вводная лекция, поскольку 4-го сентября студенты познакомились с алфавитом суахили и системой именных классов.

В тетради №2, начатой 20 сентября 1934 г., приводится анализ других именных классов, числительных, прилагательных, времен, наклонений и производных форм, субъектного и объектного спряжения глагола. Последняя запись в тетради датируется 16 октября, и к этому времени студенты уже имеют определенные сведения о всех 8-ми именных классах и могут самостоятельно составить предложение на языке суахили. К концу первого семестра, по свидетельству С.Р. Смирнова, студенты уже могли «между собой переговариваться» (Письмо от 09.12.1934), т. е «наш Ольдерогге», который «жмет немилосердно» добился значительных успехов при том, что был пионером в африканском языкознании и готовых учебных пособий в то время еще не было.

Тетради И.П. Купаловой свидетельствуют о высоком уровне преподавания и педагогическом мастерстве Дмитрия Алексеевича Ольдерогге.

Порхомовский В. Я.

Формирование канонического текста в младописьменном языке

(Настоящий доклад подготовлен в рамках проекта «Канонические и эталонные тексты в культурно-языковой динамике» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН, 2012–2014)

Динамика развития литературных языков во многом определяется наличием образцовых текстов (или представлений об образцовом тексте), на которые ориентируется письменная традиция определенной общности (этнической, религиозной, социальной), определенной эпохи, определенного культурно-художественного направления, определенного жанра. Эти образцы могут обладать разной степенью обязательности, а их вклад в историю письменной традиции может колебаться от одномоментного (образец при создании отдельного произведения) до всеобъемлющего

Цветкова Н.Н.

ТНК и прямые иностранные инвестиции в странах Востока: последние тенденции

Международное движение капитала, прямых иностранных инвестиций (ПИИ), организация транснациональными корпорациями (ТНК) международного производства в своих зарубежных филиалах – одна из важнейших сторон глобализации как экономического процесса. 1990-е годы и нулевые годы (вплоть до глобального кризиса 2008–2009 гг.) стали периодом значительного роста прямых иностранных инвестиций, динамичной экспансии ТНК. О повышении роли ТНК в мировой экономике можно судить по целому ряду показателей, не только абсолютных, но и относительных.

За последние тридцать – сорок лет резко возросла роль стран Востока как принимающих стран для прямых иностранных инвестиций. В 1960-х гг. в развивающихся странах основная масса инвестиций была размещена в Латинской Америке. В 2010 г. на страны Востока приходилось 61,5% балансовой стоимости ПИИ в развивающихся странах. В годы мирового финансового и экономического кризиса приток инвестиций в страны Востока сократился значительно меньше, чем приток ПИИ во все страны мира в целом. В число ведущих принимающих стран для ПИИ в 2010 г. входили КНР с Гонконгом (КНР), Сингапур, Индия, Турция, Саудовская Аравия, Таиланд, Южная Корея, Индонезия, Малайзия (балансовая стоимость ПИИ в них в 2010 г. превышала 100 млрд. долл.). Таким образом, с точки зрения привлечения международных потоков ПИИ, ряд стран Востока весьма активно включился в глобализацию. Именно в них размещается международное производство, в них сосредоточены зарубежные филиалы ТНК.

В деятельности ТНК можно выделить ряд отраслевых направлений, в странах Востока роль этих отраслевых направлений в деятельности ТНК за последние три – четыре десятилетия существенно изменилась.

Характерной чертой 2000–2010 гг. стало повышение роли стран Востока уже как экспортеров ПИИ, что особенно прояви-

доступа к перспективным отраслям северокорейской промышленности.

КНДР должна представлять интерес для России, прежде всего, в силу усиливающегося дефицита природных ресурсов в мире. Минеральные ресурсы Северной Кореи оцениваются в 6 триллионов долларов. Кроме того, КНДР в ближайшее время может превратиться в важный центр по производству изделий на давальческом сырье. России, которая еще в 1980-е годы использовала в торговле с КНДР подобные товарообменные операции, было бы странным оставаться в стороне от участия в этом процессе.

Россия могла бы также использовать советский опыт заключения с КНДР компенсационных сделок, предусматривающих оплату введенного в эксплуатацию технологического оборудования поставками произведенного на них продукта. Именно по этой схеме идет сейчас развитие горнодобывающих отраслей северокорейской промышленности при участии китайского, капитала.

Начало реализации РЖД проекта восстановления в КНДР железнодорожного участка Хасан/Туманган – Раджин (55 км) и строительства контейнерного терминала в порту Раджин может стать отправной точкой для изменения ситуации в двустороннем сотрудничестве. В долгосрочной перспективе важнейшим трехсторонним проектом должна стать прокладка газопровода по территории КНДР для обеспечения поставок газа в Республику Корея.

Именно эти два крупных проекта способны привлечь за собой в КНДР частный российский бизнес. Последние события в стране, в частности, принятие в январе 2012 года «Закона о корпорациях», попытки стабилизировать денежную систему, акцент на развитии гражданских отраслей народного хозяйства вселяют определенный оптимизм в возможность прагматичной экономической политики нового северокорейского руководства.

КНДР в качестве торгово-экономического партнера нужна России, и необходимы меры по активизации торгового обмена и экономического сотрудничества двух стран. Однако без определенной государственной поддержки (информационной, консалтинговой, финансовой) сделать это будет очень сложно.

(канон, вне которого немисливо существование некоей письменной традиции). При этом языковая принадлежность эталонных текстов и ориентирующей на них письменной традиции может совпадать, но нередки случаи, когда в качестве эталона выступают иноязычные тексты, или один и тот же текст служит образцом для нескольких письменных традиций на разных языках. В этом плане особый интерес представляет проблема формирования и функционирования эталонных текстов в рамках устных традиций. Здесь необходимо указать, что многие сакральные канонические тексты возникали и функционировали в течение длительного времени в устной форме; например, т. н. Тексты пирамид, имеющие безусловный канонический статус в древнеегипетской культуре и религии, согласно данным исторического языкознания были созданы задолго до их первой письменной фиксации.

Канонические тексты мировых религий безусловно занимают особое место в ряду эталонных текстов различных типов и жанров. Проблема формирования канонического дискурса монотеистической религии в младописьменном языке по определению предполагает анализ стратегии перевода соответствующего текста на какой-то конкретный язык. В качестве канонического текста в рамках настоящего исследования рассматривается Ветхий Завет. Проблемы перевода именно Ветхого Завета были выбраны потому, что это первое монотеистическое произведение в истории. Здесь возникает целый ряд вопросов, вызванных исключительной сложностью и гетерогенностью текстов, составляющих Ветхий Завет. Общеизвестно, что Ветхий Завет представляет собой собрание текстов, создававшихся на протяжении многих столетий и отличающихся большим жанровым, стилистическим и лексическим разнообразием.

Что касается обозначенной выше проблемы формирования монотеистического дискурса, то здесь имеются специфические проблемы, вызванные именно тем, что лексика текстов первоисточника, т. е. древнееврейских текстов Ветхого Завета, отнюдь не является жестко выдержанной в духе монотеизма, что объясняется тем, что эти тексты создавались в ситуациях традиционных политеистических воззрений соответствующих эпох. Это означает, что перевод Ветхого Завета на другие языки требует не только

формирования соответствующего монотеистического лексикона на языке перевода, но и выбора стратегии перевода в тех случаях, когда лексика оригинального сакрального текста входит в противоречие с монотеистическими представлениями в рамках совершенно иных культурных и исторических парадигм.

При этом здесь возможны две принципиально различные ситуации. В одной из них монотеистический лексикон создается одновременно с распространением и торжеством монотеизма, т.е. впервые для соответствующей ситуации. Совсем иной является ситуация перевода Библии в условиях преобладания монотеизма, что реально означает перевод Библии в мусульманском контексте. Эти проблемы будут рассмотрены в докладе на материале двух различных переводов Библии на язык хауса, т.е. на младописьменный язык, распространенный в обществе с безусловным преобладанием ислама. Два варианта хаусанской Библии представляют диаметрально противоположные стратегии перевода, а сопоставление этих переводов с различными вариантами Библии на европейских языках позволяет учесть роль факторов, определяемых соответствующим социально-психологическим и культурным контекстом.

Кравченко С.Л.

К вопросу о редупликации в амхарском языке

Редупликация, или повтор, является способом создания новых лексических единиц и словоформ. Редупликация делится на полную, которая состоит в полном повторении корня, основы или целого слова без изменения звукового состава, и частичную (с частичным изменением слова). В амхарском языке редупликация – довольно широко распространенное явление, охватывающее основные части речи. Редупликация используется как в грамматике, так и в словообразовании. В грамматике при помощи повтора целого слова образуется множественное число существительного. Следует отметить, что лишь ограниченное количество существительных образует множественное число таким способом, в основном это существительные, заимствованные из эфиопского

Лешаков П.С.

Современное состояние и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР

На момент распада СССР двусторонний товарооборот составлял 2,2 млрд. долларов, а удельный вес Советского Союза во внешней торговле КНДР достигал 53.3%. К 2000 году товарооборот между двумя странами сократился до уровня 44,1 млн. долларов, т.е. в 50 раз и в последующие годы колебался в пределах 50–230 млн. долларов. Удельный вес России во внешней торговле КНДР упал ниже 2%.

Даже реанимация российско-северокорейских политических отношений после подписания 9 февраля 2000 года нового Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНДР и первого за всю историю отношений двух стран визита российского президента В.В. Путина в КНДР не смогла оживить двусторонние экономические связи.

Северокорейская сторона неоднократно подавала сигналы о своей готовности развивать экономические связи с Россией. Однако их оживлению мешают многолетняя стагнация экономики КНДР, низкая платежеспособность северокорейских компаний и недоверие к ним со стороны российских партнеров, отсутствие современной транспортной инфраструктуры, трудности с денежными переводами, вызванными американскими финансовыми санкциями и, конечно же, проблема урегулирования задолженности Пхеньяна бывшему СССР.

Изначально размер финансовой задолженности КНДР СССР оценивался в 2,88 млрд. долларов и базировался на пересчете рублевой клиринговой задолженности по официальному курсу на 1990 год (1 рубль = 0,67 доллара). На 2011 год Россия с учетом процентов оценивала северокорейскую задолженность уже в 11 млрд. долларов. Однако с учетом того, что просроченные долги КНДР по валютным займам западных кредиторов котируются на вторичном рынке на уровне 5–10% от их номинальной стоимости, российской стороне в стратегическом плане выгоднее пойти на списание задолженности в обмен на получение приоритетного

свободы ведения бизнеса, качества инфраструктуры, институтов, технологий в странах БРИК, по уровню СФП к 2011 г. отставание от США было, по меньшей мере (без поправок на качество), по Индии – 5–6, КНР – 4–5, Бразилии и РФ – 2.5–3-кратным (по Германии и Японии – 1.4–1.5-кратным). Расчет по модели: $TFR_u / TFR_c = (Y_u / (L_u^{0.65} * K_u^{0.35})) / (Y_c / (L_c^{0.65} * K_c^{0.35}))$, где TFR_u и TFR_c , Y_u и Y_c , L_u и L_c , K_u и K_c – соответственно уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в США и сравниваемой стране.

5. В странах БРИК наблюдаются острые экономические, экологические и социальные диспропорции, которые в целом усугубились в результате воздействия мирового кризиса. Ряд стран БРИК, прежде всего КНР, речь идет об уменьшении демографического дивиденда и эффекта межотраслевого перемещения занятых в КНР, удорожании рабочей силы и национальной валюты, невозможности поддерживать высокие и стабильные темпы экономического роста без существенного углубления рыночных реформ и стимулирования инноваций, вполне может попасть в «ловушку среднего уровня развития». Среднегодовой темп прироста «зеленого» ВВП в КНР и Индии на 1.5–2.5 п. п. ниже обычного. В 2009 г. показатель «истинных сбережений» (ИС) в КНР оказался на 1/4, в Индии – на 1/3, в Бразилии – на 2/3 ниже доли валовых сбережений в ВВП, а в РФ, ввиду сильного обесценения устаревшего капитала, истощения природных (энергетических) ресурсов, индикатор ИС был отрицательным. Уровень неравенства доходов в странах БРИК, измеряемый коэффициентом Джини, сравнительно высок и в большинстве из них имеет тенденцию к росту: в Индии и РФ – 0.37–0.42, в КНР 0.43–0.45, в Бразилии – 0.53–0.55 (в ЮАР 0.58–0.64). Хотя в быстро растущих странах БРИК доля нищих в тенденции сокращалась, доля бедных к началу 2010-х годов в Бразилии и РФ превышала 1/5, в КНР достигала 1/3–2/5, в Индии – 3/4 населения. Недовольство растущей коррупцией, дороговизной, безработицей, неравенством и экологическими проблемами привело к усилению социальных протестов, число которых, например, в Китае за последние два десятилетия росло темпом, в два-три раза превышающим среднегодовой темп прироста его ВВП.

языка гыыз, которые сохраняют формы множественного числа, характерные для этого языка, например: fəge «плод, фрукт» – fəgafəge «фрукты, различные плоды». Некоторые амхарские существительные наряду с обычной формой могут иметь форму множественного числа с повтором последнего коренного, сопровождаемого гласным (частичная редупликация), например: wondəm «брат» – wondəmmamač «братья». Повтор может повлечь за собой семантическую модификацию, например: sāma «небо» – sāmauyat «небеса» – sāmauyā sāmauyat «седьмое небо» (религ).

Удвоенные формы слов, обозначающих качество, реализуются в амхарском языке как усиление степени этого качества, его увеличенную интенсивность, например: dāgg «добрый» – dāgag «самый добрый»; ləuu «отличный, особый» – ləuuuləuu «различные». У некоторых слов в амхарском языке нет четкой разницы между существительным и прилагательным. Например, такие слова, как «белый», «красный», «черный» и др. могут быть отнесены к прилагательным лишь по семантическим признакам. Редупликация таких субстантивированных прилагательных выражает не только усиление степени их качества, но также и множественность: nəčč «белый» – nəčanəčč «ослепительно белый, много белого, много белых (людей)».

Удвоенные глаголы тесно связаны с исходными глаголами. Редулицированный глагол сохраняет свои грамматические функции и выступает в предложении в роли сказуемого. Его отличие от исходного глагола сводится к появлению дополнительного значения. Большинство редулицированных глаголов в амхарском языке – это звукоподражательные повторы. Редупликация выражает особый вид действия, т. е. терминологически выражает неполное или интенсивное проявления какого-либо состояния или действия. Причем в амхарском языке неполное проявление выражается в переходных глаголах с префиксом tən, а переходные глаголы имеют префикс an и получают подвидовый оттенок интенсивного действия. Среди редулицированных глаголов чаще всего встречаются сложные глаголы, первый компонент которых образован от основы глагола с помощью внутренней флексии и удвоения согласных и будучи звукообразом в сочетании с глаголами alä «сказать» и adärrägä «делать» образуют сложный

комплекс. Семантическая нагрузка падает на первый компонент, а глаголы *alä* и *adäräggä* выполняют чисто грамматическую функцию и служат для выражения предикативных категорий: *košš košš alä* «шуршать (о чем-либо), шелестеть (о бумаге, сухих листьях и т. д.) – *košš košš adärägä* «шуршать чем-либо, шелестеть (бумагой, сухими листьями и т. д.)». Сложные звукоописательные глаголы, первый компонент которых образован от основы двухсогласных глаголов обычно обозначают неполное проявление действия или состояния, например: от глагола *moqä* «быть или становиться теплым, нагреваться» редуцированный глагол *moqq moqq alä* имеет значение «постепенно нагреваться», а глагол *moqq moqq adärägä* «постепенно нагревать, горячиться». Глаголы, образованные от трех и четырехсогласных глаголов, первый компонент которых имеет трансфикс *ä*, выражают неполное, а имеющие трансфикс *ə*, интенсивное проявление действия или состояния, например: от глагола *säbbärt* «разбивать, ломать» – *säbärt säbärt alä* «разбиваться (не полностью, частично)» – *säbärt säbärt adärägä* «разбить, сломать (не полностью); *səbərbəgt alä* «разбиться вдребезги» – *sə bərbəgt adärägä* «разбивать (в большом количестве) на мелкие кусочки».

Одним из важных признаков, характеризующих редупликацию, является изменение повторяемой последовательности сегментов. Следует отметить существующие в амхарском языке отличия между повторяемыми сегментами редуцированного слова по сравнению с нередуцированным. Наиболее часто модифицируются гласные (либо одна либо все гласные). Особую разновидность повторов представляют неполные повторы, где первая согласная заменяется другой согласной, например: *həqq səqq alä* «всхлипать»; *bəq təlq alä* «то появляться, то исчезать».

Чаще всего редуцированные и нередуцированные формы относятся к одному и тому же классу слов (существительные, глаголы, числительные и т. д.) В амхарском языке редупликация используется для образования лексем другого класса. Например, при помощи редупликации образован ряд глаголов от существительных и междометий: *zäb* «караул» – *zäbb zäbb alä* «быть медленным»; *zəmm* «тсс!» – *zəmm zəmm alä* «понемногу замолкнуть (о группе лиц)».

марном ВВП «семерки» почти сравнялась с ведущими развитыми государствами (РГ, расчет в ППС 2011 г.). При этом ВВП Китая, составлявший в 1990 г. ¼ от США, достиг в 2000 г. 2/5 и в 2011 г. ¾ от показателя США. ВВП Индии, не превышавший в 1990 г. 1/3 и в 2000 г. – половины от индикатора по Японии, в 2011 г. оказался выше, чем в Стране восходящего солнца.

3. В результате проведения в целом взвешенной макроэкономической политики, развития ряда рыночных институтов, увеличения нормы расширенного накопления (в 2005–2010 гг. до 2/5 ВВП в Индонезии и Марокко, 46–49% во Вьетнаме и Индии, 53–57% (!) ВВП в КНР) и диверсификации экспорта ряд РС существенно продвинулся вперед по рейтингу международной конкурентоспособности, оказавшись на десятки (Китай, Индия, Индонезия и Вьетнам – на 44–56, Малайзия, Таиланд, Тунис, Марокко и Филиппины – на 25–36) позиций выше тренда, определяемого значениями их подушевого ВВП. По нашей модели, среди РС более высокие темпы прироста подушевого ВВП – соответственно наполовину и на треть – вызваны относительно более высокими в них показателями нормы расширенного капиталонакопления и роста экспорта.

$$Y = 0.164 * EXP + 0.150 * НКН - 0.052 * ГИН - 0.873,$$

(p=0.0074) (p=0.0002) (p=0.0049)

$$R^2 \text{ adjusted} = 0.809, N = 43, L = 1980-2006$$

Y и *EXP* – соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП и физического объема экспорта; *НКН* – доля валовых КВ, расходов на образование и НИОКР в ВВП, %; *ГИН* – средний за период показатель Джини по доходам. Основные параметры статистически значимы на уровне менее 1%

4. Однако, несмотря на то, что в 1990–2011 гг. в странах БРИК среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП, в Китае и Индии 2.0–2.5%, в Бразилии и РФ (в 2000–2011 гг.) 1.1–1.5%) были выше, чем в Германии, Японии и США (0.7–1.0%), ее вклад в прирост ВВП в странах БРИК (~1/3) был в 1.5–2 раза ниже, чем в ведущих РГ (в Германии и Японии 70–80%). Вследствие сравнительно невысоких характеристик

поступлений, начали оказывать негативное влияние на иранскую экономику с начала 2008 года.

Правительство Ахмадинежада разработало программу развития тех отраслей промышленности, которые могли давать экспортную продукцию и каким-то образом заменить падающие доходы от нефти. Системой государственного кредитования были охвачены не только крупные предприятия тяжелой промышленности, но и ряд мелких предприятий частного сектора, что дало положительный результат. Рост промышленного производства позволил также увеличить экспорт. За 2010/11 год он возрос на 12,9%, и составил в денежном выражении 16,6 млрд. долл. Если же взять весь нефтяной экспорт истекшего года, то доля промышленной продукции составила в нем 77,6%.

Мельянец В. А.

Страны БРИК: догоняющее развитие, международная конкурентоспособность и эффективность роста

1. Мы являемся свидетелями быстрых и весомых сдвигов в структуре мирового хозяйства. Доля развивающихся стран (РС) и переходных экономик (ПЭ), среди которых на группу БРИК приходится $\frac{1}{2}$ численности населения и почти $\frac{3}{5}$ валового продукта, уже превысила половину глобального ВВП. Удельный вес РСПЭ в приросте мирового экспорта и капитализации вырос с 5–10% в 1980-е годы до 27–33% в 2000-е годы, в увеличении притока ПИИ – с 10–15 до 43–47%, в приросте мировых капвложений – с 25–30% в 1980-е годы до 45–50% в 1990-е и 95–99% в 2000–2010 гг., в увеличении глобального ВВП – с $\frac{1}{3}$ в 1980-е годы до $\frac{2}{5}$ – в 1990-е, $\frac{2}{3}$ – в 2000–2008 гг. и $\frac{9}{10}$ – в 2009–2011 гг.

2. Анализируя экономические потенциалы первой семерки стран мира, можно заметить, что, поскольку среднегодовой темп прироста совокупного ВВП США, Японии и Германии сократился более чем на $\frac{2}{5}$ (с 2.7% в 1990-е до 1.5–1.6% в 2000–2011 гг.), а соответствующий показатель по Китаю, Индии, России и Бразилии, напротив, почти удвоился (с 3.7 до 7.1%), доля БРИК в сум-

Примеры повтора количественных числительных немногочислены. Удвоенные числительные приобретают значение множественности, а также образуют наречия образа действия, например: and «один» – andand «по одному, несколько, несколько раз», hulätt «два» – hulätt hulätt «по два».

Таким образом, использование редупликации в амхарском языке несет в себе семантику множественности (или количества), выраженности качества, неполного или интенсивного проявления какого-либо состояния или действия.

Урб М. Р.

Роль языка макуа в современной языковой ситуации Мозамбика

Социолингвистическая ситуация Мозамбика характеризуется разнообразием и высокой степенью гетерогенности. Языки, на которых говорят представители этнических групп, относятся к языковой семье восточных и юго-восточных банту. Свыше 98% населения страны составляют африканцы. Однако их принадлежность к семье банту указывает лишь на относительную этнолингвистическую однородность, а не на наличие общего языка и культуры.

Определяющим моментом языковой ситуации в Мозамбике является португальский язык, который признан единственным государственным языком страны. Такой выбор был мотивирован не этнокультурными и социальными причинами, а прежде всего политическими. В настоящее время укрепляются позиции английского языка. Высокий статус языка как средства международного общения в будущем может привести к замене португальского английским языком в ключевых отраслях общественной жизни.

Африканские языки являются основными средствами внутриаффриканского общения в стране. Наиболее многочисленной этнической группой среди африканского населения является макуа или макуа-ломве. Преобладающее большинство этой группы говорит на языке макуа.

Язык макуа является «крупным» языком Мозамбика. В списке африканских языков страны он занимает самую высокую позицию (около 41%), далее следуют языки тсонга, сена, ломве, ньянджа и шона. Ареал распространения языка макуа охватывает обширную сплошную зону на севере и северо-востоке от провинции Ньяса до провинции Кабу-Делгаду, далее от побережья на юг до провинции Замбезия, а также районы на юге Танзании. Общая численность говорящих на макуа составляет примерно 3,3 млн. человек (по данным 2005 г.).

По классификации языков банту М. Гасри макуа занимает позицию в зоне Р в группе макуа-ломве. Диалекты макуа изучены мало, и указать их общее число не представляется возможным. Единственное, что объединяет все диалекты макуа – это общее этно-культурное самосознание, лингвистическая же близость этих диалектов весьма относительна. Диалектный ареал распадается на 4 основные зоны, которые включают в себя провинции Кабо-Делгаду, Нампула, Ньяса и Замбезия.

Как и другие крупные африканские языки Мозамбика, макуа продолжает оставаться языком внутриэтнической коммуникации. На современном этапе вопрос о дальнейшем статусе языка макуа остается пока открытым. Существуют объективные предпосылки для перехода макуа на более высокий уровень коммуникативного функционирования в качестве регионального языка (т. е. использование его на уровне местной администрации и начального образования). Однако говорить об успешном решении этого вопроса в обозримом будущем пока не приходится. Изменение статуса языка предполагает активную и кропотливую работу в области стандартизации, кодификации и нормализации. С середины 1980-х годов в рамках программы ЯП Мозамбика стали активно проводиться мероприятия по изучению, развитию и поддержке местных африканских языков. Так, была выдвинута идея о создании стандартного литературного языка макуа на основе взаимопонимаемых диалектов. В ходе обсуждения вопроса об унификации диалектов языка макуа было предложено взять за основу стандартного языка центральный диалект макуа. Однако формальный выбор диалектной базы еще не является решением вопроса. Прежде чем приступить к разработке единых правил орфографии

кредитов Ирану, всем странам – на продажу оружия или оказания какой-либо помощи Ирану. В 1987 г. был запрещен какой-либо товарообмен между Ираном и американскими компаниями, и т. д.

Под давлением США иностранные банки отказываются сотрудничать с иранскими организациями и частными лицами, или взимают за это дополнительную плату. Так, аккредитивы банков Южной Кореи подорожали на 25%. По заявлению президента иранского Экспортного банка, треть из 600 банков, с которыми он сотрудничал, перестали это делать, а из 29 банков-корреспондентов осталось только 8. С другой стороны, банки Дубаи не перестали работать с Ираном, поскольку в этой стране проживает около 400 тыс. иранцев и расположено около 6 тыс. иранских фирм.

Безусловно, все эти запреты значительно осложнили развитие иранской экономики и ее главной составляющей – нефтегазовой промышленности. Добыча нефти сократилась почти вдвое, страна была вынуждена замедлить темпы развития, росла инфляция, безработица, увеличивалась социальная напряженность. Смена президентов и экономических программ мало что меняли в сложившейся обстановке. Только рост мировых цен на нефть каким-то образом помогал иранцам выжить в создавшихся условиях, и не только выжить, но и каким-то образом развиваться.

По данным Мирового банка иранская экономика развивалась довольно успешно в период 2003–2007 гг., когда наибольший рост ВВП был в 2007 г. (7,6%), хотя перед этим в период 2003–2005 гг. происходило падение производства, и среди стран региона Иран занимал не самое последнее место.

Финансовый кризис, начавшийся в ипотечном секторе экономики США в 2007 г., продолжался в течение следующих лет, постепенно втягивая в свою орбиту новые страны и различные сферы экономики.

Иран, который по сравнению с другими странами не связан тесно с финансовыми рынками западных стран и США, не испытывал на себе влияния кризиса в его первой стадии, но сокращение спроса на нефть и другие сырьевые товары, падение мировых цен, сокращение экспорта и, следовательно, валютных

склонностью к предпринимательской деятельности. Все это оказало влияние на характер трудовых ресурсов большинства стран Юго-Восточной Азии и способствовало складыванию там современного предпринимательского сектора.

Тяжелые последствия Второй мировой войны для региона, ставшего театром активных военных действий, долгие годы вооруженной борьбы за независимость и, наконец, превращение его в годы «холодной войны», в зону многолетнего вооруженного конфликта, спровоцированного так называемыми великими державами, убедили его политическую и экономическую элиту, и без того склонную к многогранному восприятию мира, в том, что интересы успешного и стабильного развития их стран требуют коллективных действий на международной арене, превентивного предотвращения конфликтов, поддержания равноудаленных отношений со всеми странами и регионами, наконец, перманентного расширения сферы сотрудничества как с как можно большим кругом стран и других регионов.

Ежов Г. П.

Экономика Ирана и санкции США

Впервые Соединенные Штаты применили экономические санкции против Ирана еще в 1953 г., когда Иран национализировал свою нефть и США помогали Великобритании вернуть утраченные позиции, а когда действие санкций не дало ожидаемых результатов, приняли активное участие в свержении законного правительства Мохаммад Масаддека.

Вторично вопрос о санкциях возник в период исламской революции в Иране, когда бежавший из страны шах пытался найти убежище на территории США (в чем ему активно помогала семья Рокфеллеров), и когда слухи об этом дошли до Ирана, большая группа «студентов-последователей линии имама» заняла американское посольство, взяв в плен большую группу дипломатов. С тех пор американские санкции против Ирана постоянно ужесточались и сфера их влияния расширялась. В 1984 г последовал запрет международным финансовым организациям на выдачу

языка, необходимо детально ознакомиться с диалектами макуа, изучить их грамматические особенности и лингвистическую близость. В настоящий момент этот этап лексикографической работы по диалектам языка макуа еще не завершен.

По всей вероятности, в будущем в стране будет развиваться ситуация билингвизма, т.е. сосуществование португальского (государственного) и одного из крупных африканских языков (макуа).

Суетина Ю. Г.

О некоторых инновациях в словообразовании хауса

Класс наречий в языке хауса весьма немногочислен, если не принимать во внимание наречия-идеофоны. Но в последнее время появился ряд неологизмов, выступающих в роли наречий. Эти неологизмы созданы по единой модели, которая раньше не была задействована в словообразовании.

В роли этой модели выступило наречие а *hausance по-хауса*, которое, впрочем, весьма редко употреблялось в хауса по сравнению с конструкцией предлог *da* + существительное – название языка, передающей то же значение: *na хауса, по-хауса*. В середине 70-х годов прошлого столетия появилось созданное по этой модели наречие а *turance по-английски*, однако оно не закрепилось в языке. Случаев создание подобных наречий от названия других языков зафиксировано не было.

В середине первого десятилетия нашего века в языке СМИ на хауса стало все чаще появляться наречие а *hukumance официально*: *Shi ne karo na farko da shugaban 'kasa ya ba da labarin nan a hukumance. Впервые президент сообщил об этом официально.*

Первоначально это наречие было отмечено в текстах передач радиостанции «Немецкая волна», ведущей уже долгое время радиовещание на хауса. Затем это наречие стало появляться в языке других СМИ, в том числе и нигерийских, а также в текстах художественной литературы. Вслед за этим неологизмом появились и другие, образованные по той же модели: а *tarihance исторически*, а *iyalance частно*, а *al'adance традиционно*, а *diflomasiance дипломатически*,

a addinance *религиозно* (согласно религии) и др. Например: Ina ganin har a addinance ma ba zai zama laifi ba in har aka gane yiwuwar yaran da za a haifa su zama masu wannan cuta. *Я думаю, что даже с точки зрения религии не будет преступление определить, будут ли дети, которые должны родиться, носителями этой болезни.* A birnin Geneva ana 'ko'karin samun mafita a diflomasiyance. *В Женеве пытаются найти выход дипломатическим путем.* A da dai a al'adance an fi samun talauci a karkara. *Раньше традиционно наиболее бедными считались сельские районы.* A al'adance China ba ta tsoma baki a harkokin cikin gidan wa'dansu 'kasashe. *Китай традиционно избегает вмешиваться во внутренние дела других государств.* A jimilce 'yan takara 3400 suke fafatawa domin zama 'yan Majalisar 'kasar mai kujeru kusan 300. *В общей сложности 3400 кандидатов вступили в борьбу за 300 мандатов депутатов парламента страны.* Ya shafi harkokin ilmi ko rattaba mukaman gwamnati da yadda ake gudanar da shi a hukumance ko a iyalance. *Это касается как вопросов образования, распределения правительственных постов и того, как это осуществляется (отношение к женщинам) официально и приватно.*

По своему внешнему облику эти неологизмы очень похожи на второе отглагольное имя или имя состояния (Noun of State) от некоторых глаголов, чья основа оканчивается на -t-. Это -t- палатализуется перед суффиксом -e: kwanta *ложиться* – a kwance *лежащий*: Mutum ya kwanta barci. *Человек лег спать.* – Na ga wani mutum a kwance. *Я увидел лежащего человека.* Но имя состояния может быть образовано только от глагола, тогда как эти неологизмы образованы от существительных: jimila *итог, общее количество* – a jimilce, addini *религия* – a addinance, diflomasiya *дипломатия* a diflomasiyance, ala'ada *обычай* – a al'adance, tarihi *история* a tarihance, iyali *семья* – a iyalance, hukuma *орган власти* – a hukumance и др.

В данном случае мы можем выделить новый словообразовательный суффикс -ance и, возможно, его вариант -ilce. Этот алломорф отмечен только в одно неологизме а jimilce, образованном от слова jimila. Образованные с помощью этого суффикса неологизмы занимают в предложении позицию обстоятельства образа действия, то есть ту позицию, которую обычно занимают наречия. Это позволяет нам говорить о том, что и данные неологизмы могут быть отнесены к классу наречий.

щихся стран, находящихся в сходных условиях, с другой, заключается в специфических чертах географического положения, а также исторического процесса и этнической истории юговосточноазиатского региона. Если говорить конкретно, то среди этих причин в первую очередь следует назвать конфигурацию территории и поверхности как островной, так и полуостровной частей этого региона, что, с одной стороны, явилось причиной формирования многочисленных крупных и малых этносов на сравнительно ограниченной по площади территории, а с другой, благодаря малой удаленности почти всех, даже внутренних его районов, от побережья теплых морей упрощало их контакты. Последние, в какой бы форме они не осуществлялись (вооруженной, торговой, гуманитарной) способствовали расширению кругозора народов региона, облегчали восприятие ими всего нового и необычного и учили не только конфликтовать, но и договариваться.

Последующие наслоения конфессиональных различий в связи с распространением на территории региона практически всех мировых и некоторых региональных религий не только разделяли эти народы, но при сохраняющихся между ними тесных контактах разного рода способствовали дальнейшему расширению их кругозора и заставляли искать общий язык. В том же направлении воздействовал на формирование менталитета народов Юго-Восточной Азии и опыт, полученный ими в годы колониальной экспансии европейских держав и США, а во время второй мировой войны и Японии. И здесь, как и в сфере религиозно-этических представлений о мире, эти народы, пусть и вынужденно, познакомились на практике со всеми основными типами колониализма и механизмами их функционирования.

Огромное влияние на облик стран юговосточноазиатского региона оказало и влияние индийской и в особенности китайской культуры, в том числе хозяйственной, что явилось следствием формирования на его территории индуистских государств, экспансии со стороны «серединного государства» и, наконец, китайской иммиграции. В экономическую практику этих стран были внедрены новые орудия труда и методы ведения хозяйства, а трудовые ресурсы пополнились миллионами трудолюбивых работников, многие из которых, также как и их потомки, обладали

Бойцов В.В.

Географические, этнические и исторические факторы экономического развития стран юговосточноазиатского региона

Как известно, Юго-Восточная Азия в постколониальный период является одним из наиболее успешно развивающихся регионов Азии, Африки и Латинской Америки. В то же время для стран этого региона, наряду с отличающимися большинством из них относительно высокими и стабильными темпами экономического роста, характерен и беспрецедентно высокий для развивающихся стран уровень внутрирегиональной экономической интеграции, политического сотрудничества и культурного взаимодействия. Вместе с тем, не ограничиваясь рамками своего региона, страны Юго-Восточной Азии стали инициаторами и движущей силой создания более широких по территориальному охвату интеграционных сообществ, включающих в себя как страны бассейна Тихого, так и Индийского океанов. Все это представляется тем более удивительным, если принять во внимание этническую и конфессиональную пестроту стран юговосточноазиатского региона и глубокие различия в их экономическом, социальном и культурном развитии в годы европейской и североамериканской колонизации.

Среди факторов, обеспечивших ускоренное развитие большинства стран этого региона, обычно называют крупные иностранные инвестиции, дешевую и достаточно качественную рабочую силу и, в особенности на раннем, доиндустриальном этапе их развития, богатые природные ресурсы – минеральные, агроклиматические и биологические. Однако многие из вышеперечисленных факторов наличествуют и в целом ряде других развивающихся стран, не сумевших, однако, добиться столь заметных, как большинство стран Юго-Восточной Азии, успехов в своем экономическом развитии, а также региональном и межрегиональном сотрудничестве.

С точки зрения автора, причина столь заметно отличающихся результатов хозяйственной и, в том числе, внешнеэкономической деятельности этих стран, с одной стороны, и многих развиваю-

Федорова Н.Г.

Рубрика «Maoni yetu» в газетных текстах языка суахили

Редакторская рубрика «Наш комментарий» присутствует практически во всех газетах. Это, как правило, большая статья (около 800–1000 знаков), 3–5 абзацев, жирный шрифт, верхний ряд, красная строка в оформлении текста, и, наконец, особый стиль, который отличает её.

В качестве примера приведем одну из статей этой рубрики о визите мэра Кинондони в ряд средних школ, расположенных в этом районе с тем, чтобы узнать о проблемах учителей и учащихся этих школ. Одной из проблем является близость ряда школ к гостиницам. Здесь постоянно работает радио, и не прекращается торговля овощами. В школах не хватает места, где могут сидеть ученики, поэтому многие учащиеся сидят на полу. Не хватает учителей, поэтому многие учащиеся не могут учиться по полной программе или вовсе не посещают занятия. Мэр пообещал обеспечить школы необходимыми партами. В комментарии содержится пожелание всем другим мэрам последовать этому примеру и обратить должное внимание на подобные проблемы.

Также был проанализирован ряд суахилийских газет, имеющих данную рубрику, в которой освещаются текущие политические новости (чаще события внутренней жизни страны).

Следует отметить темы, выбор которых чаще всего делается редактором газеты. Это наиболее важные темы, встречающиеся в указанной рубрике: многопартийная система в ОРТ, женское движение, спортивные события, проблемы молодежи, политические события в округах, борьба со СПИДом, проблемы школ и учащихся в Танзании, недостаток продовольствия в ряде округов и др.

Таким образом, рубрика «Наш комментарий» имеет определенные дифференциальные признаки. Ей присущи следующие текстовые штампы: официальность изложения, безличные высказывания, особого рода заголовки, краткость изложения. Такие тексты легко поддаются реферированию. Эти особенности коммуникативного текста ближе к научному, но не к разговорному стилю. Отсутствие подписи в конце материала и фотоснимков также является стилистическим признаком подобных рубрик.

Дорохина М.О.

О языке рекламных текстов в странах Восточной Африки

0.1 Можно с уверенностью сказать, что общество в настоящее время стало более зависимым от рекламы, и с появлением новых технологий ее возможности лишь все больше расширяются. Реклама вездесуща, её можно встретить даже в глухих районах Африки, где также наблюдается рост данной индустрии. С годами рекламные тексты все больше и больше вовлекаются в процесс манипуляции социальными ценностями, а также все меньше имеют отношение к процессу простой передачи необходимой информации о товарах и услугах. В этом смысле можно согласиться с утверждением, что в настоящее время реклама выполняет функцию, традиционно осуществляемую искусством или религией. Реклама задает структуру, которая может трансформировать язык объектов в язык людей, и наоборот. Происходит соединение типов объектов и типов потребителей: бриллианты трактуются не как символ каменной скалы, а в человеческом измерении, например, как символ вечной любви.

1.1 Процесс развития рекламного дела на африканском континенте на данный момент изучен недостаточно. Можно с уверенностью сказать лишь то, что реклама в Африке южнее Сахары в современном понимании появляется значительно позже, чем в развитых странах мира. Представляется возможным выделить следующие основные этапы процесса развития рекламного дела на африканском континенте: **доколониальный** (устные приемы рекламирования товаров; плакаты и рисунки на зданиях); **колониальный** (рекламный компонент в деятельности колониальных властей); **независимость – 1960-е – 90-е гг.** (реклама мультинациональных корпораций; целевая ориентированность суахили и английского языков); **современный этап развития** (изменение роли языка суахили в рекламе, новые креативные решения в использовании языка).

1.2 Доклад посвящен особенностям рекламы в Восточной Африке, а именно в Танзании, Кении и частично ДРК и Уганде. Мы выбрали эти страны, представляющие определенный интерес

в 1994 г.) до 25 раз (в Грузии в 1993 г.) по сравнению с уровнем 1990 года. В Таджикистане в 1996–1997 гг. величина реальной зарплаты сократилась более чем в 20 раз по сравнению с докризисным значением. В то же время, даже в самые тяжелые годы в Казахстане и Киргизии снижение данного индикатора было менее чем пятикратным.

К концу почти двадцатилетнего периода самостоятельного развития, в 2010 г. только в двух рассматриваемых странах – Азербайджане и Грузии – размер реальной заработной платы, рассчитанной на основе ИПЦ и дефлятора ВВП, превысил уровень 1990 года. В Таджикистане к концу первого десятилетия XXI века этот показатель всё еще оставался в 2,5–3 раза ниже величины 1990 г. В Казахстане реальная зарплата, рассчитанная по ИПЦ и дефлятору ВВП, в 2010 г. была примерно на том же уровне, что и до начала кризиса переходного типа: 99,5–106% от значения 1990 г. В Армении реальная зарплата, рассчитанная с помощью дефлятора ВВП, превысила докризисный уровень, тогда как величина, рассчитанная на основе ИПЦ, напротив, не достигла его. Данные о динамике ИПЦ в Кыргызстане в 1991–1997 гг., приводившиеся в ранних публикациях, после 1999 года были изменены, поэтому при расчётах реальной зарплаты были использованы оба варианта оценок: прежние и пересмотренные. В результате, величина реальной заработной платы, полученная с применением дефлятора ВВП и одной из оценок ИПЦ, оказалась выше, а рассчитанная с использованием другой – ниже уровня 1990 года.

Представляется целесообразным сравнение итоговых – за период с 1990 по 2010 гг. – темпов роста реальной заработной платы и ВВП. Сопоставление демонстрирует отсутствие какой-либо строгой зависимости в динамике показателей: в то время как в Грузии темпы роста реальной зарплаты более чем вдвое превышали темпы роста ВВП, в Азербайджане, Казахстане и Таджикистане, напротив, индикатор производства товаров и услуг рос от 1,5 до 2 раз быстрее. В Армении и Киргизии к концу периода рост ВВП был выше темпов роста реальной заработной платы, рассчитанной с помощью ИПЦ, и ниже величины рассчитанной с помощью дефлятора.

Карамурзов Р. Б.

Динамика номинальной и реальной заработной платы в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.)

В странах Центральной Азии и Южного Кавказа в общем числе экономически активного населения традиционно велика доля занятых по найму. Поэтому, при изучении жизненного уровня этих регионов, анализ динамики заработной платы, как важного индикатора социально-экономического развития, представляется актуальным.

Национальные статистические ведомства рассматриваемых стран регулярно предоставляют сведения о размере среднемесячной *номинальной* заработной платы. Поскольку этот показатель всегда выражается в текущих ценах, область его применения ограничена, прежде всего, анализом структуры расходов и потребления населения в отдельно взятые годы.

Для получения адекватного представления об изменении с течением времени покупательной способности трудовых денежных доходов используется такой показатель как *реальная* заработная плата. Этот индикатор рассчитывается путем деления номинальной зарплаты на темпы инфляции. Для этого, как правило, применяется индекс потребительских цен (далее, ИПЦ). Однако динамика ИПЦ отражает рост цен только на те товары и услуги, которые включены в потребительскую корзину. В состав последней входят товары (услуги), характеризующие *типичные* для данной страны уровень и структуру потребления отдельно взятого человека или домохозяйства. Между тем, расходы граждан не ограничиваются только «типичными» товарами и услугами; поэтому, в ряде случаев, наряду с данными об ИПЦ представляется целесообразным использовать сведения о величине дефлятора ВВП.

Полученные в результате расчётов данные позволяют сделать ряд выводов.

В период кризиса переходного типа во всех изучаемых странах произошло значительное снижение величины реальной заработной платы. Так, в государствах Южного Кавказа в самые худшие годы оно составляло от 5 (в Азербайджане в 1995 г. и Армении

с точки зрения развития рекламного бизнеса, прежде всего, потому, что все они используют в качестве языка рекламы суахили, крупнейший из языков банту. Материалом для исследования послужили тексты различных типов современной суахилиязычной рекламы, собранные во время стажировок в Восточной Африке, а также почерпнутые из СМИ.

Наш интерес к суахили как языку рекламы вызван в первую очередь тем, что коммуникация в сфере рекламы в настоящий момент является одной из наиболее активных и интересных сфер речевой деятельности. Ее значение столь существенно, что в ряде лингвистических работ предлагается рассматривать рекламный дискурс как самостоятельный функциональный стиль, что подкрепляется наличием в языке рекламы специфических стилеобразующих черт – информативности, экспрессивности, оценочности, адресованности, лаконичности. При этом суахили как язык рекламы стремится сделать каждый акт коммуникации успешным и избежать ментального непонимания представителей разных языковых культур, в основе которого лежат различные и порой даже противоположные языковые картины мира.

1.3. В рамках исследования рекламных текстов Восточной Африки немаловажным является определение наиболее активных сегментов рынка и характерных особенностей рекламы данных сегментов:

– рынок телекоммуникации (национальная идея, единство нации)

Dumisha. Umoja Afrika Mashiriki. «Укрепи. Единство Восточной Африки»;

– рынок финансов и страхования (двуязычие)

Money. Moja kwa moja. Straight into your account. «Деньги. На прямую. Прямо на ваш счет»;

– рынок FMSG products («товары повседневного обихода»)

Chai bora. Kunywa chai halisi. «Chai bora («лучший чай»). Пейте настоящий чай».

2.0. Итак, рекламные тексты различных сегментов активно развиваются в странах Восточной Африки, стараясь увеличить продажи за счет использования наиболее популярных, трендовых,

слов и выражений. На современном этапе развития язык рекламы отражает аспекты городской разговорной речи суахили, включающей сленговые выражения и неологизмы, языковую игру и техники языкового манипулирования.

Рыкова Е.Ю.

К вопросу о формировании терминологии в языке суахили (политические метафоры)

В истории политического дискурса на языке суахили политические метафоры занимают определенное место. Можно выделить два основных периода в истории политической терминологии: период Уджамаа и период пост-Уджамаа, т. е. современный этап развития страны. В период Уджамаа язык суахили выступал в качестве основы для формирования концепции социальной реальности, отличной от колониального периода. Для периода пост-Уджамаа характерно использование метафор, нацеленных на раскрытие понятий рыночной экономики.

Метафоры играют очень важную роль в политике, выполняя различные стратегические функции в политическом дискурсе, они же формируют систему терминов.

1. Период Уджамаа.

Период Уджамаа длился от принятия Арушской декларации 1967 года до 1986 года, когда Танзания отказалась от построения социализма. Терминология этого периода, начала создаваться сразу после получения независимости, ее цель – строительство новой нации. Одна из наиболее известных метафор периода Ньерере звучала так: *Нация – это африканская семья*. Свою нравственную точку зрения Ньерере представлял в форме метафоры – Уджамаа – социальной философии, основанной на африканской форме социализма. Слово Уджамаа переводится как «братство». Источником для данной метафоры является африканская семья, целью – новая нация. Исходя из этой философии, все танзанийцы стали родственниками (*ndugu*), братьями и сестрами независимо от их религиозной или этнической принадлежности. Термин *ndugu* пришелся очень кстати и помог

Грузия	102,2	95,6	105,3	105,5	86	90,7	71	74,9
Казахстан	102,1	99,6	104,5	105,0	173,1	181,7	150	157,4
Кыргызстан	106,7	101,5	97,8	104,8	92,8	97,3	84	88,1
Россия	105,7	92,2	104,1	104,4	118,1	123,3	108	112,7
Таджикистан	106,5	102,0	105,0	105,9	63,7	67,5	61	64,6
Туркменистан	113,3	104,8	107,9	113,3	125	141,6	111	125,8
Узбекистан	107,2	106,3	107,0	106,8	143,0	152,7	134	143,1

Разумеется, приведенные в ней цифры не являются точными и в дальнейшем могут и будут корректироваться. Тем не менее, ряд выводов не подлежит сомнению. Во-первых, даже в 2011 году подушевой ВВП Грузии, Киргизии и особенно Таджикистана остаётся ниже уровня как 1991 г., так и максимума производства достигнутого в 1989 году. Во-вторых, в ряде республик (Азербайджан, Армения, Казахстан, Туркменистан) резко различаются данные о динамике ВВП в 1989–2011 и 1991–2011 гг. В-третьих, с 1989 по 2011 гг. подушевой ВВП Азербайджана, Армении, Казахстана возрос не менее чем в 1,5 раза, в России – на 12–13%, в Туркмении – примерно на четверть, а в Узбекистане более чем на 40%. Наконец, следует подчеркнуть, что темпы повышения жизненного уровня большинства населения во многих республиках Центральной Азии и Южного Кавказа, как правило, отставали от динамики макроэкономических индикаторов.

Во всех остальных странах Центральной Азии и Южного Кавказа в 2009 году объем ВВП продолжал увеличиваться.

Однако более точным показателем экономической динамики является изменение подушевого ВВП. Подсчёты показывают, что с учётом этого фактора уже в 2009 году в Казахстане наблюдалась стагнация производства.

В Армении в 2010 и 2011 гг., несмотря на восстановительный экономический рост (2010–2,1%, 2011–5%), объем ВВП и его подушевого индикатора всё еще не превышает 91–92% от уровня 2008 г.

В России только в конце 2011 – начале 2012 года был достигнут максимальный предкризисный уровень всего и подушевого ВВП.

В Грузии в 2011 году объем всего и подушевого ВВП на 6–8% превысил уровень 2008 года.

В Азербайджане в 2009–2010 гг. наблюдалось снижение темпов роста ВВП, а в 2011 году – обнаружилась стагнация экономики и снижение подушевого индикатора производства товаров и услуг.

Во всех государствах Центральной Азии, кроме Киргизии (очевидное воздействие переворота (революции?) 2010 г.), в 2010–2011 гг. наблюдался экономический рост, показатели которого, однако, колебались от страны к стране в достаточно широких пределах (от 6,5 до 14,7%).

Период постсоветского, самостоятельного развития изучаемых республик охватывает ныне двадцать лет. За это время все они переживали кризис переходного типа, восстановительный, а некоторые и поствосстановительный рост и настало время подвести первые итоги этого процесса. О них свидетельствуют данные таблицы.

Динамика подушевого ВВП в России, ЦА и ЮК (в процентах, в постоянных ценах)

	2008	2009	2010	2011	2010 к 1991	2011 к 1991	2010 к 1989	2011 к 1989
Азербайджан	108,5	107,1	103,8	99,0	191,5	189,6	163	161,4
Армения	106,6	85,4	101,9	104,8	182,6	191,3	146	152,9

консолидировать танзанийцев. Таким образом, можно проследить следующие пары:

СЕМЬЯ	НАЦИЯ
ujamaa (братство)	социализм
ndugu (братья и сестры)	члены нации
baba (отец)	первый президент (отец нации)

Использование термина Уджамаа являлось умышленным отклонением от заимствованного термина «социализм» (usoshialisti). Политика Уджамаа символизировала отказ от политики usoshialisti и установление собственной африканской традиции. При этом использовался термин ndugu, который должен был передавать значение «товарищ». Фундаментальное различие между «товарищ» и ndugu заключается в том, что термин ndugu подразумевает кровные отношения, близкий образ для танзанийцев.

Резкую негативную коннотацию имеют ассоциации капиталистической экономики с животным миром. Например:

MNYAMA (животное)	КАПИТАЛИСТ
Beberu (козел)	империалист
Ubeberu	империализм

Подобные метафоры Дж. Ньерере использовал в своих выступлениях. Считается, что империалист ведет себя также эгоистично в своих стремлениях к завоеваниям, как упомянутое животное.

2. Период пост-Уджамаа.

В этот период члены танзанийского парламента проголосовали за смену термина, используемого при обращении с ndugu на mhashimiwa «уважаемый». Это событие было не случайным, а отражением не только отказа от эгалитарных идеалов, но и принятия обществом неравенства как должного. В этот период наибольшей популярностью пользуются метафоры «Экономика как игра» и «Нищая нация».

В то время как политика Уджамаа была нацелена на централизацию власти и экономики, политика пост-Уджамаа оперирует понятием свободного рынка. Для лексики эпохи рыночной эко-

номики характерен отказ от негативной коннотации капитализма и рыночных отношений, в терминологии преобладает сравнение экономики с игрой:

ЭКОНОМИКА	ИГРА
Ushindani (соревнование)	экономическое взаимодействие
Mtaji (шашка)	капитал
Mdau (тот, кто заключает пари)	акционер

Данные термины сейчас широко используются в языке суахили для нового понимания современных экономических отношений. Восприятие экономики как игры позволило затмить прежде бытовавшие ассоциации капитализма с животным миром.

Терминология также отражает перемену в отношении к иностранным донорам и материальной помощи других государств. Танзания приняла роль нищего, что отразилось в следующих метафорах:

НИЩИЙ	НАЦИЯ
Mhisani (благотетель)	страна-донор
Mfadhili (благотворитель)	донор
Msamaha (прощение)	списание долга

В стране произошло коренное изменение от политики опоры на собственные силы к политике привлечения иностранных инвестиций, что находит свое отражение в общественно-политической лексике суахили. Метафоры создают, таким образом, единое образное пространство политического дискурса суахили, в котором базисные метафорические схемы актуализируют содержание политического термина.

Фридман Л.А.

Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в 2008-2011 гг.

Цель доклада: проследить динамику ВВП России, стран Центральной Азии и Южного Кавказа в предкризисный (2008), кризисный (2009) и послекризисные (2010-2011) годы.

Хотя в России и некоторых других странах падение ВВП началось еще в 2008 году, я использовал средние годовые показатели; в таком случае последним предкризисным годом во всех изучаемых странах был 2008 год, когда повсеместно наблюдалось увеличение не только всего, но и душевого ВВП.

Как известно, именно 2009 считается годом мирового финансово-экономического кризиса. Однако это не значит, что падение ВВП происходило во всех или даже большинстве стран мира. Напротив, оно наблюдалось главным образом в странах Западной, Центральной, Восточной и Южной Европы, а также Северной Америки.

В то же время в большинстве стран Азии и Африки продолжался экономический рост, хотя во многих из них снизились его темпы.

В странах СНГ экономический кризис особенно тяжело отразился на тех государствах, которые оказались глубже других интегрированы в мировую экономику и поддерживали тесные экономические связи со странами, переживавшими кризис; это находило отражение в динамике экспорта и импорта, капитализации фондового рынка, движении капитала и т. д.

Наиболее глубокое падение ВВП (14,1%) наблюдалось в Армении, значительная часть национального дохода которой формировалась за счёт внешних источников, в том числе поступлений от диаспоры (постоянных жителей стран Западной Европы и Северной Америки).

В России, доходы которой от продажи нефти, продуктов её переработки, а также газа сократились в 2009 г. примерно на 40%, ВВП снизился на 7,8%.

В Грузии, по официальным данным, в результате вооруженного конфликта и действия других неблагоприятных факторов, ВВП снизился на 3,8%.

4. Китай взял курс на «транснациональное хозяйствование». Внешнеэкономическое наступление намечено осуществить по нескольким направлениям: внешняя торговля, зарубежные капиталовложения, создание транснациональных компаний.

5. Китайская внешнеэкономическая политика, рассчитанная на победу во всемирной «великой войне цен» за счёт сравнительно низкой стоимости рабочей силы, форсированного экспорта своей продукции и обеспечения свободного доступа к мировым природным ресурсам, создает принципиально новую экономическую ситуацию.

6. До недавнего времени в центре внимания аналитиков находились главным образом иностранные капиталовложения в Китай. Экономика страны приобрела экспортную ориентацию. За 30 лет за счёт экспорта обеспечены 20% экономического роста Китая. В 2010 г. экспортная ориентация экономики позволила получить 30% налоговых поступлений страны. Непосредственно в экспортных отраслях занято 80 млн. человек, 60% из них являются крестьянами-мигрантами. Они составляют почти 26% рабочей силы в городах страны.

7. С началом международного экономического кризиса размах получили развитие два направления экспорта капитала Китая. Первое – приобретение государственных ценных бумаг государств-партнёров в целях содействия экспорту своих товаров. Так, Китай стал самым крупным владельцем государственных ценных бумаг США. Второе – приобретение за рубежом месторождений полезных ископаемых, производственных, торговых, научно-исследовательских и иных активов. В ближайшие 10 лет китайское правительство планирует выделить \$1 трлн на приобретение активов за рубежом. За счет увеличения масштабов экспорта капитала происходит постепенное выравнивание объёмов импорта и экспорта капитала. Так, в 2005 г. на \$1 экспорта капитала приходилось \$4,9 его импорта, но в 2010 г. на \$1 экспорта пришлось \$1,79 импорта капитала.

Каплун М.И., Суетина Ю.Г., Вихрова А.Ю.

Типология соотношения «тон-интонация» в йоруба, хауса и китайском языке

1. Какое бы исследование мы не брали по просодии тональных языков, то оно в любом случае становится страницей или целой главой в саге, в которой главными героями в той или иной степени выступают тон и интонация. И в каждом языке между ними сложные и весьма специфические взаимоотношения. Тоны, выполняя одну и ту же функцию, – лексическую – делают в разных языках это по-своему и различными акустическими средствами. Вот почему и характер взаимоотношения тона и интонации в разных просодических системах будет совершенно разным.

2. На акустическом уровне тон и интонацию определяют одни и те же акустические характеристики. Сложность задачи в том и заключается, что необходимо точно определить, за счет каких акустических характеристик происходит дифференциация тона и интонации и каков вклад этих характеристик в осуществлении данной дифференциации.

3. Известно, что сначала основные выводы, касающиеся взаимоотношения тона и интонации, делались на основе изучения тональных языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Исследование тональных языков Западной Африки позволило по-новому взглянуть на ряд лингвистических проблем, в том числе и на взаимодействие тона и интонации. Сразу необходимо констатировать, что выработать какой-то универсальный механизм этого взаимодействия, одинаково безупречно действующий как, например, в тональной системе хауса (2 тона), так и в тональной системе китайского языка (4 тона), не удалось и вряд ли такое станет возможно в будущем.

4. В тональной системе китайского языка каждый из четырех тонов ограничен в маневре в частотном пространстве, поэтому очень жестко акустически структурирован, а это, в свою очередь, предполагает минимальную степень нейтрализации в любых контекстных ситуациях.

5. Совершенно иную картину мы наблюдаем в просодической системе хауса, в тональной системе которого 2 регистровых

тона – высокий и низкий, но они занимают практически ту же частотную нишу, что и китайские тоны. В силу этих причин язык хауса богат такими акустическими феноменами, как «downdrift», «downstep», о которых никогда не упоминается в исследованиях по просодии китайского языка. Все эти факторы свидетельствуют о слабости акустических скреп тонов хауса, у которых под влиянием интонации настолько нивелируются, сглаживаются акустические характеристики, что они порой полностью перестают соответствовать своему эталонному аналогу.

6. Анализируя принцип взаимодействия между тоном и интонацией в языке йоруба, можно прийти к выводу, что по своей акустической структуре три тона йоруба – низкий, средний, высокий – гораздо ближе к тонам китайского языка, чем к ареально близким языкам хауса, ибо. Многочисленные эксперименты различного характера подтверждают тезис о прочности акустической структуры тонов йоруба в любых ситуациях контекста, что позволяет им исправно выполнять свою основную функцию в языке – лексическую.

Экономика стран Азии и Африки

Гельбрас В.

Китай: импорт и экспорт капитала

1. Тема доклада связана с рядом устойчивых явлений в политической и экономической стратегии Пекина, приобретающих всё большее значение.

2. На рубеже 1990–2000-х годов в Пекине произошло принципиальное изменение внешнеэкономической политики. Она приобрела новые цели, новые параметры, новые формы организации и новые способы действий. В 2000 г. без широкой огласки была провозглашена стратегия глобального внешнеэкономического наступления под девизом «Идти вонне!». Новая цель: вывести Китай по масштабам экономического потенциала к 2020–2030 гг. на первое место в мире. При этом сохранена в основе своей прежняя политика привлечения иностранного капитала под девизом «Приглашаем приходить!».

3. Внешнеэкономическая политика обрела публично провозглашённую идеологическую базу: «великое возрождение нации Китая».

4. Экономические цели и их идеологическое оформление сопровождается изменением отношения к зарубежным китайцам. Они теперь рассматриваются как важная составная часть «нации Китая», как важнейшая движущая сила не только экономического, но также научно-технического подъёма, базового условия экономического соревнования с США и другими развитыми странами.